

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№2 / 2019

В НОМЕРЕ:

- ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ
- ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМАНДИРОВ (НАЧАЛЬНИКОВ): ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
- ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК (СИЛ) В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ И ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ИЛИ ВОССТАНОВЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ
- ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ВОЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВО ВТОРОМ КВАРТАЛЕ 2019 ГОДА

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№2
2019

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

123001, г. Москва,
ул. Большая Садовая, д. 14

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-62644
от 10 августа 2015 г.

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук по юридическим
и военным наукам (Перечень ВАК)
28 декабря 2018 г. за № 196 по группам
научных специальностей
12.00.09– Уголовный процесс
(юридические науки),
20.00.00 – Военные науки (военные науки)

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

Выходит 4 раза в год
на русском языке

Распространяется
в Российской Федерации

Представляемые к изданию статьи
проходят обязательную экспертизу
в соответствии с требованиями
Инструкции о порядке подготовки
в Вооруженных Силах
Российской Федерации
материалов к открытому опубликованию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Мишуткин Игорь Викторович,
начальник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Члены редакционного совета:

Безбабнов Олег Геннадьевич,
директор Правового департамента
(начальник юридической службы)
Министерства обороны Российской Федерации

Дерешко Богдан Юльевич,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
МВД России по научной работе

Ивановский Владимир Сергеевич,
начальник Главного управления военной полиции
Министерства обороны Российской Федерации

Маликов Сергей Владимирович,
советник Управления по вопросам
государственной службы и кадров
Администрации Президента Российской Федерации

Марченков Валерий Иванович,
главный научный сотрудник (научный руководитель)
Военного университета

Петров Валерий Георгиевич,
заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации - Главный военный прокурор

Сорочкин Александр Сергеевич,
заместитель Председателя Следственного
комитета Российской Федерации – руководитель
Главного военного следственного управления

Солонин Дмитрий Олегович,
помощник начальника Военного университета по
работе с верующими военнослужащими

Хомчик Владимир Владимирович,
заместитель Председателя Верховного Суда
Российской Федерации – председатель Судебной
коллегии по делам военнослужащих

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель:

Винокуров Александр Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент

Заместитель председателя:

Никонович Сергей Леонидович,
доктор юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Бараненков Вячеслав Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор

Дамаскин Олег Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор

Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор

Кандыбко Наталья Викторовна,
доктор экономических наук, профессор

Кардаш Игорь Леонидович,
доктор военных наук, профессор

Корякин Виктор Михайлович,
доктор юридических наук, профессор

Кушнир Андрей Михайлович,
доктор экономических наук, профессор

Лиховидов Константин Станиславович,
доктор юридических наук, доцент

Мазаник Александр Иванович,
доктор военных наук, профессор

Мигачев Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Никитин Алексей Николаевич,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор

Рыльская Марина Александровна,
доктор юридических наук, доцент

Толкаченко Анатолий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор

Топорков Анатолий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор

Журнал ориентирован на публикацию результатов научных исследований по специальности 20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права, а также иных научных работ, в которых рассматриваются вопросы правового обеспечения обороны и военной безопасности государства

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией

Главный редактор:

Винокуров А.Ю.

Заместитель главного редактора:

Никонович С.Л.

Научный редактор:

Докучаев О.В.

Перевод разделов
на английский язык:

Бочаров А.В.

Верстка:

Бочаров А.В.

Адрес редакции:

111033, г. Москва,

ул. Б. Садовая, д. 14

E-mail: vestnikvp-vu@mail.ru

<http://www.vvp-vu.pf>

Подписано в печать:

июнь 2019

Формат 70x108 1/16.

Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии

«ИСПО принт»

г. Москва, ул. Щипок, д. 28

Тел.: 8 (499) 235-54-52

E-mail: zakaz@ispo-print.ru

www.ispo-print.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ПРАВА

ДОКУЧАЕВ О.В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА
ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ7

МЕЛЬНИК В.В.

ЗНАЧЕНИЕ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ АКТИВИЗАЦИИ СИСТЕМНОГО
МЫШЛЕНИЯ ЮРИСТОВ ПРИ ПОСТАНОВКЕ И РЕШЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМ ВОЕННОГО ПРАВА И ДРУГИХ ОТРАСЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ..... 14

ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ЧЕРНЯВСКИЙ А. Г., ЕМЕЛЬЯНОВА А. И.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК (СИЛ) В ВООРУЖЕННЫХ
КОНФЛИКТАХ И ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ИЛИ
ВОССТАНОВЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ21

КАНДЫБКО Н.В., ПЛАКСА В.Н.

ГУМАНИТАРНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО
ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ31

ВОЕННОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

КОРЯКИН В.М., АЗОВЦЕВ А.А.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМАНДИРОВ (НАЧАЛЬНИКОВ):
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ37

ХОЛИКОВ И. В., ЛАПИНА О. А.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯВКИ
ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА МЕРОПРИЯТИЯ, СВЯЗАННЫЕ
С ПРИЗЫВОМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ45

ХАРИТОНОВ С.С.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АТТЕСТАЦИОННЫХ
КОМИССИЙ ПРИ УВОЛЬНЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО
НЕСОБЛЮДЕНИЮ УСЛОВИЙ КОНТРАКТА50

КРИМИНАЛИСТИКА

ВИНОГРАДОВА К.А., САВИНА Л.А.

ИЗЪЯТИЕ И ОСМОТР МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ И НАХОДЯЩЕЙСЯ
НА НИХ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ,
СОВЕРШЕННЫМ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ55

Трибуна соискателя

Нечаев А. А.

Становление и развитие системы финансового обеспечения
вооруженных сил Российской империи59

Панасенко Н.А.

Борьба политической полиции Российской империи с
террористами-взрывниками64

Полянко А.Н.

Об эффективности сделок с имуществом Министерства
обороны Российской Федерации и способах ее повышения68

Шишов С.С.

Современное состояние правовых понятий ответственности
за нарушение правил кораблевождения на основе анализа
их исторического развития71

Шоев Ш.Р.

Правовые вопросы обеспечения режима секретности в
коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ.....77

Новое в военном законодательстве

Бочаров А.В.

Обзор основных изменений в российском военном
законодательстве во втором квартале 2019 года87

Общие правила опубликования научных статей в журнале «Вестник военного права»

Правила направления, рецензирования и опубликования
научных статей в журнале «Вестник военного права».....95

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF MILITARY LAW

DOKUCHAEV O.V.

ACTIVITY OF THE MILITARY PROSECUTOR OF THE LENINGRAD FRONT
AGAINST FIGHTING CRIME IN THE BLOCADE LENINGRAD.....7

MELNIK V.V.

SIGNIFICANCE OF SISTEM ANALYSIS FOR ACTIVATING THE SYSTEMIC
THINKING OF LOWYERS IN THE FORMULATION AND SOLUTION AKTUAL
PROBLEMS OF MILITARY LAW AND OTHER BRANCHES LEGAL SCIENCE
AND PRACTICE.....14

MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW

CHERNYAVSKY A. G., EMELYANOVA A. I.

LEGAL PROTECTION FOR THE ACTIONS OF TROOPS (FORCES) IN ARMED
CONFLICTS AND ON THE TASKS FOR THE MAINTENANCE OR RESTORATION
OF INTERNATIONAL PEACE AND SECURITY.....21

KANDYBKO N.V., PLAKSA V.N.

HUMANITARIAN AND LEGAL ASPECTS OF THE MODERN ARMED CONFLICT
IN URBAN CONDITIONS.....31

MILITARY ADMINISTRATIVE LAW

KORYAKIN V.M., AZOVTSSEV A.A.

PROCEDURAL ACTIVITIES OF COMMANDERS (CHIEFS): THEORETICAL ASPECT37

KHOLIKOV I.V., LAPINA O.A.

PROBLEM ISSUES OF LEGAL SUPPORT OF ATTENDANCE OF THE RUSSIAN
CITIZENS TO THE ACTIVITIES RELATED TO THE CONSCRIPTION FOR THE
MILITARY SERVICE45

HARITONOV S.S.

ATTESTATION COMMISSIONS ACTIONS LEGALITY IN CASE OF MILITARY
SERVICEMAN DISMISSION OVER CONTRACTS NON-COMPLIANCE CONDITIONS.....50

CRIMINALISTICS

VINOGRADOVA K.A., SAVINA L.A.

SEIZURE AND INSPECTION OF MOBILE PHONES AND THOSE ON IT
ELECTRONIC INFORMATION ON CRIMES, PERFECT MILITARY PERSONNEL.....55

TRIBUNE OF APPLICANT

NECHAEV A. A.

GENESIS AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE ARMED FORCES
FINANCIAL SUPPORT SYSTEM.....59

PANASENKO N.A.

STRUGGLE OF THE POLITICAL POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE AGAINST
TERRORISTS-EXPLOSIVES64

POLYANKO A.N.

ABOUT EFFICIENCY OF TRANSACTIONS WITH PROPERTY OF THE MINISTRY
OF DEFENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS OF ITS INCREASE68

SHISHOV S.S.

CURRENT STATE OF LEGAL NOTIONS OF RESPONSIBILITY FOR VIOLATION
OF THE RULES OF NAVIGATION ON THE BASIS OF THEIR HISTORICAL
DEVELOPMENT71

SHOEV S.R.

LEGAL ISSUES OF ENSURING THE REGIME OF SECRECY IN COLLECTIVE
RAPID RESPONSE FORCES CSTO.....77

CHANGES IN MILITARY LAW

BOCHAROV A.V.

REVIEW OF CHANGES IN THE RUSSIAN MILITARY LEGISLATION IN THE
SECOND QUARTER OF 2019.....87

RULES OF SENDING, REVIEWING AND PUBLISHING SCIENTIFIC ARTICLES IN THE “VESTNIK VOENNOGO PRAVA”

RULES OF SENDING, REVIEWING AND PUBLISHING SCIENTIFIC ARTICLES
IN THE “VESTNIK VOENNONGO PRAVA” JOURNAL (THE JOURNAL OF
MILITARY LAW)95

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

ДОКУЧАЕВ О.В.

DOKUCHAEV O.V.

THEORY AND HISTORY OF MILITARY LAW

ACTIVITY OF THE MILITARY PROSECUTOR OF THE LENINGRAD FRONT AGAINST
FIGHTING CRIME IN THE BLOCAD E LENINGRAD

Докучаев Олег Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент, ФГКБОУ ВО «Военный
университет» Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: dokuchaev.ov@gmail.com

Dokuchaev Oleg Vladimirovich, Candidate
of Law, associate professor, The Military
University of the Ministry of Defense of the
Russian Federation
E-mail: dokuchaev.ov@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются вопросы организации работы военной прокуратуры Ленинградского фронта и подчиненных ей прокуратур по борьбе с преступностью в условиях блокады Ленинграда (сентябрь 1941 г. – февраль 1944 г.). Приводятся правовые основы этой работы и примеры из деятельности военных прокуроров и следователей.

Abstract. The article reveals the issues of organizing the work of the military prosecutor's office of the Leningrad Front and its subordinate prosecutor's offices on combating crime under blockade of Leningrad (September 1941 - February 1944). The legal bases and examples of this work and the directions of the activities of military prosecutors and investigators.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, борьба с преступностью, раскрытие преступлений, военная прокуратура Ленинградского фронта, военные прокуроры и следователи

Keywords: crime control, military prosecutor's office of the Leningrad front, blockade of Leningrad, criminalistic methods, crime detection, military prosecutor's office bodies, military investigative agencies.

2019-й год – особый в истории России. 75 лет тому назад, 27 января 1944 г. была окончательно снята блокада Ленинграда, которая началась 8 сентября 1941 г. Город остался для врага неприступной твердыней на Неве. Жители города и советские воины стойко выдержали испытания, которых история человечества еще не знала: холод, голод, горе от потери родных и близких людей, постоянные вражеские бомбежки, артобстрелы и кровопролитные сражения.

В схватке с врагом активно

участвовали военные прокуроры и следователи. В боевой обстановке на их долю выпали нелегкие задачи по борьбе с преступностью и обеспечению надзорными средствами законности, правопорядка в войсках и среди гражданского населения, для чего порой приходилось принимать непосредственное участие в боях на переднем крае в непосредственной близости от вражеских позиций.

Советские войска, находясь в блокаде, показали беспримерную храбрость,

стойкость, выносливость, мужество и отвагу. Но под влиянием тяжелой обстановки и немецко-фашистской пропаганды отдельные неустойчивые лица, представлявшие собою исключение, проявляли трусость и неверие в нашу победу, шли на преступления перед Родиной, пытаясь в нарушение воинской присяги уклониться от участия в боях, несения военной службы, чтобы выжить любой ценой.

Осуществляя борьбу с такими преступлениями, как измена Родине, переход на сторону врага, добровольная сдача в плен, дезертирство, членовредительство, паникерство, отход подразделений без приказа с боевых позиций, разбазаривание военного имущества, хищение продовольствия и других материальных ресурсов, военные прокуроры и следователи одновременно выполняли задачи общей превенции: предупреждения совершения преступлений другими военнослужащими, недопущения массовости подобных криминальных явлений, повышения боевой устойчивости войск в целом. Эти задачи ими были успешно выполнены, чем внесен существенный вклад в разгром врага под Ленинградом.

В условиях войны резко возросла физическая и морально-нравственная нагрузка на военных прокуроров и следователей, от них требовалось безотлагательно выполнить большой объем следственной работы в кратчайшие сроки, в любое время суток и любых условиях боевой обстановки. Многие из них погибли или пропали без вести.

В исторической и художественной литературе много внимания уделяется сохранению памяти о бесчисленных жертвах и героическом подвиге ленинградцев во время блокады.[1]

Однако малоизвестным фактом является то, что военной прокуратуре Ленинградского фронта оперативно подчинялись все расположенные в кольце блокады прокуратуры, в связи с чем ее юрисдикция распространялась на весь комплекс объектов надзора в Ленинграде и области, борьбу не только с воинской, но и всей общеуголовной преступностью, преступлениями против государственной безопасности.

С удовлетворением следует отметить, что в последние годы, благодаря снятию

грифа секретности с большинства архивных источников, изучение и популяризация накопленного в годы Великой Отечественной войны опыта прокурорско-следственной деятельности приобретает все большую актуальность как среди учёных [2], так и энтузиастов-поисковиков, деятельность которых связана с исследованием военной истории и направлена на увековечение памяти защитников Отечества.[3]

Автор этой публикации видит свою задачу в том, чтобы дополнить имеющиеся в литературе публикации сведениями об организации работы военных прокуратур на Ленинградском фронте в борьбе с преступностью в период блокады.

Состав, структура и численность органов военной прокуратуры в блокадном Ленинграде постоянно менялись применительно к фронтовым условиям. 27 августа 1941 г. в состав прокуратур фронта вошли военные прокуратуры 8-й, 23-й, 48-й общевойсковых армий, Невской и Приморской оперативных групп. В дальнейшем в него входили прокуратуры некоторых других армий. Каждой военной прокуратуре объединения подчинялось от 3 до 10 военных прокуратур стрелковых корпусов, дивизий и бригад по количеству соединений, входящих в боевой состав соответствующей армии.

Военными прокурорами Ленинградского фронта являлись диввоенюрист Грезов Михаил Григорьевич (07.08.1941 – 30.09.1942) и генерал-майор юстиции Петровский Филипп Лаврентьевич (20.04.1943 – 15.07.1946).

Об объеме выполняемых военным прокурором управленческих задач можно, в частности, судить по штатной численности оперативного состава военных прокуратур Ленинградского фронта (по состоянию на 01.06.1942).

С 30 августа 1941 г. управлению фронта был подчинен Краснознаменный Балтийский флот. Военный прокурор флота бригадвоенюрист Макухин Ф. К., оставаясь в административном подчинении Главного прокурора Военно-Морского Флота, перешел в оперативное подчинение военному прокурору фронта. В состав военных прокуратур КБФ входили также военные прокуратуры ВВС флота, Кронштадтской военноморской базы, Ладужской военной флотилии, Ленинградского гарнизона

**Штатная численность оперативного состава военных прокуратур
Ленинградского фронта (по состоянию на 01.06.1942)**

Штатные наименования военной прокуратуры	количество ВП	численность в ВП	в т.ч. в/следов
Ленинградского фронта	1	17	3
Ленинградского гарнизона	1	17	10
ударной армии (2-й)	1	9	2
общевойсковых армий (4, 8, 23, 42, 52, 54, 55, 59)	8	8	2
армии противовоздушной обороны	1	10	5
13-й воздушной армии	1	8	2
управления подвоза Ленинградского фронта	1	10	6
оперативных групп (Приморской, Невской)	2	8	2
корпусов (4 и 6 гв.ск, 13 кав.к)	3	7	3
стрелкового корпуса (43 ск)	1	6	3
авиационного корпуса (7 ав.к)	1	5	2
дивизий (стрелковых, артиллерийских, НКВД и пр.)	60	5	3
бригад (стрелковых, морских, инженерных и пр.)	17	3	1
бригады выздоравливающих	1	4	2
укрепрайона (22-го Карельского)	1	3	1
районов авиационного базирования	7	5	2
войск НКВД Ленинградского округа	1	9	5
ИТОГО:	108	585	281

морской обороны приозерных районов, Балтийского оборонительного берегового района (БОБР), Выборгского, Ижорского и Гогландского укрепсекторов береговой обороны.

Кроме военно-морских прокуроров, прокурору фронта оперативно подчинялись военные прокуратуры войск НКВД по охране тыла фронта, военная прокуратура Октябрьской железной дороги, военная прокуратура города Ленинграда во главе с бригадвоенюристом Панфиленко А. И., а также 17 военизированных районных прокуратур. [4]

Тем самым на военного прокурора

Ленинградского фронта были возложены полномочия по руководству прокурорско-следственной деятельностью во всех сферах деятельности осажденного города, фронта, тыла и огромная ответственность за ее результаты.

За последнее время в работах ряда авторов отражена деятельность в кольце блокады органов безопасности, внутренних дел, войск НКВД, военного трибунала города Ленинграда и районных военных трибуналов по борьбе с общеуголовной преступностью, в том числе имевшими место фактами людоедства, а также особо опасными государственными преступлениями,

включая измену Родине, шпионаж, диверсии, террористические акты, пособничество врагу и другие.[5] Вопросу поднадзорности этих органов соответствующим прокурорам, оперативно подчиненным военному прокурору Ленинградского фронта, внимания в них не уделено.

Военные прокуратуры располагались как в самом городе Ленинграде, так и в семи секторах кольца обороны в зависимости от дислокации объединений, соединений и органов военного управления.

Например, в восточном секторе действовала военная прокуратура Невской оперативной группы. В октябре 1942 г. она была преобразована в военную прокуратуру 67 армии, войска которой располагались фронтом вдоль правого берега Невы до Ладожского озера. В районе Невской Дубровки и на правобережном плацдарме «Невский пятачек» дислоцировались подчиненные прокуратуре армии военные прокуратуры 45 гвардейской стрелковой дивизии, 10, 20, 85, 115, 168, 177, 265 стрелковых дивизий, 1 стрелковой дивизии НКВД, 11 стрелковой бригады и 4 бригады морской пехоты.

В районе Пулковских высот (юго-восточный сектор) находились военные прокуратуры 30 гвардейского, а также 110 и 123 стрелковых корпусов 42 армии с входящими в их состав девятью военными прокуратурами дивизий: 63 и 64 гвардейских стрелковых, 56, 85, 86, 189, 224 и 291 стрелковых.

Обеспечение надзорными средствами эффективной деятельности «Дороги жизни» осуществляла военная прокуратура управления перевозок.

Наибольшие безвозвратные потери в личном составе были именно в этих военных прокуратурах. Однако работники военных прокуратур погибали и в самом Ленинграде. Так, в ноябре 1941 г. при бомбардировках города погибло 13 сотрудников военных прокуратур, в том числе 10 человек в результате прямого попадания 500-килограммовой авиабомбы в здание военной прокуратуры фронта 19 ноября. 4 апреля 1942 г. на улице города осколками вражеской бомбы убит военный прокурор Фрунзенского района города Ленинграда военюрист Эгенбург З.В.

Правовыми основами осуществляемого военными прокуратурами уголовного преследования в блокадном Ленинграде, помимо Уголовного [6] и Уголовно-процессуального [7] кодексов РСФСР, являлись также Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре [8], указы ВЦИК СССР, нормативные правовые акты высших государственных органов (СНК СССР, ГКО, НКО СССР) об усилении уголовной ответственности за конкретные виды преступлений (например, приказ СВГК от 16.08.1941 № 0270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» [9] и приказ НКО СССР от 28.07.1942 № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», больше известный как приказ «Ни шагу назад» [10]), а также директивные указания Главной военной прокуратуры Красной Армии и постановления Военного совета фронта.

Эти акты отражали строгость государственной политики уголовной репрессии, вызванной оценкой повышенной опасности сложившейся криминогенной обстановки, распространенности соответствующих преступлений [11] в условиях Великой Отечественной войны.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 «О военном положении»[12] расширялись полномочия военных советов с предоставлением им права принимать общеобязательные решения в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности. В связи с этим военный прокурор Ленинградского фронта отчитывался перед Военным советом о состоянии законности, преступности и правопорядка не только в войсках, но и в городе.

В период блокады неизмеримо возросли требования к организации работы военных прокуратур. Это вызывалось боевой обстановкой, упомянутым расширением сферы деятельности, сжатыми сроками решения важных задач, мобилизацией в органы военной прокуратуры недостаточно квалифицированных юридических кадров. На состояние работы влияли физическое истощение людей и трудности с материальным обеспечением.

Специфика организации работы военной прокуратуры в военное время нашла отражение в Положении о военной прокуратуре на военное время и в местностях, объявленных на военном положении [13]; во Временном наставлении по работе военных прокуроров Рабоче-крестьянской Красной Армии, утвержденном Прокурором СССР 05.08.1941 и объявленном приказом Главного военного прокурора РККА от 15.09.1941 № 53 [14]; Наставлении по работе военного следователя, введенном в действие приказом Главного военного прокурора РККА от 19.10.1942 № 1/32. [15] Благодаря этим нормативным актам организация работы военных прокуратур была детализированно перестроена «на военный лад».

Как на квалификацию преступлений, так и на всю организацию работы военных прокуратур в блокадном Ленинграде влияла «боевая обстановка», т.е. совокупность факторов и условий, складывающихся в районе ведения боевых действий в определенное время и влияющих на подготовку и выполнение подразделениями, частями и соединениями боевой задачи. [16]

В боевой обстановке военные прокуроры и следователи строили свою работу с учетом конкретных условий, складывающихся на фронте. Военным прокурорам и следователям нередко приходилось выполнять следственные действия на переднем крае, в траншеях, блиндажах, под неприятельским огнем, участвовать в десантных операциях, форсировании водных преград, что было сопряжено с исключительными трудностями и большим риском для жизни.

Согласно указаниям ГВП РККА и военного прокурора фронта сроки предварительного следствия кардинально сокращались при сохранении высоких требований к качеству следствия. [17] При этом уголовные дела приходилось расследовать в сложных полевых условиях: при постоянных потерях личного состава – очевидцев преступлений, отсутствии табельных технико-криминалистических средств и возможности назначения криминалистических экспертиз. Уголовные дела о должностных, хозяйственных и других сложных преступлениях военная прокуратура фронта обычно принимала к своему производству либо передавала в военную прокуратуру Ленинградского

гарнизона.

Опыт борьбы с воинской преступностью во время блокады показал, что тяжелые бои при прорыве обороны противника, захвате плацдармов обычно сопровождались большими потерями в личном составе, что сказывалось на увеличении числа фактов членовредительства. В связи с этим по указанию прокуратуры фронта военные следователи дежурили в приближенных к передовой линии пунктах приема раненых, оперативно получали данные о подозреваемых в членовредительстве, возбуждали уголовные дела и проводили первоначальные следственные действия. Завершалось следствие в расположениях воинских частей, где проводилась проверка добытых по делу доказательств и сбор материалов в отношении субъектов преступлений.

В период блокады войска находились преимущественно в длительной обороне. Военная прокуратура, как правило, располагалась вместе со штабом дивизии, где имела устойчивая телефонная связь с подчиненными частями и вышестоящими штабами.

Активно велась борьба с дезертирством. Совершая побег с поля боя, военнослужащие неизбежно оставались в пределах блокированной территории и обычно скрывались в городе. Военные следователи совместно с милицией организовывали местный розыск таких лиц.

При приобретении опыта организации следствия в условиях блокады улучшилось взаимодействие военных следователей с командованием, политорганами, контрразведкой «Смерш», органами дознания, что существенно повысило эффективность работы. В прокуратуре фронта каждое полугодие проводились совещания, на которых разбирались недостатки, обсуждались вопросы распространения передового опыта расследования преступлений. Обмен опытом лучших следователей проводился на специальных семинарах, где, в частности, был обобщен передовой опыт военного следователя военной прокуратуры 59-й армии М. И. Бару по расследованию должностных и хозяйственных преступлений. [18]

Несмотря на упомянутые сложности, в условиях блокады Ленинграда имелись и отдельные преимущества в следственной работе по сравнению с другими

фронтами. Так, в Ленинграде действовали органы внутренних дел, которые располагали возможностями проведения оперативно-розыскных мероприятий и активно взаимодействовали с военными прокуратурами. Телефонная связь работала практически повсеместно. Комендантский час, другие режимные ограничения в перемещениях граждан упрощали их поиск и вызов для проведения следственных действий. В городе продолжали действовать отдельные экспертные учреждения, что давало возможность проводить судебные экспертизы.[19]

Связь с Главной военной прокуратурой РККА осуществлялась обычно при помощи транспортной авиации, доставлявшей служебную переписку. Представители ГВП РККА, прибывавшие в Ленинград для проверки организации работы, в своих докладах руководству не раз отмечали военную прокуратуру Ленинградского фронта в лучшую сторону по сравнению с другими военными прокуратурами, особенно выделяя ее роль в обеспечении надзорными средствами тактических операций, бесперебойной доставки продовольствия и других грузов в осажденный город, сбережения военной техники, исполнения боевых приказов и пр. [20]

В период блокады расследовалось значительное количество дел о хищениях государственного имущества, в основном продовольствия, табака [21] в том числе путем искусственного создания излишков при представлении фиктивных сведений о количестве убитых, раненных, эвакуированных в госпиталь. Хищению продовольствия способствовала фальсификация документов, например, составление подложных актов о гибели в связи с налетами вражеской авиации партий имущества, транспортируемых по «Дороге жизни». [22]

В литературе упомянут пример расследования следующего уголовного дела. В ночь на 28 ноября 1941 г. 80 стрелковая дивизия Невской оперативной группы, согласно разработанному штабом фронта плану операции по прорыву блокады, должна была нанести отплевачный удар на левом берегу Невы южнее Шлиссельбурга. При этом 1-й особый лыжный полк морской пехоты Балтийского флота под командованием

майора Маргелова В.Ф. (ставшего после войны создателем ВДВ) скрытно выдвинулся по льду Ладожского озера на его южный берег для захвата плацдарма. Однако 80 сд боевую задачу не выполнила, на рубеж атаки не вышла и удар не нанесла. Командир соединения полковник П. сообщил в штаб фронта, что подчиненные ему воинские части после боев слабы и к наступлению не готовы. В результате боя с превосходящими силами противника полк морской пехоты был почти полностью уничтожен, а Маргелов В.Ф. тяжело ранен. В связи с этим командир и комиссар дивизии арестованы и преданы суду военного трибунала. Уголовное дело в отношении них по обвинению в измене Родине (ст. 58.1 «б» УК РСФСР) расследовано военными следователями военной прокуратуры фронта совместно с фронтовой контрразведкой. К делу приобщены в качестве вещественных доказательств боевые документы и штабные карты. Допрошены многие свидетели из числа военнослужащих дивизии. Проведена военно-тактическая экспертиза. Обвинительное заключение утвердил военный прокурор фронта Грезов М.Г. Судебное заседание военного трибунала фронта состоялось 2 декабря 1941 г. Раненный Маргелов В.Ф. дал в суде показания в качестве свидетеля. Суд переквалифицировал действия подсудимых на пункт «б» статьи 193.21 УК РСФСР «Самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений вопреки военным правилам при особо отягчающих обстоятельствах» и приговорил их к расстрелу. В последнем слове подсудимые просили у Маргелова В.Ф. прощения за гибель подчиненных ему морских пехотинцев. [23]

В обзоре от 08.01.1942 результатов работы военной прокуратуры Ленинградского фронта отмечено, что за истекший с начала войны период работники военных прокуратур освоились с боевой обстановкой, закалились в борьбе с трудностями, показали образы героизма. За проявленное мужество военный следователь военюрист 2 ранга Митрохин А.А. награжден медалью «За боевые заслуги», поощрены многие другие военные прокуроры и следователи.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что активная борьба военных прокуроров

и следователей с преступностью в условиях блокады Ленинграда существенно повлияла на укрепление боевой устойчивости войск, законности и правопорядка в городе, что способствовало успеху в разгроме врага и приблизило прорыв и полное снятие блокады.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мы из блокадного Ленинграда. Сборник очерков, рассказов и воспоминаний / В. Д. Малыгин, С. С. Фогель, И. Б. Шустин. – Н. Новгород, 2011. – 356 с.

2. Маликов С. В., Савенков А. Н. Руководство по военно-полевой криминалистике. – М., 2011, – 656 с.; Международно-правовые, теоретические и организационные основы уголовного преследования за совершение военных преступлений в отношении гражданского населения: монография / Винокуров А. Ю. – М.: Спутник+, 2011. – 695 с.

3. Сидорик Д. В. О чем кричит неясность. – 2015. – Доступ из справочно-поисковой системы по истории органов военной прокуратуры: <http://гвпркка.рф/assets/o-чём-кричит-неясность.pdf>.

4. Архив ГВП, опись 01537, 1943. Д.22/1–22/5. С.128–195.

5. Белозеров Б. П. Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла северо-запада). Монография. – СПб.: Агентство «РДК-принт». – 2001. – 320 с.; Волинец А. Н. Окруженный военный суд. – Режим доступа: <https://zona.media/article/2015/14/10/sud-v-blokadnom-leningrade>.

6. Уголовный кодекс РСФСР, принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва, введен в действие с 1 января 1927 г. Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (СУ 1926 г. № 80, ст. 600).

7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, принят 4-й сессией ВЦИК IX созыва, утвержден Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. (СУ 1923 г. № 7, ст. 106).

8. Утверждено Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 20 августа 1926 г. (СУ 1926 г. № 57, ст. 413).

9. Источник: РГВА, ф. 4, оп. 12, д. 98, л. 617–622. Заверенная копия. Опубл. в «Военно-историческом журнале». 1988. № 9. С. 26–28. Цитируется по книге: Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. — М.:

Терра, 1997. — Т. 13 (2—2). — С. 58—60 — (Русский архив: Великая Отечественная).

10. Источник: РГВА, ф. 4, оп. 12, д. 98, л. 617–622. Заверенная копия. Опубл. в «Военно-историческом журнале». 1988. № 9. С. 26–28. Цитируется по книге: Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. — М.: Терра, 1997. — Т. 13 (2—2). — С. 58—60 — (Русский архив: Великая Отечественная).

11. Савенков А. Н. Вопросы уголовной политики государства // Государство и право. 2017. № 1. С.163–171.

12. Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. №29.

13. Представление Вышинскому А. Я. №47831 от 16.07.1941г. // Архив ГВП, 1941. Д.249. С.15–29.

14. Источник: архив ГВП, ф. 4, оп. 12, д. 98, л. 617–622. Заверенная копия. Опубл. в «Военно-историческом журнале». 1988. № 9. С. 26–28. Цитируется по книге: Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. – М.: Терра, 1997. — Т. 13 (2—2). — С. 58–60 (Русский архив: Великая Отечественная).

15. Деятельность органов военной юстиции в условиях войны: Учебное пособие / Под. ред. Новикова В. Ф. – М., 1983. С.23–27.

16. Советская военная энциклопедия. В 8-ми томах. – М., 1989, Т.7. С.551.

17. Горный А. Г. Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Соц. законность, 1975. №4. С.32.

18. Директива ГВП №92/1-Д от 13.06.1942г. // Архив ГВП, 1942. Оп. №1713. С.162–169.

19. Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993.

20. Информационное письмо ГВП РККА по общему надзору № 2/1-Д от 14.01.1942 // Архив ГВП, 1942. Оп. №1713. С.182–199.

21. Деятельность органов военной юстиции в условиях войны: Учебное пособие. – М., ВКИ. 1983. С.49–50.

22. Розенблит С. Я. Расследование дел о хищении и разбазаривании военного имущества должностными лицами. – М., 1948. С.8–25.

23. Смыслов О. С. Расстрелять перед строем. – М.: Вече. 2016. – 352 с.

ЗНАЧЕНИЕ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ АКТИВИЗАЦИИ СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ ЮРИСТОВ ПРИ ПОСТАНОВКЕ И РЕШЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ВОЕННОГО ПРАВА И ДРУГИХ ОТРАСЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

МЕЛЬНИК В.В.

MELNIK V.V.

THEORY AND HISTORY OF MILITARY LAW

SIGNIFICANCE OF SISTEM ANALYSIS FOR ACTIVATING THE SYSTEMIC THINKING OF LOWYERS IN THE FORMULATION AND SOLUTION AKTUAL PROBLEMS OF MILITARY LAW AND OTHER BRANCHES LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

Мельник Валерий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Melnik Valery Vasilevich, Doctor of Law, Professor, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Аннотация. Автор статьи обращается к вопросу методологии системного анализа с использованием понятийного аппарата теории систем и системного анализа, теории функциональных систем, теории самоорганизации (синергетики); комплексного подхода с применением метода экспертных оценок как средства развития и активизации системного мышления при постановке и решении актуальных проблем военного права и других отраслей юридической науки и практики; автор намечает некоторые перспективные направления использования этой методологии для решения задач судебно-правовой реформы в России.

Ключевые слова: системное мышление; системный анализ; системный подход; системно-синергетический подход; комплексный подход с использованием метода экспертных оценок

Abstract. The author, in the order of formulation and justification of system analysis using the conceptual apparatus of the theory of systems, the theory of self-organizing (synergetics), as well as an integrated approach using method of expert assessments as a means of development and enhancing systemic thinking in the formulation and solution of actual problems of military law and other branches of legal science and practice outlines some promising directions for using this methodology to solve the problems and legal reform associated with building a fair trial in Russia.

Keywords: system thinking; system analysis; system approach; system synergistic approach; integrated approach using the method of expert assessments.

Поскольку функционирующие в обществе социальные, социально-экономические и технические системы создаются и управляются людьми, которые одновременно являются и важнейшими компонентами наиболее сложных систем, эффективность деятельности которых зависит от степени развития системного мышления у людей, вовлеченных в деятельность и (или) управление определенной системой, то одной из актуальных задач подготовки современных специалистов в любой сфере научной и практической деятельности, в том числе в области военного права и военно-юридической практической деятельности, является развитие у них определенного стиля мышления, который называется системным мышлением.

В современной научной литературе системное мышление, системный взгляд на мир рассматривается как один из ведущих способов мышления современной эпохи, существенный фактор развития науки и практики, обеспечивающий выход на принципиально новые уровни научных знаний и их приложения. Умение использовать этот способ мышления для творческого и эффективного решения актуальных научных и практических проблем, управления сложными и сверхсложными объектами любой природы является одной из важнейших общекультурных и специальных компетенций современных специалистов в различных сферах деятельности.

В многочисленных публикациях обосновывается объективная необходимость обучать современных специалистов системному мышлению для творческого подхода к решению актуальных научных и практических проблем (5; 7; 13, с. 3-4; 15; 17; 18; 19; 32; 38, с. 60, 87), в том числе в области военного права и военно-юридической деятельности.

Недостаточное развитие у современных специалистов такой компетенции,

как системное мышление является признаком их функциональной безграмотности, лишаящим их способности эффективно анализировать социальные системы и осознать свою роль в деятельности определенной социальной системы.

Английский психолог Дж. Равен в монографии «Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация» отмечает, что «одна из основных проблем нашего общества – нехватка людей, рассматривающих общество как систему <...> и анализирующих социальные институты и побудительные мотивы, которые обеспечивают нормальную работу этой системы». По его мнению, основная задача педагога для взрослых должна состоять в том, «чтобы помогать им в развитии способности к эффективному анализу социальных систем и своей роли в этих системах» [30, с. 49, 69].

Иначе говоря, одна из актуальных дидактических проблем, связанных с повышением квалификации современных специалистов, заключается в развитии у них системного мышления, которое проявляется в умении эффективно анализировать социальные системы с учетом роли человеческого, психологического фактора в механизме конкретной социальной системы.

Активизации системного мышления при решении актуальных научных и практических проблем способствует использование в научной и практической деятельности понятийного аппарата теории систем. Известный специалист по теории систем и системному анализу Ю. И. Черняк, отмечая важное познавательное-эвристическое значение системных понятий, подчеркивает, что его «восхищает, как много можно извлечь для дисциплинирования мышления и практической деятельности из каких-то двух десятков системных понятий». Далее он обращает внимание на универсальность системных понятий, которые могут «сходным образом ин-

терпретироваться для любых наук или областей человеческой деятельности» [41, с. 22], в том числе в области военно-юридической деятельности и военного права.

Для дисциплинирования мышления, активизации системного мышления при решении актуальных научных и практических проблем важное значение имеет правильное понимание субъектами научной и практической деятельности содержания основных системных понятий, выражающих сущность и организацию различных систем, в том числе социальных.

Под социальной системой понимается 1) особый класс систем, элементный состав которых представляют люди и возникающие между ними отношения; 2) структурный элемент социальной реальности, определенное целостное образование, основными компонентами которого являются люди, их связи, взаимодействия и взаимоотношения, социальные институты и организации, социальные группы и сообщества, а также нормы и ценности. Социальные системы представляют собой сложные системы, т.е. целостный комплекс взаимосвязанных компонентов (элементов, подсистем), находящихся в функциональных связях, отношениях и взаимодействиях, соответствующих назначению (функции) социальной системы в обществе и функции каждого компонента в данной системе [37; 38].

В теории систем под компонентом понимается любая часть системы, вступающая в определенные связи и отношения с другими ее частями, выполняющими в ней определенную функцию или группу функций. В качестве компонентов выступают подсистемы и элементы. Подсистема – это относительно автономная часть системы, выполняющая в ней определенную группу функций. Подсистема как относительно автономная часть системы состоит из совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, обладающих качествен-

ными и количественными характеристиками, необходимыми для реализации функций подсистемы в рамках системы, которая по отношению к ней выступает в качестве надсистемы. Элемент – предельное членение системы в рамках данного качества системы, он не состоит из компонентов и представляет собой нерасчленимый далее, элементарный носитель этого качества. Как минимальный носитель определенного качества системы элемент выполняет в системе определенную функцию. В рамках любой социальной системы любого уровня «таким элементом, минимальным, нерасчленимым носителем социального системного качества является человек, сущность которого есть совокупность всех общественных отношений». Если какое-нибудь образующее системы не выполняет хотя бы минимальной функции в ее рамках, не «служит» системе, не «работает» на нее, то оно не является частью данной системы, а чем-то нейтральным или чужеродным» [1, с. 73,74].

Целенаправленное использование понятийного аппарата теории систем для активизации системного мышления при решении актуальных научных и практических проблем называется методологией системного анализа или прикладным системным анализом, объектом которого являются реальные жизненные ситуации, требующие практического улучшающего вмешательства [32, с. 19].

В. Г. Афанасьев отмечает, что системный анализ служит средством упорядочивания разнообразной и противоречивой исходной информации, а также средством получения новой информации о различных путях достижения цели системы, тенденциях ее развития, прогнозирующей информации о возможных состояниях системы в будущем [2, с. 161].

В специальной литературе теория систем и системный анализ как способ активизации системного мышления чаще всего рассматриваются применительно

к техническим, человеко-машинным и экономическим системам, т.е. применительно к деятельности современных инженеров, экономистов, бизнесменов, менеджеров при постановке и решении ими сложных, задач, связанных с разработкой различных вариантов решений, выбором оптимального иди хотя бы рационального решения [31, с.14].

Некоторые специалисты по теории систем и системному анализу полагают, что возрастающая потребность в системном мышлении требует изучения в высших учебных заведениях дисциплины «Теория систем и системный анализ», основной задачей которой является обобщение методологии исследования сложных технических и социальных систем в целях формирования у обучаемых системного мышления как основы современного научного мышления. Для развития системного мышления студентов системный анализ изучается и в некоторых гуманитарных вузах [36; 40; 11; 6].

В монографии А. А. Капустина «Системное мышление для правоведов» системный анализ рассматривается как синоним понятий «системный подход» и «системное мышление» и делается вывод о том, что для обеспечения фундаментальной подготовки правоведов необходимо введение в современное юридическое образование учебной дисциплины под названием «Системный анализ», «Системный подход» или «Системное мышление». По мнению А.А. Капустина, преподавание такой дисциплины в юридических вузах будет способствовать повышению уровня системности в деятельности преподавателей, студентов, аспирантов юридических факультетов, а также в работе практикующих юристов [9, с. 3, 149], в том числе в деятельности военных дознавателей, следователей и прокуроров.

Методология системного анализа может быть использована и для развития и активизации системного мышления при

постановке и решении актуальных проблем юридической науки, в том числе в области военного права и военно-полевой криминалистики. Некоторые криминалисты отмечают, что одной из причин отсутствия в отечественной криминалистике общепринятого перечня элементов криминалистической характеристики преступлений заключается в том, что «...многие исследователи этой проблемы, к сожалению, не владеют технологией системного анализа» [14, с. 19].

В качестве примера удачного использования методологии системного анализа для решения актуальных проблем юридической науки и практики можно привести монографию А. В. Холопова, в которой системный анализ рассматривается как научный метод, оптимизирующий познавательную деятельность государственных обвинителей в процессе судебного следствия, обосновывается необходимость преподавания для них основ теории систем и системного анализа [39].

Методология системного анализа используется в преподавании в Военном университете Министерства обороны РФ дисциплины «Поддержание государственного обвинения органами военной прокуратуры» и при разработке учебных пособий по данной дисциплине.

Особо важное значение методология системного анализа имеет для более конкретной постановки и решения следующих актуальных проблем юридической науки и практики, некоторые из которых уже затрагивались в опубликованных автором работах:

- совершенствование законодательства, регламентирующего деятельность различных социальных, социально-экономических и технических систем;
- исследование причин недостаточной эффективной деятельности правоохранительных и других государственных органов по борьбе с коррупцией в России;
- определение оптимальной формы судопроизводства с участием народных

представителей для предупреждения коррупции и произвола в уголовном судопроизводстве и решения других задач судебной реформы в постсоветских странах [21, с. 111– 113];

- здравый смысл и совесть как интеллектуальная и нравственная основа системного мышления участников судопроизводства [22, с. 15– 96; 23, с. 132– 276; 24, с. с. 63– 198];

- определение и реализация в состязательном уголовном процессе оптимальной системы поддержания государственного и ведения защиты (известный английский адвокат и теоретик адвокатской деятельности Р. Гаррис отмечал: «Я убедился по своим наблюдениям, что лучшие адвокаты...всегда следуют известной системе в ведении дела» [8, с. 197; 24];

- разработка и произнесение убедительной судебной речи в состязательном уголовном процессе [25];

- оценка доказательной силы системы доказательств для формирования у судей и присяжных заседателей правильного внутреннего убеждения по решаемым им вопросам [23, с.140– 175, 191– 208];

- анализ феномена судейского фаворитизма в пользу обвинения при реализации конституционного права обвиняемого на рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей [26, с. 182– 185];

- разработка и совершенствование научно-методических основ судебно-психологической и других видов судебных экспертиз, в том числе применяемых в органах военной юстиции [27].

Теоретическую и методологическую основу прикладного системного анализа составляют философский принцип системности, общая теория систем и системный подход – направление философии и методологии научного познания, в основе которого лежит исследование объектов как систем [20, с. 17– 20].

Принцип системности выражает всеобщее свойство материи, заключающе-

еся в способности процессов и явлений мира образовывать системы, наличие систем, системного строения материальной действительности и форм ее познания. Иначе говоря, как отмечает В. Г. Афанасьев, «понятие системности отражает одну из важных черт действительности: способность вступать в такого рода взаимодействия, в результате которых образуются новые качества, не присущие исходным объектам взаимодействия» [1, с. 30].

Новые качества системы как целостного образования, не присущие исходным объектам взаимодействия, называются интегративными или эмерджентными свойствами (от англ. emerge – возникать, появляться).

В широком смысле термин «системный анализ» употребляется как синоним системного подхода, точнее как прикладной системный подход, направленный на поиск и изучение в объекте системообразующих механизмов, обеспечивающих наличие в объекте системных свойств [37, с. 612; 6, с. 24; 36, с. 58].

Добываемое с помощью такого системного подхода интегративное знание о качественно новых свойствах (интегративных или эмерджентных свойствах), которые имеются у системы в целом, но отсутствуют у ее элементов, глубоко отражает сущность изучаемых явлений и позволяет эффективно решать различные научные и практические задачи [2, с. 21– 156; 4, с.7; 12, с. 124– 125; 31, с. 107], в том числе в области военного права и военно-юридической деятельности.

Следует особо отметить, что системный подход включает не только системно-интеграционный аспект (определение совокупности качественных свойств системы, отличных от свойств ее элементов, обеспечивающих ее целостность), но и другие важные аспекты:

- системно-элементный – выявление элементов, составляющих данную си-

стему);

- системно-структурный – изучение внутренних связей между элементами системы);

- системно-функциональный – выявление функций системы;

- системно-целевой – выявление целей и подцелей системы;

- системно-ресурсный – анализ ресурсов, требуемых для функционирования системы;

- системно-коммуникационный – анализ внешних связей системы с внешней средой и другими системами;

- системно-исторический – изучение возникновения системы, этапов ее развития и перспектив [12, с. 124– 125].

Системный подход, понимаемый в широком смысле, включает и другие подходы, рассматриваемые «как его компоненты при системной взаимосвязке их концептуальных положений и используемого инструментария» [16, с. 63].

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В.Г. Системность и общество. – Изд. 2-е. – М. 2018.

2. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. – М. 1981.

3. Балашов Е.П. Эволюционный синтез систем. – М., 1985.

4. Барабанщиков В.А. Принцип системности в современной психологии // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. Т. 1., N 3. С. 6-17.

5. Бут Свини Л., Медоуз Д. Сборник игр для развития системного мышления: [пер. с англ.]. – М.: Просвещение, 2007.

6. Вершинина Л.П. Системный анализ для гуманитариев: учеб. пос. – СПб., 2007.

7. Гараедаги Дж. Системное мышление: Как управлять хаосом и сложными процессами: Платформа для моделирования архитектуры бизнеса. Пер. с англ. Минск, 2007

8. Гаррис Р. Школа адвокатуры. Руко-

водство к ведению гражданских и уголовных дел. Пер с англ. П. Сергеича. М., 2008.

9. Капустин А.А. Системное мышление для правоведов [вопросы методологии]: монография. – СПб.: СПбГИЭУ, 2011.

10. Кислов А.Г. Системный анализ и принятие решений. Курс лекций. Екатеринбург. 2009.

11. Кононова А.И. Переверзев А.Л. Основы системного анализа. Учеб. пос. – М., 2012.

12. Кузнецов Ю.В., Мелякова Е.В. Теория организации: учебник для бакалавров. – М., 2012.

13. Кузьмин В.П. Гносеологические проблемы системного знания. М., 1983.

14. Лаврухин С.В., Комягина Ю.С. Основы криминалистической методологии: учеб. пособие. – М. 2018.

15. Ларионова И.С., Алексеев А.А. Системное мышление в практике биолога и врача: Философский анализ. В двух томах. – М., 2008.

16. Лифшиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992-2013. – М., 2013.

17. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. Пер. с англ. – М., 2008.

18. Медоуз Д.Х. Азбука системного мышления. Пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.

19. О'Коннор Дж., Макдермот И. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2018.

20. Мельник В.В. Уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и криминологическое значение теории систем и системного анализа // Уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство [современное состояние и направления совершенствования]. – Сб. трудов участников Всероссийской научно-практиче-

ской конференции, посвященной 80-летию Московского государственного областного университета [13-14 апреля 2011]. – М. 2011. С. 17-20.

21. Мельник В.В. Значение суда присяжных для предупреждения коррупции и произвола в судопроизводстве [к истории вопроса]: тезисы научного доклада // Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права. Сб. материалов международной научно-практической конференции [Москва, ИГП РАН, 2-3 ноября 2000 г.], круглого стола [Москва, ИГП РАН, 17 мая 2001 г.], научно-практической конференции [Москва, ИГП РАН, 29-30 октября 2001 г.]. Под ред. В.В. Лунева. – М., 2002. С. 111-113.

22. Мельник В.В. Здравый смысл и совесть как интеллектуальная и нравственная основа профессионального сознания юристов / Мораль и догма юриста: Сборник научных статей. – М., 2008. С. 15-96.

23. Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе: монография. – М.: Дело, 2000.

24. Мельник В.В. Искусство защиты в суде присяжных: учеб.-практ. пособие. – М.: Издательство Дело. 2003.

25. Мельник В.В., Трунов И.Л. Искусство речи в суде присяжных: учебно-практ. пособие. – М.: Изд-во Юрайт, 2019.

26. Мельник В.В. Системный анализ феномена судейского фаворитизма в пользу обвинения при реализации конституционного права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей // Государственная служба и кадры. 2019, № 1. С. 182-185.

27. Мельник В.В., Яровенко В.В. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: монография. – Владивосток, 1991.

28. Прокудин Ю.А. Диалектика бытия. – СПб., 2011.

29. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П.

Основы системного анализа. 2-е изд., доп. – Томск., 1997.

30. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. Пер. с англ. – М., 2002.

31. Разумов О.С., Благодатских В.А. Анализ и синтез: теория и практика. – М., 2003.

32. Сенге Питер М. Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающихся организаций. Пер с англ. – М., 2009.

33. Скляров И.Ф. Система-системный подход- теория систем. – М., 2011.

34. Современный словарь по общественным наукам / Под ред. О.Г. Данилына и Н.И. Панова. – М. 2007.

35. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М. 2008.

36. Сурьмин Ю.П. Теория систем и системный анализ. Учебное пособие. – Киев. 2003.

37. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.

38. Формирование системного мышления в обучении: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. З.А. Решетовой. – М., 2002.

39. Холопов А.В. Научные методы и технические средства в судебном следствии. – М. 2014.

40. Хомяков П.М. Системный анализ: Экспресс-курс лекций. Изд. 3-е. – М., 2008.

41. Черняк Ю.И. Зачем нужна теория систем. – Фрунзе, 1990.

УДК 34

20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК (СИЛ) В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ И ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ИЛИ ВОССТАНОВЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

ЧЕРНЯВСКИЙ А. Г., ЕМЕЛЬЯНОВА А. И.

CHERNYAVSKY A. G., EMELIANOVA A. I.

MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW

LEGAL PROTECTION FOR THE ACTIONS OF TROOPS (FORCES) IN ARMED CONFLICTS AND ON THE TASKS FOR THE MAINTENANCE OR RESTORATION OF INTERNATIONAL PEACE AND SECURITY

Чернявский Александр Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, ФГКВУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: aleksandrcher@mail.ru

Chernyavsky Alexander Gennadyevich, Doctor of Law, professor, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: aleksandrcher@mail.ru

Емельянова Анна Игоревна, кандидат юридических наук, ФГКВУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: yusticiya@yandex.ru

Emelyanova Anna Igorevna, Candidate of Law, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: yusticiya@yandex.ru

Аннотация. в статье рассматриваются основные направления и характерные особенности правового обеспечения действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности как непосредственно ходе вооруженного конфликта так и на этапах подготовки (обучения) войск (сил) и в период постконфликтного урегулирования.

Abstract: The article discusses the main directions and characteristics of legal support for actions of troops (forces) in armed conflicts and in carrying out tasks to maintain or restore international peace and security, both during the course of an armed conflict and during the preparation (training) of troops (forces) and during post-conflict settlement..

Ключевые слова: вооруженный конфликт, правовое обеспечение действий войск (сил), постконфликтное урегулирование.

Keywords: armed conflict, legal support of actions of troops (forces), post-conflict settlement.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации (2018) отметил, что «весь мир проходит сейчас через переломный период, и лидером станет тот, кто готов и способен к изменениям, тот, кто действует, идёт вперёд» [1]. Современное общество характеризуется наличием целого ряда очагов военной напряженности, связанных с проблемами во взаимоотношениях между государствами и с усилением международного терроризма и экстремизма. Среди основных внешних военных опасностей Военная доктрина Российской Федерации выделяет нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области запрещения, ограничения и сокращения вооружений; наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками [2].

Российская Федерация вынуждена противостоять таким новым вызовам, как деятельность террористических организаций, незаконных вооруженных формирований, частных военных компаний, посягающих на единство, суверенитет и территориальную целостность нашего государства и союзников. Изменившаяся внешнеполитическая ситуация последних лет, новые приоритеты в сфере национальной безопасности ставят перед Вооруженными Силами Российской Федерации новые задачи по сдерживанию военных и военно-политических угроз безопасности или посягательств на интересы Российской Федерации, защите ее экономических и политических интересов.

Выполнение поставленных перед Вооруженными Силами Российской Федерации задач в соответствии с действующим внутренним и международным законодательством находится в прямой зависимости от качества правового обеспечения действий во-йск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, соблюдения военнослужащими норм международного

гуманитарного права.

Развитие этого правового института происходило весьма динамично. В связи с образованием ООН, подписанием множества международных конвенций и двусторонних соглашений международное гуманитарное право получило мощный толчок в развитии.

В 50-е гг. XX в. в вооруженных силах западных государств начали создаваться юридические группы, которые оказывали командирам правовую помощь. В их задачу входило толкование и применение норм международного гуманитарного права, закрепленных в международных соглашениях и зачастую не отражающих в полном объеме потребностей регулирования возникающих правоотношений. Даже если ограничиться непротиворечащими друг другу нормами, право вооруженных конфликтов до настоящего времени остается чрезвычайно сложным и объемным.

В современных условиях обязанность по обеспечению соблюдения военнослужащими норм международного гуманитарного права возложена на командиров (начальников) всех степеней, на должностных лиц юридической службы (юридических советников) и органы по работе с личным составом.

Правовую основу этой деятельности составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, а также Конституция Российской Федерации, федеральные законы, общевойсковые уставы Вооруженных Сил Российской Федерации, правовые акты Министерства обороны Российской Федерации, касающиеся применения норм международного гуманитарного права. Важными источниками права вооруженных конфликтов являются также боевые уставы и наставления по обеспечению боевых действий, приказы, директивы и другие служебные документы, необходимые для проведения занятий, учений и мероприятий, определенных планами боевой подготовки, на основе требований норм международного гуманитарного права [3].

Задачи командиров (начальников) конкретизированы в «Наставлении по международному гуманитарному пра-

ву для Вооруженных Сил Российской Федерации», в соответствии с которым командиры (начальники) в мирное время обязаны:

- организовывать и принимать личное участие в распространении среди подчиненного личного состава знаний о международном гуманитарном праве, обеспечивать его изучение в процессе обучения и воспитания военнослужащих, обращая внимание на то, что за грубые (серьезные) нарушения его норм законодательством Российской Федерации предусматривается привлечение виновных к уголовной ответственности;

- постоянно поддерживать правопорядок и высокую воинскую дисциплину, гарантирующие соблюдение подчиненными норм международного гуманитарного права в случае вооруженного конфликта;

- привлекать в ходе оперативной (боевой) подготовки помощника командира (начальника) по правовой работе (других должностных лиц юридической службы) к выполнению обязанностей, которые возлагаются в период вооруженного конфликта на юридического советника;

- контролировать наличие у военнослужащих удостоверений личности или военных билетов с отметкой о прохождении обязательной государственной дактилоскопической регистрации, опознавательного медальона (жетона), удостоверения о принадлежности к медицинскому персоналу;

- предусматривать систему мер по организации розыска подчиненных военнослужащих, регистрации и передаче сведений о пропавших без вести;

- организовать обеспечение подчиненных воинских частей (подразделений) необходимыми международными средствами опознавания (отличительными эмблемами, знаками и средствами подачи сигналов опознавания), а также текстами законодательных актов Российской Федерации и международно-правовых документов, определяющих поведение военнослужащих-участников боевых действий;

- контролировать подготовку медицинского персонала и должностных лиц юридической службы по изучению

и выполнению норм международного гуманитарного права [3].

Кроме этого в период вооруженного конфликта командиры (начальники) в соответствии с требованиями, установленными Наставлением по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации, должны:

- подавать личный пример в соблюдении норм международного гуманитарного права;

- обеспечивать изучение личным составом норм международного гуманитарного права и обязанностей, налагаемых на них этими нормами;

- требовать соблюдения норм международного гуманитарного права и принимать меры по предупреждению их нарушения;

- в случае нарушения норм международного гуманитарного права пресекать их и привлекать к ответственности лиц, совершивших эти нарушения; о серьезных (грубых) нарушениях докладывать вышестоящему начальнику;

- оказывать уважение и покровительство национальным обществам Красного Креста (Красного Полумесяца) и другим добровольным обществам помощи, признанным и уполномоченным своим правительством, при условии подчинения личного состава этих обществ военным законам и приказам командования;

- оказывать содействие Международному Комитету Красного Креста в выполнении им гуманитарных функций с целью обеспечения защиты и оказания помощи жертвам вооруженных конфликтов.

В мирное время, а особенно в период вооруженного конфликта, командирам (начальникам) целесообразно привлекать для разрешения вопросов по применению норм международного гуманитарного права должностных лиц подразделений юридической службы. Практика подтвердила необходимость более широкого использования военных юристов в случаях участия войск не только в вооруженных конфликтах, но и в миротворческих операциях по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности. Так, профессор И. Н. Арцибасов

подчеркивает, что если война перестает подчиняться праву, она становится простым насилием, злоупотреблением силой [4].

Командиры (начальники) традиционно для решения вопросов, касающихся применения норм международного гуманитарного права, в период вооруженных конфликтов, привлекали помощника по правовой работе или другое, находящееся в его непосредственном подчинении должностное лицо юридической службы, которое в таких случаях исполняет обязанности юридического советника. Указанное положение вытекает из ст. 82 Дополнительным протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., которое указывает, что государства «обеспечивают наличие юридических советников, которые могли бы, когда это необходимо, давать советы военным командирам на соответствующем уровне о применении Конвенции и настоящего Протокола и о соответствующем инструктаже вооруженных сил по этому вопросу» [5].

Однако в настоящее время выполнение данного требования осложняется тем, что специалистов в данном направлении деятельности единицы. Это связано с оптимизацией численности военнослужащих в условиях формирования нового облика Вооруженных Сил Российской Федерации, а также недостаточным бюджетным финансированием деятельности военно-юридической службы, непониманием значимости ее работы. В современных условиях, когда подразделения юридической службы комплектуются из числа лиц гражданского персонала, часто даже не проходивших военную службу, необходимо проводить их специальную военно-юридическую подготовку и повышение квалификации. Главная цель такой переподготовки состоит, на наш взгляд, в ознакомлении должностных лиц юридической службы с основами военной администрации, военного права, со спецификой осуществления правовой работы в органах военного управления, обеспечения действий войск (сил) в условиях вооруженных конфликтов и миротворческих операций.

В целях соблюдения норм национального законодательства и междуна-

родного гуманитарного права в Вооруженных Силах Российской Федерации организуется правовое обеспечение действий войск (сил) в вооруженных конфликтах, а также при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности.

В соответствии с «Наставлением по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации» правовое обеспечение действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности осуществляется путем изучения норм международного гуманитарного права личным составом, проведения правовой экспертизы проектов боевых и иных документов, консультирования командиров (начальников) по вопросам применения норм международного гуманитарного права с учетом выполнения конкретных боевых задач, оказания содействия командованию в организации взаимодействия с местными органами власти и гуманитарными организациями, осуществляющими деятельность в районах действия войск (сил) [6].

Правовое обеспечение действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых командирами (начальниками), подразделениями (должностными лицами) юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации, органами по работе с личным составом в пределах их компетенции при подготовке и в ходе действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, а также в ходе постконфликтного урегулирования.

В ходе подготовки войск (сил) к действиям в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности основные усилия правового обеспечения сосредотачиваются на изучении личным составом норм национального законодательства

и международного гуманитарного права.

Командиры (начальники) дают указания подразделениям (должностным лицам) юридической службы и органам по работе с личным составом об организации мероприятий правового обучения и воспитания. Подразделения (должностные лица) юридической службы и органы по работе с личным составом организуют изучение военнослужащими норм национального законодательства и международного гуманитарного права, информируют личный состав и должностных лиц, привлекаемых к планированию и принятию решений, о нормах международного права, требованиях национального законодательства и последствиях их нарушения.

Основные цели правового обеспечения в ходе изучения личным составом норм национального законодательства и международного гуманитарного права заключаются в оказании помощи подчиненным не только непосредственно в информировании о содержании норм национального законодательства и международного гуманитарного права, но и их практическом применении в ходе подготовки к действиям в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, а также в осуществлении контроля за правильностью их применения личным составом.

Должностные лица юридической службы осуществляют контроль готовности войск (сил) к действиям в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности в части, касающейся соблюдения норм международного права и выполнения требований национального законодательства. В ходе контроля проверяются точность выполнения указаний и распоряжений, направленных на обеспечение соблюдения норм национального законодательства и международного гуманитарного права, соответствие принятых решений командирами (начальниками) всех уровней нормам национального законодательства и международного гуманитарного права, знание личным

составом норм национального законодательства и международного гуманитарного права, наличие в подчиненных воинских частях (подразделениях) необходимых международных средств опознавания (отличительных эмблем, знаков и средств подачи сигналов опознавания), текстов законодательных актов Российской Федерации и международно-правовых актов, определяющих поведение военнослужащих-участников боевых действий.

Результаты контроля докладываются командирам (начальникам), которые при необходимости принимают решения и дают соответствующие указания об организации с личным составом дополнительных мероприятий правового обучения и воспитания по вопросам, вызывающим наибольшие трудности.

На командиров (начальников) всех степеней в ходе подготовки к действиям в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности налагаются обязанности не только по организации изучения подчиненным личным составом норм международного гуманитарного права, но и личному участию в мероприятиях правового обучения и воспитания.

Особое внимание в ходе обучения личного состава необходимо уделять тому, что за нарушения норм международного гуманитарного права, содержащие признаки преступлений, законодательством Российской Федерации предусмотрено привлечение виновных лиц к уголовной ответственности.

В рамках командирской (профессионально-должностной подготовки) следует акцентировать внимание на необходимость постоянного поддержания правопорядка и высокой воинской дисциплины, гарантирующих соблюдение подчиненными норм международного гуманитарного права, в том числе, обеспечение защиты жертв вооруженных конфликтов.

Командиры (начальники) всех уровней должны уметь избегать размещения военных объектов в густонаселенных районах или вблизи от них и заблаговременно предусматривать все возможные меры для защиты гражданского населения; предусматривать

организацию такого размещения медицинских учреждений, при котором их безопасность не будет находиться под угрозой при нападении на военные объекты; контролировать наличие у военнослужащих удостоверений личности или военных билетов с отметкой о прохождении обязательной государственной дактилоскопической регистрации, опознавательного медальона (жетона), удостоверения о принадлежности к медицинскому персоналу; предусматривать систему мер по организации розыска, регистрации и передаче сведений о пропавших без вести.

В планах командирской (профессионально-должностной подготовки) целесообразно предусматривать мероприятия по организации взаимодействия командиров (начальников) с должностными лицами юридической службы (юридическими советниками) и медицинским персоналом в период вооруженного конфликта и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности.

В ходе действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности основные усилия правового обеспечения сосредотачиваются на проведении правовой экспертизы проектов боевых и иных документов, а также на консультировании командиров (начальников) по вопросам применения норм международного гуманитарного права с учетом выполнения конкретных боевых задач.

Проведение правовой экспертизы боевых документов обеспечивает законность принимаемых решений и соответствие актов военного управления национальному законодательству и нормам международного права.

Организация действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности требует от командиров (начальников) лично или через подразделение (должностные лица) юридической службы осуществлять правовое информирование должностных лиц, привлекаемых к принятию решения и

планированию.

В ходе вооруженной борьбы к работе по принятию решений командиром (начальником) лично или через начальника штаба целесообразно привлекать должностных лиц юридической службы (юридических советников), которых они информируют о полученной боевой задаче в объеме, необходимом для выполнения возложенных обязанностей.

При оценке обстановки должностное лицо юридической службы (юридический советник) всегда должен быть готов доложить командиру (начальнику) о нормах национального законодательства и международного права, а также других правовых актов, оказывающих влияние на выполнение поставленных боевых задач. С целью обеспечения законности действий войск (сил) и применяемых средств командирами (начальниками) организуется информирование должностных лиц юридической службы (юридических советников) о принятом решении в части их касающейся.

При проведении правовой экспертизы и визировании проектов боевых документов и других служебных документов, представляемых на подпись командиру (начальнику), должностное лицо юридической службы (юридический советник) устанавливает соответствие представляемых на правовую экспертизу проектов документов нормам международного права и национального законодательства. В случае соответствия представленных на правовую экспертизу документов должностное лицо юридической службы визирует их. Подпись должностного лица юридической службы (юридического советника) проставляется на оборотной стороне проектов актов военного управления и приложений к нему в левом нижнем углу каждого листа.

В случае установления противоречия представляемых на правовую экспертизу проектов документов нормам международного права и внутреннему законодательству должностное лицо юридической службы не визирует их и возвращает проекты актов военного управления для устранения отдельных недостатков правового, редакционного или юридико-технического характе-

ра в подразделение или должностному лицу, ответственному за разработку проектов с предложениями о приведении их в соответствие с требованиями законодательства.

В случае необходимости незамедлительного принятия акта военного управления должностное лицо юридической службы (юридический советник) представляет командиру (начальнику) в письменном виде правовое заключение по проекту с указанием конкретных противоречий нормам международного права и национального законодательства и предполагаемых последствий издания такого акта военного управления.

При подготовке правового заключения по проектам боевых и других документов должностное лицо юридической службы (юридический советник) руководствуется национальным законодательством, нормами международного права и указаниями командира (начальника).

Проведение правовой экспертизы проектов боевых и других документов командира (начальника) включает в себя определение полномочий командира (начальника) по изданию акта военного управления, а также установление соответствия содержания проекта общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству, а также установление правильности выбора вида издаваемого правового акта.

При проведении правовой экспертизы должностное лицо юридической службы (юридический советник) обязано проверить основания издания акта военного управления, либо поручения вышестоящего командира (начальника) о подготовке проекта акта военного управления. Необходимо также проверить сведения о действующих приказах (директивах) командиров (начальников) по данному вопросу, убедиться в наличии подлинников согласований или замечаний руководителей структурных подразделений, соблюдении требований юридической техники.

В ходе действий войск (сил) в воору-

женных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности командиры (начальники) всех уровней обязаны подавать личный пример в соблюдении требований национального права и норм международного гуманитарного права, принимать всесторонние меры по обеспечению их соблюдения подчиненным личным составом, требовать неукоснительного выполнения ими обязанностей, налагаемых этими нормами, а также принимать меры по предупреждению и пресечению нарушений норм международного гуманитарного права и привлечению в пределах своей компетенции к ответственности лиц, их совершивших [6].

Командиры (начальники) для решения возникающих вопросов практического применения национального законодательства и норм международного гуманитарного права в ходе выполнения конкретных боевых задач при необходимости привлекают должностных лиц юридической службы (юридических советников) к консультированию личного состава.

Юридическая консультация представляет собой совет специалиста в области юриспруденции, получение информации и справок юридического характера [6]. При проведении консультаций по правовым вопросам, возникающим у должностных лиц в процессе их деятельности, должностное лицо юридической службы (юридический советник) информируется о полученной боевой задаче, оценивает обстановку и доводит нормы международного права и национального законодательства, которые могут оказать влияние на выполнение поставленных войскам (силам) задач.

Чтобы на высоком профессиональном уровне выполнять возложенные на них задачи, должностные лица юридической службы должны пройти качественную подготовку по оперативно-тактическим дисциплинам, вопросам боевого применения вооружения и военной техники, по общим юридическим дисциплинам и, конечно же, по международному гуманитарному праву, обладать навыками примене-

ния норм международного гуманитарного права в условиях вооруженных конфликтов и миротворческих операций.

К сожалению, в настоящее время таких специалистов в Вооруженных Силах Российской Федерации единицы. Многие командиры (начальники) приняли по своей инициативе меры к сохранению военных юристов, зачастую даже идя на нарушение штатной дисциплины. В соответствии со штатами, введенными при формировании нового облика Вооруженных Сил Российской Федерации, воинских должностей военных юристов не предусмотрено. Понимая, что для оперативного решения задач, стоящих перед Вооруженными Силами Российской Федерации, требуется профессиональное правовое обеспечение, многие командиры (начальники) изыскивали возможность назначения офицеров-юристов на воинские должности с другими военно-учетными специальностями, привлекая их фактически к решению задач военно-юридического обеспечения управленческой деятельности. Тем самым предотвращается вред, который может неизбежно возникнуть при решении правовых вопросов лицами, не обладающими необходимыми знаниями, умениями и навыками, особенно в условиях вооруженных конфликтов и миротворческих операций.

Как в ходе действий войск (сил) в вооруженных конфликтах, так и после их окончания, при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности основные усилия правового обеспечения сосредотачиваются на осуществлении постоянного контроля за соблюдением войсками (силами) норм национального законодательства и международного гуманитарного права, выявлении и регистрации нарушений норм международного гуманитарного права со стороны противника, организации и осуществлении взаимодействия по правовым вопросам с представителями гражданской администрации.

В обязанности должностных лиц юридической службы (юридических советников) входит оказание содей-

ствия командованию в организации взаимодействия с местными органами власти и гуманитарными организациями, осуществляющими деятельность в районах действия войск (сил). После окончания боевых действий, как только позволит обстановка, должностное лицо юридической службы (юридический советник) участвует в подготовке предложений по организации взаимодействия с представителями местной администрации, возвращению временно перемещенных граждан на прежнее место жительства, возврату владельцам гражданского имущества, которое временно использовалось в военных целях, а также в поддержании тесных связей с местными органами власти и правоохранительными органами в интересах обеспечения бесконфликтных отношений личного состава с гражданским населением.

Кроме того, осуществляется правовое обеспечение взаимодействия командования с представителями местной администрации по вопросам соблюдения правил поведения и порядка передвижения гражданского населения в районах (зонах) действий (ответственности) войск, обозначения этих районов и при проведении других мероприятий, снижающих уровень опасности для гражданского населения.

Любой вооруженный конфликт завершается мероприятиями по восстановлению мирной жизни гражданского общества, общественно-политических, экономических и социальных структур на территории, где проходили военные действия. Эти мероприятия проводятся после активной стадии вооруженного противостояния сторон, в рамках периода восстановления конституционного строя и экономики страны.

Целью постконфликтного урегулирования является формирование условий для мирного восстановления общественно-политических, экономических, социальных и коммуникационных структур на территории, где проходил вооруженный конфликт.

Для достижения поставленной цели необходимо последовательное решение ряда задач, например: устранение причин и источников угрозы возобнов-

ления вооруженного конфликта, восстановление государственного управления и возобновление деятельности институтов гражданского общества, восстановление и поддержание основных систем жизнеобеспечения населения, элементов инфраструктуры, обеспечение безопасности гражданского населения, оказание ему гуманитарной, экономической и иной необходимой помощи. Конкретный перечень задач постконфликтного урегулирования определяется сложившейся на территории обстановкой, демографическими, этно-национальными, историческими, конфессиональными и социальными особенностями сторон и другими факторами. Мероприятия постконфликтного урегулирования должны включать сокращение вооружений конфликтующих сторон, реформирование социально-экономического устройства государства и общества, укрепление правопорядка с проведением реформ судебной и других систем, что нашло свое практическое воплощение в ходе боевых действий в Сирии.

Вооруженные Силы Российской Федерации в постконфликтном урегулировании должны быть готовы выполнять широкий спектр задач от нейтрализации источников угрозы возобновления вооруженного конфликта до временной замены институтов гражданского общества и системы государственного управления. Реализация данных мероприятий не представляется возможной без надлежащего правового обеспечения действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности.

Можно выделить ряд направлений правового обеспечения действий войск (сил) при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности.

Во-первых, необходимо организовывать разъяснение военнослужащим норм национального законодательства и международных договоров, определяющих правовой статус и задачи контингента миротворческих сил, а также порядка организации и осуществления

взаимодействия с командованием и военнослужащими коллективных миротворческих сил.

Во-вторых, командиры (начальники) обязаны организовывать сбор и анализ сведений о нарушениях норм международного гуманитарного права, совершаемых в отношении военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации.

В-третьих, необходимо наладить и поддерживать взаимодействие органов управления с представителями местной администрации, миссиями (представителями) Организации Объединенных Наций или иными межправительственными организациями, на основании решения которых проводится миротворческая операция, а также с представителями местной администрации и правоохранительными органами в интересах обеспечения бесконфликтных отношений войск (сил) с гражданским населением.

Таким образом, правовое обеспечение действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности объединяет ряд мер правового характера, включающих:

- организацию и осуществление изучения личным составом норм международного гуманитарного права и национального законодательства;
- проведение правовой экспертизы и визирование проектов актов военного управления;
- консультирование по правовым вопросам, возникающим у должностных лиц в процессе их деятельности;
- контроль соблюдения норм международного гуманитарного права непосредственно в ходе действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности;
- проведение мероприятий постконфликтного урегулирования с целью формирования условий для мирного восстановления общественно-политических, экономических, социальных и коммуникационных структур на территории, на которой проходил вооруженный конфликт.

Комплекс мероприятий по правовому обеспечению действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности необходимо осуществлять как непосредственно в ходе боевых действий, так и при подготовке (обучении) войск (сил) и после окончания боевых действий (в ходе постконфликтного урегулирования).

Проведенный нами анализ руководящих документов показывает, что в настоящее время в системе обеспечения действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности правовому обеспечению внимание уделяется недостаточное. С одной стороны, командиры (начальники) при организации действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности обязаны выполнять поставленные перед Вооруженными Силами Российской Федерации и подчиненными им соединениями задачи (в том числе, боевые задачи) в полном объеме, а с другой – при этом они должны обеспечить соблюдение норм национального законодательства и международного гуманитарного права, предпринять необходимые меры, чтобы избежать, или свести к минимуму потери среди гражданского населения и причинение ущерба гражданским объектам. Однако это не представляется возможным без создания современной эффективной системы правового обеспечения действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности. В связи с этим представляется необходимым возобновить комплектование военно-юридических подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащими и подготовку соответствующих специалистов в Военном университете Министерства обороны Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 13.05.2018).

2. Военная доктрина Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 25 дек. 2014 г. № Пр-2976 // Рос. газ. 30 дек. 2014.

3. О мерах по соблюдению норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах Российской Федерации: приказ Министра обороны Российской Федерации от 8 августа 2001 г. № 360. Текст приказа официально опубликован не был. Доступ из справ-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 09.04.2018).

4. Арцибасов И. Н. Санкт-Петербургская декларация 1868 года и становление и развитие права войны // Международный симпозиум по праву войны. Краткий отчет. Женева, 1994. С. 49.

5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I): вступил в силу 7 декабря 1978 г., в соответствии со статьей 95, подписан от имени СССР в Берне 12 декабря 1977 г., ратифицирован Постановлением Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. N 330-I с заявлением Протокол вступил в силу для СССР 29 марта 1990 г. Текст Протокола опубликован в Сборнике международных договоров СССР, Вып. XLVI. М., 2001 г. Доступ из справ-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 09.04.2018);

6. Наставление по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации: утверждено приказом Министра обороны Российской Федерации 3 дек. 2015 г. № 717. Текст наставления официально опубликован не был. Доступ из справ-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 09.04.2018).

УДК 340

20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права

ГУМАНИТАРНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ

КАНДЫБКО Н.В., ПЛАКСА В.Н.

KANDYBKO N.V., PLAKSA V.N.

MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW HUMANITARIAN AND LEGAL ASPECTS OF THE MODERN ARMED CONFLICT IN URBAN CONDITIONS

Кандыбко Наталья Викторовна, доктор экономических наук, профессор, ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: nataliya_v@mail.ru

Kandybko Nataliya Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: nataliya_v@mail.ru

Плакса Василий Николаевич, ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: 9992075@mail.ru

Plaksa Vasily Nikolaevich, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: 9992075@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы реализации мер предосторожности при ведении боевых действий в городских условиях. Особое внимание уделяется необходимости минимизации вреда гражданскому населению и ущерба городской инфраструктуре. Дается обзор норм международного гуманитарного права, регламентирующих вопросы защиты гражданских лиц и гражданских объектов в условиях вооруженного конфликта, а также некоторых отечественных и зарубежных нормативных правовых актов, регламентирующих данные вопросы.

Abstract. The article deals with problem issues of realization of precaution measures during the hostilities in urban areas. The main focus is given to the necessity to minimize harm to the civilian population and city infrastructure indispensable for its survival. The overview of particular provisions of international humanitarian law that regulate the issues of protection of civilian population and civilian objects in the armed conflict along with some domestic and foreign legal acts in this domain is given.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, современный вооруженный конфликт, война в городских условиях, меры предосторожности.

Keywords: international humanitarian law, modern armed conflict, war in cities, urban warfare, precautions measures.

Тенденция к урбанизации населения и росту городов характерна для всех стран мира. Вместе с этим рост городского населения сопряжен с целым рядом социальных, политических, экономических, и других проблем. Поэтому возникающие вооруженные конфликты все чаще происходят и будут происходить в густонаселенных районах.

С учетом этих тенденций можно ожидать, что в перспективе конфликты будут иметь все более разрушительные последствия и причинять все большие страдания городскому населению. Общепризнано, что вооруженный конфликт в условиях города носит затяжной характер, что в свою очередь влечет за собой серьезные проблемы в восста-

новлении разрушенной или поврежденной городской инфраструктуры. Разрушительные последствия вооруженных конфликтов в городе связаны в первую очередь с применением сторонами конфликта авиации (бомбардировок) и тяжелой артиллерии (использования боеприпасов большой мощности), которые обладают неизбирательным характером по своему поражающему действию. При этом восстановление функций разрушенного объекта гражданской инфраструктуры связано с риском для жизни специалистов аварийно-восстановительных бригад, происходит медленно и не застраховано от повторного разрушения.

Без сомнения, использование современных технических достижений, таких как системы наблюдения, высокоточное оружие способно снизить негативные последствия от вооруженного конфликта. Однако в городских боях даже самым хорошо оснащенным армиям трудно определить легитимные цели и использовать такие способы ведения боевых действий, чтобы избежать или, по крайней мере, свести к минимуму ущерб гражданскому населению и гражданской инфраструктуре. Между тем гражданское население городов часто не знает, как дистанцироваться от мест, где есть риск попасть в «перекрестье прицела». Возможность минимизировать ущерб гражданскому населению во многом зависит от того, какие меры предосторожности принимают командиры для смягчения негативных последствий боевых действий. «Меры предосторожности» – это юридический термин в международном гуманитарном праве (далее МГП), который требует от воюющих сторон ограничивать свои средства и методы ведения войны таким образом, чтобы избежать или свести к минимуму ущерб гражданскому населению и гражданским объектам [1, с. 637].

Принимаемые командирами меры предосторожности будут в значительной степени зависеть от имеющейся у них информации о городах, в которых они воюют, и о гражданском населении, проживающем в этих городах; полнота и актуальность информации – от количества времени и качества данных, которые они

должны собрать и проанализировать. Проблема же заключается в том, что исходную информацию о городах, такую как концентрация населения и расположение гражданских структур, зачастую сложно найти, а если такая информация имеется и даже является точной, она подвержена динамичному изменению в связи с изменением обстановки во время вооруженного конфликта.

Требования о принятии мер предосторожности включают обязанность командира получать информацию об объектах, имеющих защищенный статус в рамках МГП, задолго до начала активных боевых действий. На сегодняшний день в сфере ограничения средств и методов ведения военных действий применяются такие международно-правовые акты, как Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.), в которой содержится положение «О законах и обычаях сухопутной войны» [2], Женевские Конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы I и II к ним [3]. В статье (1) 57 Дополнительного протокола I к Женевским Конвенциям от 12 августа 1949 г. излагается общее правило принятия мер предосторожности, которое требует от сторон вооруженного конфликта принимать все необходимые меры, чтобы щадить гражданское население, гражданских лиц и гражданские объекты. Более конкретные нормы содержатся, в частности, в ст. (а) (2) 57. Эта статья требует от лиц, планирующих или отдающих приказ на проведение боевых действий, сделать все возможное и убедиться, что являющийся целью объект соответствует юридическим критериям законной цели; принять все возможные меры, для того чтобы выбрать средства (например, оружие) и методы (тактику) ведения войны, чтобы избежать или минимизировать ущерб гражданским объектам и населению; воздерживаться от действий, которые могут причинить чрезмерный вред по отношению к ожидаемому военному преимуществу.

В мире сегодня существует серьезная проблема исполнения норм, обязывающих соблюдать меры предосторожности, соразмерности и обоснованности при ведении военных действий. Показательным является пример циничного

игнорирования норм МГП, продемонстрированного военными коалиции государств под руководством Соединенных Штатов Америки в ходе операции по освобождению от террористических формирований Сирийского г. Эр-Ракка в июне-октябре 2017 г. Окружив город, в котором находилось около 4000 вооруженных активных членов террористической организации и более 300000 городских мирных жителей, не предоставив гражданскому населению гуманитарных коридоров для выхода и не обременяя себя обязанностью соблюдения мер предосторожности, войска коалиции массово применили ракетно-бомбовые средства поражения. Использование боеприпасов большой мощности, а также неизбирательного действия сопровождалось многочисленными жертвами среди гражданского населения и тотальным разрушением гражданской инфраструктуры, в том числе жизненно-необходимой. Город был практически стерт с земли.

В марте 2017 г. авиация США нанесла мощный авиаудар по западному пригороду Иракского г. Мосул, в результате которого погибли сотни мирных жителей. При анализе подобных действий явно просматривается тенденция использования коалицией тактики тотального уничтожения зданий, не считаясь с жертвами среди мирного населения.

По мнению авторов статьи, данные несоразмерные и неизбирательные нападения должны быть приравнены к военным преступлениям [4].

Информация, которой располагает командир, может оказывать решающее влияние на то, какие меры, предусмотренные в ст. (1) 57 и (а) (2) 57, он будет принимать при планировании боевых действий. Знания, где и как противник располагается в городе; где находится его штаб и командные пункты; где проживают гражданские лица и в какое время они регулярно посещают определенные места; где находятся такие места, как больницы и места отправления культа представляют собой лишь часть информации, обеспечивающей правомерное решение командира: кто или что может (или не может) быть объектом поражения и какие меры предосторожности необходимо принять в целях защи-

ты гражданских лиц и объектов.

Актуальной остается проблема соблюдения мер предосторожности в динамике непосредственных боевых действий. Темп городской войны зачастую высок, места дислокации мирных жителей и участников вооруженных формирований могут быстро меняться, а подразделения противника, которые отказываются носить униформу, легко сливаются с гражданским населением. Возникают ситуации, когда, например, командир отдает приказ о проведении ответных воздушных или наземных операций при попадании подразделения под обстрел противника в городских районах, имея весьма ограниченное время для сбора и анализа информации о присутствии гражданских лиц и наличии объектов гражданской инфраструктуры.

Своевременность и правомерность действий командира в подобной ситуации представляется крайне сложным вопросом. Так, в некоторых случаях от командира может потребоваться проявление сдержанности, прекращение или замедление темпа боя до получения дополнительной необходимой гуманитарной информации. В подобных ситуациях вступают в действие нормы ст. 57(1) и 57(2) (а).

Ст. 57(1) обязывает командиров проявлять постоянную заботу о гражданских лицах и гражданских объектах (далее «постоянная забота») и не имеет временного охвата. То же самое относится и к ст. 57(2) (а), которая обязывает командиров делать «все возможное» для проверки того, является ли цель законной, и принимать «все возможные меры предосторожности» для предотвращения или сведения к минимуму ущерба гражданскому населению. Это означает, что в дополнение к возложению на командиров обязанности принимать постоянные и практически осуществимые меры предосторожности в момент осуществления боевых действий эти две статьи налагают на командиров дополнительные обязательства: избегать или, по крайней мере, сводить к минимуму ущерб, наносимый гражданским лицам и объектам, проверяя цели задолго до отдачи приказа на выполнение боевой задачи. Таким

образом, статьи 57(1) и 57(2)(а) не позволяют командирам действовать вслепую в ситуациях, когда у них нет времени для сбора и анализа такой информации, как, например, ведется ли снайперский огонь по их военнослужащим с вершины промышленного здания или временного медицинского учреждения.

Правовые нормы о «постоянной заботе» имплементированы в правовые акты многих государств-членов Организации Объединенных Наций. Так, «Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных сил Российской Федерации» (2001 г.) обязывает командира и штаб при организации и ведении боевых действий, настойчиво добиваясь выполнения поставленных боевых задач, обеспечить соблюдение норм международного гуманитарного права, предусматривая все возможные меры предосторожности, чтобы избежать, а если это невозможно, то свести к минимуму потери среди гражданского населения и ущерб гражданским объектам. Командир должен воздерживаться от размещения элементов боевого порядка (других военных объектов) в густонаселенных районах или вблизи от них и принимать все возможные меры, для того чтобы эвакуировать гражданских лиц и гражданские объекты, находящиеся вблизи от военных объектов [5].

В качестве примера можно также привести французские инструкции, содержащиеся в Сводной записке по Праву вооруженных конфликтов 1992 г.: «Получить максимум информации о характере и местонахождении охраняемых объектов (медицинских учреждений, культурных объектов, объектов, содержащих опасные силы) и о любой концентрации гражданских лиц прежде чем предпринимать какие-либо военные действия» [6]. Чтобы избежать ущерба гражданскому населению в австралийском руководстве по праву вооруженных конфликтов 2006 г. также говорится, что «важно получить точные разведданные до совершения нападения» и что «требуется наилучшие разведданные» в отношении концентрации гражданского населения; гражданских лиц, которые могут находиться вблизи военных объектов; характера застро-

енных территорий, таких как города, общины, приюты и т. д.; существования и характера важных гражданских объектов, особо охраняемых объектов и окружающей среды [7].

Уместно заметить, что проблема сбора информации, которую эти и целый ряд других военных инструкций предписывают иметь командиру к моменту принятия решения, не всегда может быть решена оперативно. Нередко приходится реагировать на внезапное нападение, на передовые оперативные силы, проводящие наземное патрулирование в густонаселенном районе. Подобная ситуация подчеркивает необходимость сбора и анализа командиром определенных данных на предварительной основе.

Следует отметить, что эта информация должна быть всегда актуальной и не основываться на данных устаревших переписей или карт городов, особенно в тех случаях, когда есть время и возможность собрать более точную и актуальную информацию. Вопрос актуальности подобной информации на международном уровне был поднят в Заключительном докладе прокурору Комитета, учрежденному для обзора кампании бомбардировок НАТО против Союзной Республики Югославии. В нем, в частности, говорится, что «...соответствующий воинский начальник должен создать эффективную систему сбора и оценки разведывательной информации о потенциальных целях...» [8].

Безусловно, правила «постоянной заботы» и использования мер предосторожности не являются абсолютными. Многие государства истолковывают обязательства принимать «осуществимые» меры предосторожности как «ограничивающиеся теми мерами предосторожности, которые являются практически осуществимыми или практически возможными, с учетом всех обстоятельств, определяющих момент, включая гуманитарные и военные соображения».

Представляется, что не всегда стороны конфликта имеют в своем распоряжении высококачественные технологии, способствующие проверке целей и анализу потенциального гражданского ущерба. Время также может быть кри-

тическим фактором, ограничивающим возможности командира в процессе осуществления мер предосторожности в ходе ведения оборонительных или незапланированных наступательных действий. Тем не менее уровень «осуществимости» довольно высок, что особенно актуально в густонаселенных городских районах, где боевые действия имеют почти гарантированно высокий потенциал для нанесения ущерба гражданскому населению и объектам.

Таким образом, МГП обязывает командира воздерживаться от активного ведения боевых действий, если им не будет собрана достаточная информация о целях. Ресурсы, которые командир должен будет задействовать в соответствии с правилами «постоянной заботы» и принятия «мер предосторожности», будут в значительной степени зависеть от конкретных условий. В густонаселенных городских районах, где исходные данные недоступны или ненадежны, данную проблему командир может решать получая информацию от соответствующих гражданских специалистов, таких как городские планировщики, инженеры и эксперты по сносу зданий, сооружений. Их информация может помочь осуществить необходимую оценку целостности сооружений и определить вероятность их случайного обрушения на гражданских лиц во время боевых действий. Эти специалисты могут также дать представление о городском трафике (например, о движении в час пик и о возможных схемах уличного движения), а также о том, обеспечивают ли электрические или водопроводные сети, обслуживающие противника, необходимыми ресурсами, скажем, больницы [9].

Анализ образа жизни городского гражданского населения может помочь получить данные, которые также имеют жизненно важное значение для минимизации возможного ущерба. В городских боях трудно отличить друг от друга гражданских лиц (некомбатантов) и сражающихся (комбатантов) [10, с. 360]. Результаты такого анализа могут помочь определить, какое поведение характерно для гражданских лиц и какое, например, свойственно боевикам.

Доказано, что действующие меха-

низмы расследования нарушений МГП, обязательность беспрепятственного обеспечения гражданского населения надлежащими ресурсами смягчают ущерб и способствуют уменьшению страданий. Государства, обязаны расследовать заявления о нарушениях и преследовать в судебном порядке лиц, подозреваемых в совершении серьезных нарушений МГП. Это обязанность требует от государств разработки четкой нормативной базы, сильных судебных механизмов и принятия эффективных мер для обеспечения подотчетности, чтобы предотвратить серьезные нарушения МГП и, реализовывая принцип неотвратимости наказания, наказать виновных в их совершении [11, с. 107].

В городских условиях заполнение и обновление баз данных, которые содержат места размещения гуманитарных организаций и объектов инфраструктуры, находящихся под защитой МГП и являющихся жизненно важными для обеспечения гражданских лиц, необходимо для того, чтобы они не стали объектом прямой атаки или им случайно не был причинен ущерб. С учетом того, что под воздействием различных обстоятельств местонахождение данных объектов зачастую меняется, это может быть не простой задачей. Тем не менее военному командованию необходимо находить новые способы адаптации к изменчивости городской среды. Опыт операций последних лет на Ближнем Востоке показал, что системы наведения зачастую устаревают, а городской ландшафт может меняться крайне быстро.

Существует еще одно потенциальное осложнение, которое возникает в тот момент, когда командир пытается собрать или обновить информацию. Например, при сборе массовых коммуникационных данных, используемых для автоматизированных алгоритмов решения, могут создаваться проблемы для гражданского населения. С целью их минимизации, например, «Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации» 2001 г. определяет, что «необходимо проводить различие между разрешенными и запрещенными

методами сбора информации» [4].

Подводя итог, можно сказать, что боевые действия все чаще происходят в городских условиях. Командиры всех уровней обязаны совершенствовать методы решения соответствующих боевых задач в условиях города, применяя при этом все меры предосторожности согласно нормам международного гуманитарного права, тщательно изучая вспомогательную информацию в целях максимального снижения риска причинения ущерба гражданскому населению. При этом командирам следует также находить возможности для сбора и анализа, в том числе на предварительной основе, большого объема информации о гражданском населении и городах, так как гуманитарная информация постоянно находится в движении, а высокие оперативные темпы зачастую затрудняют восполнение информационных пробелов в разгар боевых действий. Данное обстоятельство является как военным императивом, так и жизненно важной частью обязательств в рамках международного гуманитарного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батырь В.А. Международное гуманитарное право. М., 2011. 687 с.

2. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны с прилагаемым Положением о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907 г. (Гаага) URL: <http://doc.mil.ru/dokuments/quick.search/more.htm?id=11967448@egNPA> (дата обращения: 03.03.2019).

3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 08.06.1977 г.; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) от 08.06.1977 г. М. : МККК, 1994.

4. Ирак: Оставшиеся по рекомендации войск коалиции в Мосуле мирные жители погибли в результате авианалётов. URL: <http://www.amnesty.org.ru/ru/2017-03-27-mosul/> (дата обращения: 16.06.2019).

5. Наставление по международному

гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации: утверждено приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 августа 2001 г. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2019).

6. 1992 Law of Armed Conflict Summary Note (Fiche de Synthèse sur les Règles Applicables dans les Conflits Armés, Note No. 432/DEF/EMA/OL.2/NP, 1992.). URL: https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/v2_cou_fr_rule8 (дата обращения: 16.06.2019).

7. Law of armed conflict (Australian Defence Doctrine ADDP 06.4). URL: <http://www.defence.gov.au/adfwc/documents/doctrinelibrary/addp/addp06.4-lawofarmedconflict.pdf> (дата обращения: 16.06.2019).

8. Заключительный доклад прокурору Комитета, учрежденному для обзора кампании бомбардировок НАТО против Союзной Республики Югославии. URL: <http://www.icty.org/x/file/press/nato061300.pdf> (дата обращения: 16.06.2019).

9. Precautionary measures in urban warfare: A commander's obligation to obtain information. URL: <https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2019/01/10/joint-blog-series-precautionary-measures-urban-warfare-commander-s-obligation-obtain-information> (дата обращения: 16.06.2019).

10. Калашников В. В. Военная администрация. М., 2012. 397 с.

11. Дамаскин О. В., Холиков И. В. Современные проблемы международного гуманитарного права // Современное право. 2017. № 5. С. 104–107.

УДК 340

20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМАНДИРОВ (НАЧАЛЬНИКОВ): ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

КОРЯКИН В.М., АЗОВЦЕВ А.А.

KORYAKIN V.M., AZOVTVSEV A.A.

MILITARY ADMINISTRATIVE LAW

PROCEDURAL ACTIVITIES OF COMMANDERS (CHIEFS): THEORETICAL ASPECT

Корякин Виктор Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ФГКБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: korjakinmiit@rambler.ru

Koryakin Victor Mikhailovich, Doctor of Law, Professor, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail korjakinmiit@rambler.ru

Азовцев Александр Александрович, адъюнкт ФГКБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: a.a.azovcev@mail.ru

Azovtsev Alexander Alexandrovich, adjunct The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: a.a.azovcev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению теоретических аспектов военно-административной и процессуальной деятельности командиров (начальников), осуществляемой в целях установления лиц, виновных в совершении правонарушений, привлечения их к юридической ответственности, а также выявления и устранения причин и условий, способствовавших свершению правонарушений. Осуществлена классификация разновидностей процедур военно-административной и процессуальной деятельности. Обосновывается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования данной деятельности командиров (начальников), и унификации терминологии.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the theoretical aspects of the procedural activities of commanders (chiefs), carried out in order to identify the perpetrators of offenses, bring them to legal responsibility, as well as identify the causes and conditions that contributed to the commission of offenses. The classification of the varieties of the process activity was carried out. It justifies the conclusion about the need to improve the legal regulation of the procedural activity of commanders (chiefs), and unifying the terminology used in this field.

Ключевые слова: военно-административная и процессуальная деятельность; административное расследование; служебное расследование; разбирательство; проверка; дознание.

Keywords: military administrative and procedural activity; administrative investigation; an official investigation; trial; verification; inquiry

Обеспечение законности, правопорядка и воинской дисциплины в военной организации государства во все времена являлось важнейшим направлением деятельности органов военного управления, воинских должностных лиц, военных правоохранительных органов. В условиях роста интенсивности боевой подготовки, реального участия Вооруженных Сил Российской Федерации в вооруженных конфликтах, в борьбе с терроризмом значение данного фактора, непосредственно влияющего на боевую готовность и боеспособность войск (сил), возрастает многократно.

Ситуация с законностью и правопорядком в Вооруженных Силах остается сложной. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты деятельности органов военной прокуратуры. На состоявшемся 21 марта 2019 г. заседании коллегии Главной военной прокуратуры отмечено, что в 2018 г. военными прокурорами в поднадзорных войсках, воинских формированиях и органах было выявлено более 388 тыс. нарушений законов, восстановлены права 670 тыс. военнослужащих, членов их семей и других граждан. Правомочному командованию внесено 46,6 тыс. представлений об устранении нарушений законов, по протестам прокуроров отменено или изменено 14,9 тыс. незаконных правовых актов, изданных органами военного управления и воинскими должностными лицами. По инициативе военных прокуроров 9,6 тыс. должностных и юридических лиц привлечены к административной ответственности, 4,1 тыс. – к материальной, 30 тыс. военнослужащих – к дисциплинарной. Предостережены о недопустимости нарушения закона 9,6 тыс. должностных лиц. По результатам прокурорских проверок возбуждено свыше 4,8 тыс. уголовных дел. Государству возмещен ущерб на сумму 6,5 млрд. руб. [11].

Исходя из изложенного, в широком спектре задач, решаемых командирами (начальниками) соединений и воинских частей, руководителями военных организаций, важное место занимает осуществление ими военно-административной и процессуальной деятельности, представляющей собой систему процедурных действий всех участников

юридического процесса. Юридические процедуры, в свою очередь, подразумевают форму деятельности специализированных органов государства и их должностных лиц, которая основывается на нормах военного права, уголовно-процессуального права. Содержанием этой деятельности является правоприменение, т.е. разбирательство и разрешение в установленном законом порядке юридических дел [14].

Н. И. Полякова под процессуальным производством в юридической деятельности предлагает понимать установленный процессуальным законом порядок осуществления юридической деятельности, а также комплекс процедурно-процессуальных действий и операций специально управомоченных субъектов и других участников процессуального производства, направленный на рассмотрение и разрешение юридических дел в целях достижения социально значимых результатов [12].

В более узком смысле военно-административная и процессуальная деятельность командиров (начальников) представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых указанными должностными лицами в пределах предоставленных им полномочий в целях установления виновных в совершении правонарушений лиц, привлечения их к юридической ответственности, выявления и устранения способствовавших совершению правонарушений причин и условий, а также принятия конкретных мер по восстановлению нарушенного порядка.

Необходимость осуществления такого рода деятельности вытекает из обязанности командиров (начальников) обеспечивать законность, правопорядок, воинскую дисциплину в подчиненных подразделениях и воинских частях. Важнейшим правовым средством поддержания и укрепления воинской дисциплины является применение к виновным лицам мер юридической ответственности. Применение этих мер осуществляется в строго установленном порядке в рамках предоставленных законодательством полномочий и правовых средств.

Данная деятельность командиров (начальников) – явление довольно

сложное, полиструктурное, регулируется наряду с военным правом также нормами уголовно-процессуального, административно-процессуального, гражданско-процессуального права.

Комплексный анализ действующего военного и процессуального законодательства, а также научных работ по данной проблематике позволяет выделить разновидности процедурной деятельности командиров (начальников) с использованием различных критериев.

По отраслевой принадлежности норм различают:

- уголовно-процессуальную деятельность, под которой понимается осуществляемая в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ деятельность командира (начальника органа военной полиции) как органа дознания, направленная на раскрытие преступлений, выявление и привлечение к уголовной ответственности виновных лиц, применение уголовного закона в целях защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов военнослужащих и иных граждан, военного имущества, обеспечения безопасности общества, государства, Вооруженных Сил от преступных посягательств;

- административно-процессуальную и военно-административную деятельность, то есть деятельность органов военного управления (воинских должностных лиц), урегулированную нормами Кодекса административного судопроизводства и военного права по рассмотрению и разрешению различного рода административных дел, возникающих в сфере военного управления в ходе реализации задач и функций исполнительной власти. Целями военно-административной процедурной деятельности данного вида является привлечение военнослужащих к административной, материальной и дисциплинарной ответственности;

- гражданско-процессуальную деятельность, заключающуюся в осуществлении командирами (начальниками) действий, урегулированных нормами Гражданско-процессуального кодекса РФ, Арбитражно-процессуального кодекса РФ, направленных на судебную защиту прав и законных интересов Рос-

сийской Федерации, военных организаций, военнослужащих, лиц гражданского персонала в сфере имущественных и личных неимущественных отношений.

Большую познавательную ценность для понимания сущности и содержания военно-административной и процессуальной деятельности командиров (начальников) имеет рассмотрение разновидностей этой деятельности с точки зрения видов юридической ответственности, к которым привлекается виновный военнослужащий по результатам проведенных военно-административных и иных процедур.

Анализ действующего военного и процессуального законодательства позволяет выделить следующие виды деятельности командиров (начальников):

- а) в целях уголовной ответственности – дознание;
- б) в целях административной и материальной ответственности – административное расследование;
- в) в целях дисциплинарной ответственности – разбирательство; служебное расследование; проверка.

Рассмотрим перечисленные виды процессуальной деятельности командиров (начальников) более подробно.

Дознание – это одна из форм предварительного расследования преступлений, осуществляемого по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ, субъектами данного вида уголовно-процессуальной деятельности в Вооруженных Силах являются органы дознания, к которым относятся начальники органов военной полиции Вооруженных Сил, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов [2].

Разграничение полномочий органов дознания между органами военной полиции, командирами воинских частей и начальниками гарнизонов осуществляется следующим образом:

- начальники гарнизонов осуществляют полномочия органов дознания по сообщениям и уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими и лицами гражданского персонала, не проходящими службу (не

работающими) в воинских частях данного гарнизона, но совершившими преступления в расположении гарнизона, в случае невозможности проведения проверки сообщения о преступлении и производства неотложных следственных действий начальниками территориальных отделов (отделений) дознания военной полиции в установленные УПК РФ сроки;

- командиры воинских частей осуществляют полномочия органов дознания по сообщениям и уголовным делам о преступлениях, совершенных подчиненными военнослужащими и лицами гражданского персонала, в случае невозможности проведения проверки сообщения о преступлении и производства неотложных следственных действий начальниками территориальных отделов (отделений) дознания военной полиции в установленные УПК РФ сроки;

- начальники органов военной полиции – по сообщениям и уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими и лицами гражданского персонала [2, 3].

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что основная роль в организации и проведении дознания в Вооруженных Силах должна отводиться органам военной полиции. Командиры воинских частей и начальники гарнизонов осуществляют полномочия органов дознания в случаях объективной невозможности осуществления этих функций начальниками территориальных отделов (отделений) дознания военной полиции в установленные УПК РФ сроки [8].

Административное расследование, как указано выше, проводится органами военного управления, командирами (начальниками) в целях привлечения военнослужащих к административной и материальной ответственности.

Исходя из этих целей в данное понятие вкладывается различный смысл и содержание.

Применительно к административной ответственности административное расследование представляет собой комплекс требующих значительных временных затрат военно-административных и иных процедурных действий должностных лиц, уполномоченных со-

ставлять протоколы об административных правонарушениях, направленных на выяснение всех обстоятельств административного правонарушения, их фиксирование, юридическую квалификацию и процессуальное оформление [16].

В соответствии с подп. 109 п. 2 ст. 28.3 КоАП РФ к числу должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, относятся должностные лица военной полиции Вооруженных Сил. Они имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях в отношении военнослужащих Вооруженных Сил, граждан, призванных на военные сборы в Вооруженные Силы, а также в отношении лиц гражданского персонала Вооруженных Сил в случаях совершения ими административных правонарушений на территориях воинских частей или в связи с исполнением служебных обязанностей.

К числу административных правонарушений, в отношении которых должностные лица военной полиции уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях, относятся правонарушения, предусмотренные:

1) ч. 1 ст. 6.8 КоАП РФ (незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества);

2) ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ (потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ);

3) ч. 1 ст. 6.16.1 (незаконные приобретение, хранение, перевозка, производство, сбыт или пересылка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка, сбыт или пересылка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных

веществ);

4) ст. 17.7 КоАП РФ (невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении);

5) ст. 17.9 КоАП РФ (заведомо ложные показания свидетеля, пояснение специалиста, заключение эксперта или заведомо неправильный перевод).

Таким образом, осуществление административного расследования в том смысле, который в него вкладывает законодательство об административных правонарушениях, носит в Вооруженных Силах ограниченный характер: во-первых, проводить его вправе исключительно только должностные лица органов военной полиции; во-вторых, проводится оно только в отношении этих пяти составов административных правонарушений, совершаемых военнослужащим и лицами гражданского персонала.

Проведение административного расследования в Вооруженных Силах предусмотрено также и в целях привлечения военнослужащих к материальной ответственности.

Командир (начальник) воинской части при обнаружении ущерба обязан назначить административное расследование для установления причин ущерба, его размера и виновных лиц [1]. Аналогичные нормы содержатся в ст. 94 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, которая обязывает командира воинской части при обнаружении материального ущерба, причиненного государству, назначать административное расследование и своевременно принимать решение о привлечении виновных лиц к ответственности, а также в п. 52 Наставления по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. № 717.

Более широкая трактовка понятия «административное расследование» представлена в военно-юридической литературе и научных публикациях.

Например, в военно-юридическом энциклопедическом словаре админи-

стративное расследование определено как деятельность командира (начальника) по установлению фактических обстоятельств проступков (правонарушений) военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, а также иных событий и фактов, не имеющих признаков преступления, которые нуждаются в выяснении для установления виновного лица (лиц), в целях принятия на основании собранных документов законного и обоснованного решения и в иных случаях, когда об этом прямо указано в законе или ином нормативном правовом акте [8]. По мнению Е. Г. Воробьева, административное расследование в Вооруженных Силах Российской Федерации представляет собой «деятельность командира воинской части и назначаемых им лиц по установлению фактических обстоятельств проступка военнослужащего, а также иных событий и фактов, которые нуждаются в выяснении в целях принятия законных и обоснованных решений относительно определения виновного лица и последствий по возмещению материального ущерба» [6, с. 10–24].

Полагая, что такое расширительное толкование рассматриваемого понятия и распространение его, в том числе на деятельность командиров (начальников) по выявлению причин и условий дисциплинарных проступков военнослужащих, является необоснованными не соответствующим нормам военного права. Это обусловлено тем, что действующим законодательством для целей привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности предусмотрен относительно самостоятельный вид военно-административных процедур в деятельности командиров (начальников) – разбирательство.

Разбирательство как форма такой деятельности предусмотрено ст. 28.8 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». К.В. Фатеев под разбирательством предлагает понимать «проводимую командирами (начальниками) и иными специально назначенными лицами деятельность по собиранию доказательств, на основании которых могут быть установлены обстоятельства, подлежащие выяснению при привлечении военнос-

лужащего или гражданина, призванного на военные сборы, к дисциплинарной ответственности» [7].

Между разбирательством и административным расследованием в Вооруженных Силах имеются существенные различия:

а) по цели проведения: административное расследование проводится в целях привлечения военнослужащих к административной и материальной ответственности, разбирательство – в целях применения мер дисциплинарной ответственности;

б) по форме: административное расследование проводится всегда и во всех случаях только в письменной форме; разбирательство, как правило, проводится без оформления письменных материалов. Разбирательства в отношении грубых дисциплинарных проступков (Приложение №7 к Дисциплинарному уставу ВС РФ) проводятся аналогично административному расследованию только в письменной (протокольной) форме (Приложение №8 к Дисциплинарному уставу ВС РФ);

в) по субъектам проведения: административное расследование в целях административной ответственности проводится должностными лицами органов военной полиции, в целях привлечения к материальной ответственности – должностными лицами, назначаемыми командиром воинской части, разбирательство проводится, как правило, непосредственным командиром (начальником) военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, или другим лицом, назначенным одним из прямых командиров (начальников).

Наряду с рассмотренными выше разновидностями процедурной и процессуальной деятельности командиров (начальников), осуществляемой в форме дознания, административного расследования и разбирательства, с 2018 г. в военном законодательстве появился термин «служебное расследование». Данное понятие предусмотрено ведомственным актом Министерства обороны России о режиме секретности и представляет собой военно-административную процедурную деятельность командира (начальника) по выявлению причин и условий разглашения сведе-

ний, составляющих государственную тайну, или утрату их носителей.

С появлением данного термина возникла определенная рода коллизия между нормами указанного ведомственного нормативного правового акта и Федеральным законом «О статусе военнослужащих». Дело в том, что согласно п. 2 ст. 28.5 данного законодательного акта нарушение правил и требований, устанавливающих порядок ведения секретного делопроизводства, квалифицируется как грубый дисциплинарный проступок. Разглашение сведений, составляющих государственную тайну, или утрату их носителей, является, как правило, следствием нарушения правил секретного делопроизводства. Следовательно, согласно ст. 28.8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» должно проводиться разбирательство, по результатам которого составляется протокол о грубом дисциплинарном проступке.

Чем различаются понятия «разбирательство» и «служебное расследование» законодательством не определено. Не закреплены в нормативном порядке и определения этих понятий. Все это вкуче с недостаточно четким разграничением данных понятий с термином «административное расследование» на практике создает определенные трудности и путаницу как в осуществлении самой процедуры выяснения причин и обстоятельств правонарушений, так в документальном оформлении материалов расследования (разбирательства).

Законодательством о военной службе предусмотрен и такой вид процессуальной деятельности, как «проверка» (п. 2 ст. 51.1 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»). Характерными чертами данной разновидности военно-административных процедур в Вооруженных Силах являются:

- проверка проводится по фактам совершения военнослужащими коррупционных правонарушений;
- целью проведения проверки является выявление оснований для применения к военнослужащим взысканий, предусмотренных подп. «д.1» и «д.2» п. 1 и подп. «е.1» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и во-

енной службе» (увольнение с военной службы в связи с утратой доверия или в связи с нарушением запретов и ограничений антикоррупционного характера), либо выговора в случае малозначительности коррупционного правонарушения;

- проверка проводится подразделением кадровой службы по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

Здесь также имеет место определённая конкуренция правовых норм. Применение взысканий за коррупционные правонарушения – это частный случай привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности, что означает: по факту совершения такого правонарушения должно проводиться разбирательство, как того требует ст. 28.8 Федерального закона «О статусе военнослужащих», а не проверка.

Таким образом, по результатам проведенного в настоящей публикации анализа разновидностей процессуальной деятельности командиров выявлен основной недостаток законодательства, регулирующего данную деятельность: множественность применяемой терминологии, когда однородные, по сути, процедурные действия командиров (начальников) в разных нормативных правовых актах именуются по-разному. Данное обстоятельство может негативно сказаться на эффективности рассматриваемой деятельности, привести к нарушениям прав и законных интересов военнослужащих и военных организаций, неполной реализации принципа – «ни один нарушитель военной дисциплины не должен уйти от ответственности, но и ни один невиновный не должен быть наказан».

В связи с этим предлагается унифицировать терминологию в сфере процессуальной деятельности командиров (начальников).

Данный вопрос в военно-правовой науке ставится не впервые. Так, А. В. Пчелинцев еще в 1987 г. в диссертации, посвященной проблемам организации и проведения административного расследования в Вооруженных Силах, указывал, что термин «административное расследование» в настоящее время не соответствует сущности расследова-

ния служебных проступков и происшествий в порядке подчиненности. По мнению автора, более правильно такое расследование в Вооруженных Силах именовать «служебным». На необходимость именовать административное расследование «служебным расследованием» также указывали Ю. Н. Туганов и Н. В. Белоусов, так как, по их мнению, этот термин наиболее адекватно отражает сущность рассматриваемого явления [5, с. 31–36; 14, с. 22–24].

Исходя из вышеизложенного, авторы предлагают:

- заменить понятия «административное расследование», проводимое в целях материальной ответственности, и «разбирательство» по фактам дисциплинарных проступков военнослужащих единым термином «служебное расследование». Благодаря этому будет осуществлено четкое разграничение понятия «расследование», проводимого в Вооруженных Силах по делам, не связанным с административной ответственностью, от административного расследования, проводимого в рамках КоАП РФ. При использовании в предлагаемом понятии слова «служебное» будет видна специфика проводимого расследования и принадлежность его к служебным вопросам;

- закрепить понятие «служебное расследование» в нормативном порядке путем включения в Федеральный закон «О статусе военнослужащих», в общевоинские уставы и его определение в следующей формулировке: «служебное разбирательство – это комплекс мероприятий, осуществляемых командирами (начальниками) либо по их указанию другими подчинёнными им должностными лицами, по установлению фактических обстоятельств проступков (правонарушений) военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, а также иных событий и фактов, не имеющих признаков состава преступления, которые нуждаются в выяснении для установления виновного лица (лиц), в целях принятия на основании собранных доказательств законного и обоснованного правового решения».

ЛИТЕРАТУРА

1. О материальной ответственности военнослужащих : федеральный закон от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 13. Ст.1999.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001 № 52. Ст. 4921
3. Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 23 октября 2014 г. № 150. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об организации процессуальной деятельности органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации : приказ Министра обороны Российской Федерации от 31 января 2015 г. № 50. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Белоусов, Н.В. Дисциплинарные взыскания, налагаемые на военнослужащих / Н.В. Белоусов // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2000. № 5. С. 31–36.
6. Воробьев Е.Г. О соотношении материальной и дисциплинарной ответственности военнослужащих / Е.Г. Воробьев // Военно-юридический журнал. 2009. № 9. С. 10–24.
7. Корякин, В.М. Военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации: теоретико-правовые и практические аспекты деятельности: научно-практическое пособие / В.М. Корякин, С.А. Минтягов, А.Н. Подшибякин. М. : Центр правовых коммуникаций, 2018. 336 с.
8. Корякин В.М. Комментарий законодательства о дисциплинарной ответственности военнослужащих / В.М. Корякин, А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев. – М. : За права военнослужащих, 2007. 304 с.
9. Кудашкин А.В. Военно-юридический энциклопедический словарь / А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев, С.С. Харитонов. – М. : За права военнослужащих, 2007. 386 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М. : Русский язык, 1986. С. 237–238.
11. Главная военная прокуратура: официальный сайт. URL: <https://gvp.gov.ru/news/view/2756/> (дата обращения: ??).
12. Полякова Н.И. Процессуальное производство в юридической деятельности: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... канд. юр. наук / Н.И. Полякова. – М., 2018. 23 с.
13. Сырых В.М. История и методология юридической науки : уч. / В.М. Сырых. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 464 с.
14. Туганов Ю.Н. Некоторые проблемные аспекты процедуры привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности / Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2005. № 5. С. 22–24.
15. Элементарные начала общей теории права : уч. пос. / И.В. Гойман-Калинский, Г.И. Иванец, В.И. Червонюк / под общ. ред. В.И. Червонюк. – М. : КолосС, 2003. 544 с.
16. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6.

УДК 34

20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯВКИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА МЕРОПРИЯТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИЗЫВОМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

ХОЛИКОВ И. В., ЛАПИНА О. А.

KHOLIKOV I.V., LAPINA O.A.

MILITARY ADMINISTRATIVE LAW

PROBLEM ISSUES OF LEGAL SUPPORT OF ATTENDANCE OF THE RUSSIAN CITIZENS TO THE ACTIVITIES RELATED TO THE CONSCRIPTION FOR THE MILITARY SERVICE

Холиков Иван Владимирович, доктор юридических наук, профессор, ГКБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: iv_kholik@mail.ru

Kholikov Ivan Vladimirovich, Doctor of Law, professor, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: iv_kholik@mail.ru

Лапина Ольга Анатольевна, ФГКБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: lyalyan77@mail.ru

Lapina Olga Anatolievna, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: lyalyan77@mail.ru

Аннотация: в статье исследуются положения российского законодательства, связанные с реализацией гражданами Российской Федерации конституционной обязанности по защите Отечества, а также обязанностей должностных лиц органов государственной власти по обеспечению исполнения гражданами воинской обязанности. Особое внимание уделяется механизму оповещения граждан о явке на мероприятия, связанные с их призывом на военную службу. Показывается коллизия норм права в российском законодательстве, регулирующем вопросы обеспечения прибытия граждан на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, предлагаются конкретные меры по их устранению.

Abstract: The article studies the provisions of the Russian legislation related to realization of the constitutional duty to protect the country by the citizens of the Russian Federation, as well as the duties of officials of the state authorities to ensure the performance of military obligation by the citizens. The article in details with major focus on the mechanism of notification of the citizens on the necessity to attend the conscription related activities. The collision of the Russian legal norms regulating the attendance of the conscription related activities by the citizens is demonstrated and the particular measures for its correction are offered.

Ключевые слова: призыв на военную службу, военный комиссариат, повестка, органы внутренних дел, явка граждан на призывные мероприятия.

Keywords: conscription for military service, military commissariat, summons, internal affairs authorities, attendance of the conscription activities by the citizens.

В соответствии со статьей 59 Конституции Российской Федерации защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации [1].

Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее Федеральный закон № 53-ФЗ) устанавливает, что исполнение воинской обязанности по защите Отечества реализуется в форме призыва граждан Российской Федерации на военную службу [2].

Призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учете или не состоящие, но обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе.

Призыв на военную службу граждан Российской Федерации осуществляется на основании указов Президента Российской Федерации два раза в год с 1 апреля по 15 июля и с 1 октября по 31 декабря.

В субъектах Российской Федерации призыв организуют органы военного управления – военные комиссариаты через свои структурные подразделения (военные комиссариаты в муниципальных образованиях), а осуществляют его призывные комиссии, которые создаются в муниципальных районах, городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения решением высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) по представлению военного комиссара.

Призыв на военную службу граждан Российской Федерации включает следующие мероприятия:

- профессиональный психологический отбор;
- медицинское освидетельствование;
- принятие решения призывной комиссией;
- явку гражданина в указанные в по-

вестке военного комиссариата время и место для отправки к месту прохождения военной службы и нахождение его в военном комиссариате до начала военной службы.

Обязанности граждан в части призыва на военную службу предусматривают их личное прибытие на эти мероприятия.

На мероприятия, связанные с призывом на военную службу, граждане вызываются повестками военного комиссариата. Повестки вручаются гражданам под расписку работниками военного комиссариата или по месту работы (учебы) гражданина руководителями, другими ответственными за военно-учетную работу должностными лицами (работниками) организаций. В повестках должны быть указаны правовые последствия невыполнения гражданами изложенных в них требований.

В случае уклонения граждан от призыва на военную службу призывная комиссия или военный комиссариат направляют соответствующие материалы руководителю следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по месту жительства указанных граждан для решения вопроса о привлечении их к уголовной ответственности в соответствии со статьей 328 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Уголовная ответственность гражданина Российской Федерации наступает только после того, как гражданин надлежащим образом оповещен о вызове его на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, то есть ему лично под роспись была вручена повестка военного комиссариата.

Вместе с тем уголовное законодательство не предусматривает ответственности за уклонение от явки на профессиональный психологический отбор и другие мероприятия, связанные с призывом на военную службу, чем в ряде случаев пользуются недобросовестные граждане, мотивируя это тем,

что «не получали повестку, поэтому не должны выполнять воинскую обязанность».

Как определено в ст. 31 Федерального закона № 53-ФЗ, в случае невозможности вручения повесток гражданам, подлежащим призыву на военную службу, обеспечение их прибытия на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, возлагается на соответствующие органы внутренних дел на основании соответствующего письменного запроса военного комиссариата.

Таким образом, механизм оповещения граждан о явке на мероприятия, связанные с призывом их на военную службу, с формальной точки зрения законодательно урегулирован.

Вместе с тем в практической деятельности военные комиссары столкнулись с непростой ситуацией, а именно: коллизией норм права, когда два федеральных закона противоречат друг другу.

Так, в 2011 г. вступил в силу Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее Федеральный закон № 3-ФЗ), согласно которому в обязанности полиции не входит исполнение функций, связанных с некриминальным розыском граждан и обеспечением их прибытия на мероприятия, связанные с призывом на военную службу [3].

Вместе с тем из Федерального закона № 53-ФЗ данная норма не исключена и продолжает действовать до сих пор. Кроме того, Минобороны России настаивает на сохранении действующей редакции Федерального закона № 53-ФЗ и приводит в обоснование своей позиции несколько фактов.

Во-первых, Федеральным законом № 3-ФЗ установлено, что правовую основу деятельности полиции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, Федеральный закон № 53-ФЗ, другие

федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, а также нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. То есть самим Федеральным законом № 3-ФЗ предусматривается, что деятельность полиции регламентируется, в том числе и Федеральным законом № 53-ФЗ.

Реализуя нормы Федерального закона № 53-ФЗ в 2017 г. органы внутренних дел самостоятельно обеспечили прибытие 9,6 тысяч граждан призывного возраста, а совместно с военными комиссариатами – 15 тысяч призывников, что предотвратило совершение ими правонарушений (в большинстве случаев повестки в присутствии сотрудника полиции вручались представителями военных комиссариатов).

Таким образом, практика показывает, что действующая норма Федерального закона № 53-ФЗ существенно влияет на выполнение указов Президента Российской Федерации о призыве граждан на военную службу, а ее исключение может повлечь срыв выполнения установленной нормы призыва.

Во-вторых, в соответствии со статьей 2 Федерального закона № 3-ФЗ основным направлением деятельности полиции является предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений. В целях предупреждения нарушения норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (статья 21.5) и Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 328) со стороны граждан Российской Федерации органы внутренних дел обязаны предотвращать наступление негативных последствий путем обеспечения прибытия граждан на мероприятия, связанные с призывом.

вом на военную службу. Данная норма не означает обязательное принудительное препровождение граждан к месту проведения мероприятий, связанных с призывом на военную службу, однако во многих случаях достаточно проведения разъяснительных профилактических бесед участковых уполномоченных полиции с потенциальными «уклонистами».

Федеральным законом № 3-ФЗ полиции также предписано в пределах своих полномочий оказывать содействие государственным и муниципальным органам, общественным объединениям и организациям в обеспечении соблюдения законности и правопорядка.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» разъяснил, что обычный федеральный закон не имеет преимущества перед другими федеральными законами с точки зрения определенной непосредственно Конституцией Российской Федерации иерархии нормативных актов [6]. В отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило «*lex posterior derogat priori*» («последующий закон отменяет предыдущие»), означающее, что даже если в последующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон. Вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений.

Нормы права, закрепленные в ст. 31 Федерального закона № 53-ФЗ, являются приоритетными, так как специально предназначены для регулирования от-

ношений между двумя государственными органами – военными комиссариатами Министерства обороны Российской Федерации и органами внутренних дел МВД России.

Существующая судебная практика свидетельствует о том, что судами выносятся решения, в которых они обязывают органы внутренних дел на основании письменных запросов военных комиссариатов выполнять требования Федерального закона № 53-ФЗ по установлению места нахождения граждан, подлежащих призыву на военную службу, и обеспечению их прибытия на мероприятия, связанные с призывом на военную службу.

Так, судебная коллегия по гражданским делам Смоленского областного суда от 10 апреля 2012 г. оставила без изменений решение Сафоновского районного суда Смоленской области от 18 января 2012 г., которым указанный суд обязал начальника межмуниципального отдела МВД России «Сафоновский» взаимодействовать с военным комиссариатом Смоленской области при проведении мероприятий, связанных с призывом на военную службу [7].

Руководство МВД России вопреки аргументам Минобороны России не раз выражало несогласие обеспечивать прибытие граждан на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, под предлогом того что, к полномочиям полиции это якобы не относится согласно Федеральному закону № 3-ФЗ. Кроме того, по мнению МВД России, при осуществлении указанных мероприятий необходимо учитывать, что в соответствии с законодательством Российской Федерации граждане реализуют свое право свободно передвигаться, выбирать место пребывания, жительства и выезжать за пределы Российской Федерации, в том числе в целях получения образования и осуществления трудовой деятельности (ст. 27 Конституции Российской Федерации). В этой связи должностные лица органов внутренних

дел (полиции) фактически должны устанавливать местонахождение граждан, а в последующем принудительно препровождать данных лиц к месту проведения мероприятий, связанных с призывом, что по своей сути является розыском и доставлением, а эти действия вне рамок возбужденного уголовного дела либо дела об административном правонарушении прямо противоречат нормам уголовно-процессуального законодательства и законодательства об административных правонарушениях.

В этой связи для совместной работы военных комиссариатов и органов внутренних дел в рамках правового поля становится очевидной необходимость внесения изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части наделения военных комиссаров полномочиями по возбуждению дел об административных правонарушениях при наличии только факта неявки гражданина на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, и обращению их в полицию с запросами (поручениями) об административном задержании и доставлении граждан, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении, в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) или в помещение органа местного самоуправления сельского поселения. Тем самым упомянутая правовая коллизия будет устранена, а сотрудники полиции будут осуществлять предоставленные им Федеральным законом № 3-ФЗ полномочия в рамках возбужденного дела об административном правонарушении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. О воинской обязанности и военной службе: федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 6 марта

1998 г. одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 12 марта 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

3. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 28 января 2011 г. одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2 февраля 2011 г. // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 20 декабря 2001 г., одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 26 декабря 2001 г. // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 июня 1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

7. Решение Сафоновского районного суда Смоленской области от 18 января 2012 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Bel8t4Jqu7Qv/?regular> (дата обращения: 10.01.2019).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АТТЕСТАЦИОННЫХ КОМИССИЙ ПРИ УВОЛЬНЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО НЕСОБЛЮДЕНИЮ УСЛОВИЙ КОНТРАКТА

ХАРИТОНОВ С.С.

HARITONOV S.S.

MILITARY ADMINISTRATIVE LAW

ATTESTATION COMMISSIONS ACTIONS LEGALITY IN CASE OF MILITARY SERVICEMAN DISMISSION OVER CONTRACTS NON-COMPLIANCE CONDITIONS

Харитонов Станислав Станиславович, кандидат юридических наук, профессор, ФГКВ ОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: stass1964@gmail.com

Haritonov Stanislav Stanislavovich, Candidate of Law, associate professor, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: stass1964@gmail.com

Аннотация: В статье раскрываются вопросы правового регулирования деятельности аттестационных комиссий по досрочному увольнению с военной службы военнослужащих в связи с невыполнением ими условий контракта в порядке аттестации. Определены обстоятельства, при возникновении которых военнослужащий увольняется с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта в аттестационном порядке. Делается вывод о необходимости глубокого знания военно-административного законодательства командирами (начальниками), с одной стороны, и scrupulous выполнения всех процедур при увольнении военнослужащего с военной службы – с другой, для обеспечения законности увольнения военнослужащего.

Abstract: The article reveals the issues of legal regulation of the activities of certification commissions for the early dismissal of military personnel from military service due to their failure to fulfill the terms of the contract in the order of certification. The most common circumstances have been identified, in the event of which a soldier leaves the military service due to his failure to comply with the terms of the contract in a certification procedure. The conclusion is made about the need for in-depth knowledge of the military-administrative legislation by the commanders (chiefs) on the one hand, and the scrupulous implementation of all procedures for dismissing a soldier from military service, on the other, to ensure the legitimacy of dismissing a soldier.

Ключевые слова: аттестационная комиссия, досрочное увольнение с военной службы военнослужащих, невыполнение военнослужащим условий контракта, законность

Keywords: certification commission, early dismissal from military service of military personnel, non-fulfillment of contractual terms by the military, legality

Военная служба по контракту реализуется в добровольном порядке, что предусматривает желание военнотружущего длительное время профессионально заниматься военным делом. Однако по разным причинам создаются ситуации, при которых военнотружущего увольняют с военной службы, – либо по его инициативе, либо по инициативе командования.

Побуждение расстаться с военнотружущим нередко вызвано тем, что он перестает удовлетворять требованиям, установленным нормативными актами, в частности не выполняет условия контракта (подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»), что, согласно абз. 4 п. 4 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобами граждан Р.В. Боскачева, И.В. Овсянникова и Д.А. Савельева» (далее – постановление № 6-П), может выражаться в совершении военнотружущим дисциплинарного проступка, административного правонарушения, преступления.

В соответствии с п. 41 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнотружущих» досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением условий контракта может применяться к военнотружущим в порядке дисциплинарного взыскания и в порядке аттестации с учетом соответствия военнотружущего предъявляемым к нему требованиям.

В связи с изложенным выше для решения вопроса о профессиональной годности военнотружущего очень важна деятельность аттестационных комиссий воинских частей, которые, оценив деловые и личные качества военнотружущих

требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу, рекомендуют их к досрочному увольнению с военной службы.

Управленческая деятельность воинских должностных лиц, материалы прокурорской и судебной практики свидетельствуют о необходимости понимания и однозначного толкования правоприменителями юридических предписаний, регламентирующих аттестацию военнотружущего, что позволит избежать обжалования принимаемых комиссиями решений.

Согласно п. 4.3 постановления № 6-П объективность выводов аттестационной комиссии, равно как и соблюдение прав и законных интересов военнотружущего, подлежащего аттестации, обеспечиваются, помимо прочего, предоставлением ему возможности ознакомиться с аттестационным листом, заявить в письменной форме о своем несогласии с отзывом о своей служебной деятельности, сообщить дополнительные сведения, лично участвовать в заседании аттестационной комиссии (в установленных случаях), обжаловать ее заключение и порядок проведения аттестации как вышестоящему командиру, так и в суд, что позволяет избежать принятия произвольного, необоснованного решения о досрочном увольнении военнотружущего с военной службы.

Таким образом, оценивая обоснованность увольнения военнотружущего с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, при обжаловании военнотружущим решения аттестационной комиссии воинские должностные лица, военные прокуроры и военные судьи в целях исключения нарушения законности как универсального требования должны проверить соблюдение процедуры увольнения, в которую в обязательном порядке входит проведение заседания аттестационной комиссии.

Отметим, что к коллизиям, пробелам и противоречиям правовых предписаний, описывающих аттестацию воен-

нослужащих, периодически обращались представители военно-юридической науки [1, с. 39 – 54; 2, с. 16 – 25; 3; 4, с. 14 – 20; 5, с. 11 – 14; 6, с. 2 – 8], не только критикуя дефекты ряда правовых норм – их неэффективность и нередко несоответствие военно-служебным потребностям, но и обращая внимание на необходимость строгого следования правовым предписаниям (пока они не изменены, не скорректированы в установленном порядке в лучшую сторону), что позволяет избежать произвольной трактовки тех или иных норм воинскими должностными лицами.

Правовое регулирование порядка организации и проведения аттестации военнослужащих в соответствии с п. 3 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, в Министерстве обороны Российской Федерации определено приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 г. № 444 «О порядке организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооружённых Силах Российской Федерации».

Представляется, что при реализации требований указанного нормативного акта исполнителям следует обратить внимание на процедурные аспекты аттестации военнослужащих, несоблюдение в той или иной степени которых даёт основание военнослужащему, увольняемому в связи с невыполнением им условий контракта, обжаловать факт его увольнения.

Таким образом, важным, если не ключевым, аргументом в оценке нарушений процедуры аттестации военнослужащего является установление возможности для аттестуемого заблаговременно ознакомиться с оценкой своей служебной деятельности, заявить о своём несогласии с такой оценкой и сообщить дополнительные сведения, лично участвовать в заседании аттестационной комиссии,

обжаловать её заключение и порядок проведения аттестации, что можно сделать через вышестоящего командира или суд. Другими словами, не должен превалировать формальный подход при оценке нарушения законности в процессе аттестации военнослужащего. Безусловно, соблюдение сроков, указанных в Порядке организации и проведения аттестации военнослужащих (периодичность аттестации, время доведения графика и начала аттестации, поступления в комиссию аттестационного листа и пр.), важно. Тем не менее, полагаем, что, например, нарушение сроков ознакомления военнослужащего с аттестационным листом необходимо оценивать с учётом того, какие дополнительные сведения о своей служебной деятельности за предшествующий период он мог представить, но по тем или иным причинам не представил.

Наверное, необходимо учитывать и согласие военнослужащего в ходе проведения аттестационной комиссии с материалами аттестации, отсутствие у него дополнительных данных о своей служебной деятельности, давал ли он пояснения по существу задаваемых вопросов, заявлял ли ходатайство о переносе заседания для представления дополнительных данных о своей служебной деятельности, которое необоснованно оставлено без удовлетворения, обжаловал ли заключение аттестационной комиссии и порядок проведения аттестации вышестоящему командиру или в суд и т. д., и исходя из этого делать вывод о том, каким образом это повлияло на правильность заключения аттестационной комиссии.

Таким образом, если у военнослужащего была возможность заблаговременно ознакомиться с оценкой своей служебной деятельности, заявить о своём несогласии с такой оценкой, сообщить дополнительные сведения, лично участвовать в заседании аттестационной комиссии, обжаловать её заключение и порядок проведения как вышестоя-

щему командиру, так и в суд, то оснований признавать решение комиссии незаконным нет. Также нельзя говорить о нарушении правовых норм и тогда, когда военнослужащий был уведомлен о времени и месте проведения заседания аттестационной комиссии, однако отказался от участия в данном заседании, что зафиксировано в соответствующем акте. Поэтому делать вывод о несоблюдении порядка проведения аттестации также неправомерно, поскольку само поведение такого военнослужащего, своевременно извещённого о времени и месте проведения её заседания и не прибывшего на него, демонстрирует его попытку злоупотребить правом с тем, чтобы искусственно создать ситуацию, при которой формально будет нарушен порядок проведения аттестации, поскольку военнослужащий не участвовал в заседании аттестационной комиссии.

Несостоятельными являются и утверждения военнослужащих о нарушении законности их увольнения после вынесения заключения аттестационной комиссии в связи с длительным периодом, прошедшим между фактом совершения правонарушения и их аттестацией на предмет увольнения. Дело в том, что, как правило, причиной таких долгих сроков становится административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ (невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), по которому имеется постановление мирового судьи о наложении на виновного административного штрафа с лишением права управления транспортными средствами. При этом водитель не сообщает сотрудникам полиции и суду о своей принадлежности к федеральным органам, в которых предусмотрено прохождение военной службы. Соответственно командованию может стать известно о привлечении такого военнослужащего к административной ответственности через год или два, но, тем не менее, та-

кое административное правонарушение будет учитываться при проведении аттестации военнослужащего.

Не вызывает сомнения то, что принцип единоначалия предопределяет рекомендательный характер заключения аттестационной комиссии для командира воинской части, который принимает окончательное решение о возможности продолжения службы военнослужащим.

Командир воинской части вправе не утвердить, например, заключение аттестационной комиссии, которая ходатайствует об оставлении военнослужащего на военной службе, и его действия будут основаны на законе.

Отметим, что военно-судебная практика позволяет получить ответы на многие, казалось бы, спорные вопросы, возникающие в деятельности аттестационных комиссий при увольнении военнослужащих с военной службы в связи с невыполнением условий контракта. Так, например, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации в своем апелляционном определении от 29 января 2019 г. № 210-АПГ18-1 по административному исковому заявлению К. об оспаривании аттестации обосновала свое мнение о порядке проведения аттестации (кворум, состав комиссии, участие секретаря, специалиста, порядок голосования). В другом определении Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, – от 12 апреля 2018 г. № 203-КГ18-2 по административному исковому заявлению К., – приводится пример увольнения военнослужащего с военной службы за совершение им административного правонарушения, выразившегося в отказе от выполнения законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на предмет установления факта управления им автомобилем в состоянии опьянения. Характер совершённого военнослужащим проступка, несмотря на отсутствие дисциплинарных взысканий

и положительные характеристики при принятии решения об увольнении его с военной службы, говорит о том, что такой военнослужащий перестал удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим-контрактникам.

Судебная практика окружных (флотских) и гарнизонных военных судов позволяет выявить наиболее распространённые обстоятельства, при возникновении которых военнослужащий увольняется с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта в аттестационном порядке. Так, например, в практике гарнизонных военных судов [7] имели место следующие случаи увольнения военнослужащих в порядке аттестации:

- два и более негрубых дисциплинарных взыскания, констатирующих невыполнение военнослужащим условий контракта о прохождении военной службы;
- совершение военнослужащим хотя бы одного грубого дисциплинарного проступка, свидетельствующего о невыполнении им условий контракта;
- осуждение военнослужащего за совершение преступления к наказанию, которое не связано с лишением свободы, лишением воинского звания, правом занимать воинские должности;
- прекращение возбуждённого уголовного дела по нереабилитирующему основанию;
- наложение дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии согласно правилам ст. 96 ДУ ВС РФ;
- привлечение военнослужащего к административной ответственности.

Проанализированные с юридической стороны ситуации, возникающие при увольнении с военной службы в аттестационном порядке в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта, свидетельствуют о необходимости глубокого знания военно-административного законодательства команди-

рами (начальниками), с одной стороны, и скрупулёзного выполнения всех процедур при увольнении военнослужащего с военной службы – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарновский, А.А. Аттестация военнослужащих как элемент прохождения военной службы: теоретико-правовой аспект / А.А. Гарновский // Военное право. – 2017. – № 5 (45). – С. 39 – 54.
2. Глухов, Е.А. Возможность увольнения военнослужащего за не связанные с исполнением обязанностей военной службы правонарушения / Е.А. Глухов // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 7. – С. 16 – 25.
3. Корякин, В.М. Военная администрация : учеб. / В.М. Корякин. – М. : За права военнослужащих, 2015. – 416 с.
4. Терёхин, А.М. Старые проблемы нового порядка организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооружённых Силах Российской Федерации / А.М. Терёхин // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2012. – № 11. – С. 14 – 20.
5. Харитонов, С.С. К вопросу обеспечения законности действий командования при увольнении военнослужащих с военной службы / С.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 11 – 14.
6. Харитонов, С.С. Обеспечение законности деятельности командиров по увольнению военнослужащих с военной службы / С. С. Харитонов // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 7. – С. 2 – 8.
7. Обзорная справка судебной практики по делам, связанным с увольнением военнослужащих с военной службы и иными вопросами прохождения военной службы за 2017 г., подготовленная Северо-Кавказским окружным военным судом. URL: http://ovs.skav.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=254 (дата обращения: 12.06.2019).

ИЗЪЯТИЕ И ОСМОТР МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ И НАХОДЯЩЕЙСЯ НА НИХ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

ВИНОГРАДОВА К.А., САВИНА Л.А.

VINOGRADOVA K.A., SAVINA L.A.

CRIMINALISTICS

SEIZURE AND INSPECTION OF MOBILE PHONES AND THOSE ON IT ELECTRONIC
INFORMATION ON CRIMES, PERFECT MILITARY PERSONNEL

Виноградова Кристина Александровна, кандидат юридических наук, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: 2V9K0A2@gmail.com

Vinogradova Kristina Aleksandrovna, Candidate of Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot.
E-mail: 2V9K0A2@gmail.com

Савина Любовь Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: love-sava@yandex.ru

Savina Lyubov` Anatol'evna, Candidate of Law, associate professor, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot.
E-mail: love-sava@yandex.ru

Аннотация: в статье рассмотрен порядок изъятия и осмотра следователем электронных сообщений с электронных носителей информации конкретного лица без судебного решения, а также изъятие и осмотр следователем электронных сообщений в учреждениях связи на основании судебного решения со ссылкой на основные нормативно-правовые акты, регламентирующие указанный порядок.

Abstract: the article deals with the procedure for removal and inspection by the investigator of electronic communications with electronic media of a specific person without a court decision, as well as the recovery and inspection by the investigator of electronic communications in the communications on the basis of a court decision with reference to the main normative legal acts regulating the procedure.

Ключевые слова: секретная информация, военнослужащие, осмотр предметов (телефона), электронное сообщение, пользователь информационно-телекоммуникационной сети.

Keywords: secret information, military personnel, inspection of objects (telephone), electronic message, user of information and telecommunications network.

Развитие современных электронных технологий, сети Интернет, локальных сетей позволили ускорить процессы взаимодействия людей, находящихся на расстоянии (электронный документооборот, мгновенная фиксация информации и её пересылка посредством современных мессенджеров и т.п.), усовершенствовать процессы обработки каких-либо данных, наладить производство продукции в различных направлениях, в том числе и сведений Министерства обороны России.

Среди очевидных плюсов использования электронных технологий есть и значительный минус – это нелегитимные факты фиксации, получения и отправки сведений военнослужащими, имеющих доступ к электронной информации, связанной с осуществлением профессиональной деятельности. Ими обеспечивается утечка информации, а также совершение иных видов преступлений, в том числе направленных на вывод из рабочего состояния электронной аппаратуры, дистанционное управление электронной техникой, хищение секретной информации и прочие.

Для установления лиц, причастных к совершению вышеперечисленных преступных деяний, сотрудникам следственных органов в большинстве случаев требуется изъятие и осмотр электронной техники и электронной информации, находящейся на ней. Связано это с тем, что на современных смартфонах (телефонах), планшетах, персональных компьютерах, а также электронном облаке (хранилище информации) хранится почти вся информация о пользователе (о его перемещении и маршрутах, обмениваемой документации и сообщениях, фотографии и видео с привязкой к местности, о соединениях с абонентами и продолжительностью их общения), представляющая для расследования преступлений повышенный интерес.

Однако нередко поднимается вопрос о правомерности получения личной информации о человеке, хранящейся на телефоне, сотрудниками следствия без судебного решения, ведь в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ каждому гражданину гарантируется «право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на

основании судебного решения» [1]. Такое же право гарантируется иностранным гражданам в соответствии с федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В Определении Конституционного суда РФ от 09.06.2005 № 248-О [2] содержится определение права на неприкосновенность частной жизни.

Данное право предоставлено и гарантировано человеку государством, которое даёт возможность субъекту контролировать информацию о самом себе, а также препятствовать разглашению иными лицами сведений личного, в том числе интимного характера. «Частная жизнь» – сфера жизнедеятельности человека, относящейся к конкретному лицу, которая не должна контролироваться обществом или государственными органами. Исключение составляет информация, содержащая в себе противоправный характер.

Вопрос изъятия электронной информации является дискуссионным и актуальным на современном этапе развития электронных технологий. Особый интерес к этому вопросу возникает у адвокатов, которые отстаивают интересы своих клиентов. В 2012 году в ст. 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации было включено понятие «электронные носители информации» как разновидность доказательств по делу [3], продиктовавшее необходимость разработки особого порядка изъятия электронных носителей информации и извлечения из них информации при осуществлении следственного действия, предусмотренного ст. 164.1 УПК РФ «по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 159 ч. 1-4, 159.1-159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст. 159 ч. 5-7, 171, 171.1, 171.3, 172.2, 173.1-174.1, 176-178, 180, 181, 183, 185-185.4 и 190-199.4 УК РФ, не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации, за исключением случаев, предусмотренных ч.1 ст. 164.1 УПК РФ». Это означает, что «при производстве

следственных действий по вышеперечисленным статьям УК РФ в соответствии с ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, изъятие электронных носителей информации не допускается», за исключением следующих случаев:

- при вынесении постановления о назначении судебной экспертизы, где исследуются электронные носители информации;

- когда получено судебное решение на изъятие электронных носителей информации;

- на изымаемых электронных носителях информации содержится информация, хранить и использовать которую владелец электронного носителя информации не имеет права, либо с помощью которой он может совершить новые преступления, либо копирование которой невозможно, так как специалист указывает на возможную утерю или изменение интересующей информации.

Диспозиция статьи 185 УПК РФ «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка» говорит, что «при наличии достаточных оснований полагать, что предметы, документы или сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться соответственно в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях либо в телеграммах или радиogramмах, на них может быть наложен арест». В ч.2 ст. 185 УПК РФ обращено внимание, что «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка в учреждениях связи производятся на основании судебного решения». То есть ч.1 и ч.2 ст. 185 УК РФ подразумевают наложение ареста, выемку, осмотр сообщений, проводимых следователем по решению суда в учреждениях связи.

В свою очередь, учреждения связи, в которых проводится изъятие электронных сообщений, можно разделить на:

1. Офисы поставщиков услуг сотовой (мобильной) связи (МТС, Билайн, Мегафон, Йота, Теле2 и т.п.);

2. Представительства мессенджеров – учреждения, предоставляющие услуги пересылки и приема сообщений с шифрованием (What's up, Viber, Telegram и т.п.);

3. Филиалы сервисов электронной

почты – сетевой службы, с помощью которой пользователи могут производить взаимный обмен сообщениями и файлами, не используя при этом бумажных носителей (Джимайл, Яндекс Почта, Майл.ру, Почта Outlook.com, Yahoo Mail, ПротонМайл и т.п.);

4. Организации, представляющие услуги по хранению электронных данных так называемое «облако» (Icloud или Google).

В связи с тем, что мобильный телефон содержит электронные сообщения и, как правило, подключен к электронным почтам и мессенджерам, возникла необходимость дополнения ст. 185 УПК РФ частью 7, введенной Федеральным законом №375-ФЗ от 06.07.2016, согласно которой «При наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка»[4].

Выше обозначенная норма вызвала некоторые сомнения в правомерности изъятия и осмотра мобильного телефона следователем без постановления суда. Связано это с тем, что законодатель в этой части статьи не акцентировал внимание о месте изъятия электронных сообщений. Возникает вопрос: правомерно ли изъятие электронных носителей у конкретного лица (абонента) и его осмотр без постановления суда и не нарушаются ли права граждан, закреплённые Конституцией РФ?

Следует определиться с терминологией. Электронное сообщение – это информация, переданная или полученная пользователем посредством информационно-телекоммуникационной сети [5].

Информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Сеть связи – технологическая система, включающая в себя средства и линии связи, предназначенная для электросвязи или почтовой связи. Электросвязь – любое излучение, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным

системам [6].

Исходя из вышеперечисленных основных понятий, используемых в Федеральных законах №127-ФЗ «О связи» и №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», мы делаем вывод, что сообщение, переданное посредством использования сетей электросвязи – это информация, излученная, переданная или принятая с помощью знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по технологической системе, включающей в себя средства и линии связи, предназначенные для электросвязи или почтовой связи.

В гражданском кодексе Российской Федерации закреплён принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела [7]. На данный принцип ссылаются защитники при обращении в суд с целью признать следственные действия, в частности, осмотр мобильных телефонов обвиняемых незаконными. Однако ссылка на данную норму в отношении следователя недопустима, так как он является лицом, осуществляющим расследование преступления. При наличии у следователя достаточных данных, дающих основание полагать, что в памяти электронно-цифровой техники конкретного лица, вызывающего какие-либо подозрения, содержится информация, имеющая значение для расследуемого уголовного дела, изъятие и осмотр такой техники следователем допустимы при соблюдении уголовно-процессуальных норм, в том числе с привлечением специалистов.

Анализируя российское законодательство, можно сделать вывод о том, что постановление суда требуется только для изъятия и осмотра электронных или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений, если данные действия будут проводиться в учреждениях связи. В иных случаях изъятие и осмотр мобильных телефонов, электронных носителей и электронной информации проводятся по решению следователя.

Необходимо отметить, что прямого запрета на изъятие и осмотр телефона в УПК РФ нет. В связи с тем, что законодательство недостаточно адаптировано к современным электронным технологи-

ям, у следователя нет возможности проводить осмотр электронных устройств и электронной информации в качестве самостоятельного следственного действия. В связи с этим, все осмотры электронной информации и электронных устройств, связанных с извлечением информации с электронного носителя, проводятся с помощью следственного действия – осмотр предметов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/1354478> (дата обращения 01.06.2019).
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2016).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174- // СЗ РФ от 2001 г., № 52, ст. 4921.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 №149-ФЗ // СЗРФ от 2006 г., № 31, ст. 3448.
6. О связи: федер. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ //СЗ РФ от 2003 г., № 28, ст. 2895.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)// федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ// СЗ РФ от 1994 г., № 32, ст. 3301.
8. Алиса Фокс «Следователи могут читать переписку с телефонов и планшетов без разрешения суда — КС» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20180214/281936101.html (дата обращения 01.06.2019).

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

НЕЧАЕВ А. А.

NECHAEV A. A.

TRIBUNE OF APPLICANT
GENESIS AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE ARMED FORCES
FINANCIAL SUPPORT SYSTEM

Нечаев Андрей Андреевич, адъюнкт,
ФГКВУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны Российской
Федерации
E-mail: nechaevandrey@mail.ru

Nechaev Andrey Andreevich, adjunct, The
Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
E-mail: nechaevandrey@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена становлению и развитию системы финансового обеспечения Вооруженных Сил Российской Империи. Рассмотрена история развития и возникновение системы обеспечения Вооруженных Сил Российской Империи

Abstract: The article is devoted to the formation and development of the system of financial support of the Armed Forces of the Russian Empire. The history of development and emergence of the system of providing the Armed Forces of the Russian Empire are considered.

Ключевые слова: обеспечение, оклады, финансовое обеспечение, дружина, денежное довольствие

Keywords: support, salaries, funding, team, salaries.

История нашей Родины — это история вооруженной защиты родной земли и вооруженного отпора завоевателям, как с Запада, так и с Востока. Собираение русских земель и образование древнерусского государства Киевская Русь невозможно представить без участия княжеской дружины и народного ополчения. Свободные воины-дружинники были главной опорой княжеской власти. В IX веке разрозненные племена на Руси стали объединяться. Создается система сбора налогов с подвластных племен «полюдь», что позволило киевским князьям содержать многочислен-

ное войско в постоянной боеготовности. Именно в это время стали закладываться основы финансового обеспечения древнерусского войска. Так, старшие дружинники, сыновья князя, «лучшие мужи» получали плату за службу в виде определенного города или территории. На ней новые владельцы собирали дань, из которой оставляли часть на свое содержание и своей дружины, а большую часть отдавали князю. К примеру, князь Ярослав Владимирович «в начале XI века был новгородским наместником» 2000 гривен отправлял ежегодно в Киев отцу, а оставшиеся 1000 гривен остав-

лял для расчета со своей дружиной.

Однако такой расчет оказался не практичным.

В 1014 г. Ярослав Мудрый отказался отдавать 2/3 собранной им в новгородских землях дани в Киев. На эти деньги он нанял варягов, которые помогли ему занять престол после смерти отца.

Однако отойти от расчета с дружинами в такой форме полностью не удалось. Киевские князья периодически возвращались к практике передачи части собранной дани «полюдь» дружинам. За это они обязаны были расширять и укреплять границы Руси «рубить грады».

Войско собиралось в случае необходимости обороны от неприятеля. В поход уходили все мужчины, кроме младшего сына, который оставался дома для охраны семьи. По окончании военных действий все воины получали часть «добычи» и распускались по домам. Лишь дружина всегда оставалась на службе у князя. В качестве награды воины получали завоеванное оружие, обозы, выручку за выкуп пленных и т. п. Завоеванные государства и княжества платили дружине определенную денежную компенсацию пожизненно. После победы над Византией князь Олег получал от греков по «12 гривен на каждое весло своих двух тысяч кораблей» [1].

В конце X – первой половине XI века войско князя стало состоять из постоянной дружины во главе с князем, воеводами и «лучшими мужами». В качестве жалования дружина получала строго установленную норму, которая впервые была прописана в «Русской Правде Ярослава Мудрого». Это первый в истории Древней Руси сборник законов, который состоял из 35 «тридцати пяти» глав, основу которых составляли гражданское и уголовное право. В этом сборнике Ярослав предельно точно определил те законы и обычаи, которые были на тот момент в Киевской Руси. 10-12 гривен в год составляло денежное довольствие дружинника князя, если он ходил за данью или завоевательный набег. Остальные воины получали меньшее денежное довольствие, а варягам платили вовсе на 1/3 меньше [2]. Денежное довольствие дружинникам выдавали воеводы или по их указа-

нию доверенные люди старшие из числа дружинников.

Князь полностью обеспечивал дружину всем необходимым: кормил, одевал, вооружал, снабжал жильем. На покупку лошадей выделялись средства отдельно. Великие и удельные князья стали первыми оплачивать наемный труд регулярно.

Наместники в городах («лучшие мужи») вдобавок к жалованию получали процент от постоянных княжеских сборов и процент от судебных штрафов и пошлин, которые город оплачивал в казну.

Также часть собираемой дани получали младшие дружинники.

Отроки получали свою часть выплат в зависимости от выполнения поручений князя «по сбору дани или судебных штрафов».

Первую регулярную армию в 1550 г. создает царь Иван IV Грозный (середина – конец XVI века). Она состояла из трех тысяч стрельцов. Все материальное и продовольственное обеспечение лежало на казне. По тем временам в регулярной армии получали очень высокое жалование. В связи с этим постоянное войско очень быстро разрасталось. К концу правления Ивана Грозного оно составляло примерно 12 тысяч стрельцов.

При Иване Грозном получило свое развитие пушкарское дело. Были созданы орудия различного калибра, выросла роль артиллерии в бою. Работа пушкарей была довольно уважаемой и хорошо оплачиваемой. Они не раз доказывали в боях свое мужество, смелость и преданность. В 1547 г. был создан Пушкарский приказ. Это был первый военный централизованный орган управления XVI-XVII вв. Ему подчинялись все существующие войсковые соединения. Пушкарский приказ управлял и контролировал изготовление и распределение артиллерии и боеприпасов, состояние крепостей, сбором и распределением денег. В январе 1678 г. этот приказ вошел в состав Рейтарского приказа, а в 1682 г. снова стал самостоятельным. На его основе в 1701 г. был создан новый приказ – Артиллерийский, который ведал управлением артиллерией всего русского войска [3].

После смерти Ивана Грозного накануне Смутного времени, когда в Москве правили поляки, на северо-западе хозяйничали шведы, по стране разъезжали вооруженные банды, а царей самозванцев стало больше десятка, в Нижнем Новгороде Кузьма Минин призвал собрать войско для защиты всего государства, а возглавил войско князь Дмитрий Пожарский. Чтобы оснастить и оплатить профессиональную армию – необходимы были большие средства. С осени 1611 года по весну 1612 года было собрано более 10% годового дохода России.

Воинов набирали из «служивых людей» и тщательно делили по опыту и боеспособностям по «статьям». Первой «статье» платили 50 рублей в год, второй – 45, третьей – 40. Для воинов той эпохи это были рекордные выплаты.

Со времен Ивана III и до времен Петра I старомосковское общество жило в состоянии военного времени.

С появлением Московского государства наделение военнослужащих «дворами» и «поместьями» стало основной формой экономического обеспечения армии. Дворянское ополчение было основой вооруженных сил Московского государства. От московских государей или от богатейших князей дворяне получали земельные владения, за что они обязаны были по первому же зову явиться на военную службу со своими дружинами, вооружением и снаряжением. От самых больших поместий прибывали целые вооруженные отряды. Они находились на полном самообеспечении. За неявку на смотр дворян могли лишиться поместья, наказать штрафом, приговорить к телесному наказанию, а при неявке в поход могли даже лишиться жизни и, напротив, за исправное состояние войска дворян награждали новыми землями и дополнительным денежным жалованием.

С 18 февраля 1700 года в Московском государстве для управления государственными и военными делами были созданы приказы (более четырех десятков). Все полученные средства расписывались и тратились по назначению. Большая часть расходов приходилась на выплату денежного довольствия военным. Стрельцы получали

довольствие по Стрелецкому приказу, иностранцы – по Иноземному приказу, драгуны – по Рейтарскому приказу и т. д. В ходе создания регулярной армии 18 ноября 1700 г. Петр I издал указ «О приеме на Великую Государеву службу в солдаты из всяких вольных людей» – «особый приказ», а через год дает ему название – «воинский» [4]. Этот «приказ» вел все военные, финансовые и хозяйственные дела касающиеся армии. Однако со временем растущая армия требовала централизованного управления, а «приказы», уже не справлялись с этой задачей, были заменены на «коллегии» и «комиссариаты».

Первая Военная коллегия была образована в 1718 г. Ее возглавил А. Д. Меншиков. Военная коллегия стала управлять всеми воинскими делами. Все дела, поступающие в коллегияльный орган, должны были решаться путем вынесения вопросов на общее обозрение всех участников коллегии. Изначально в военную коллегию входили следующие экспедиции: 1) комиссариатская – руководила сбором податей, доходами, предназначенных для коллегии; 2) обер-цальмаистерская – выплачивала жалование генералитету и в полки; 3) мундирная – обеспечивала обмундированием; 4) провиантская – обеспечивала продовольствием и фуражом; 5) фортификационная – ведала крепостями; 6) счетная – осуществляла ревизию расходов военного ведомства. [5]

К концу XVIII столетия экспедиции переименовали в департаменты, их всего осталось пять: инженерный, артиллерийский, счетный, комиссариатский и провиантский. В каждом департаменте были структурные подразделения, занимавшиеся финансовыми делами. Главная роль в финансовом отношении стала принадлежать комиссариатскому департаменту, который возглавлял генерал – кригс-комиссар. Эта должность была введена Указом Петра I от 18 февраля 1700 г. № 1766 и подчинение ему особого Приказа были первым шагом в создании централизованной системы военного управления. «Комиссары» были во всех воинских частях, учреждениях и даже в комиссариатском департаменте. Комиссариатская служба занимала ведущее положение в войсках,

т.к. занималась всеми материальными и финансовыми вопросами. «Земские комиссары» появились после разделения России на губернии. По месту расположения войска полки стали называть по названию губернии, и становились на полное материальное и финансовое обеспечение.

В обязанность «земского комиссара» входило сбор денег с губернских помещиков и их распределение. На должность «земского комиссара» выбирали одного из офицеров полка. Он должен был знать все о личном составе, его финансовом обеспечении, состоянии обмундирования, припасов и лошадей. Для контроля над сбором подушного налога он выезжал со сборщиками в деревни, указанные в окладной книге, и раз в четыре месяца вся собранная сумма передавалась командиру полка. Затем деньги пересчитывали, упаковывали в мешки, опечатывали печатью и затем убирали в бочки, которые опломбировали печатью командира полка и комиссара.

Управление финансами происходило коллегиально, по согласию всех офицеров полка. Все приходные и расходные операции записывались в приходную и расходную книги и закреплялись подписью офицера, получавшего или выдававшего деньги. В конце каждого года «земский комиссар» давал полный отчет о своей работе. В случае использования денег не по назначению комиссара убирали и могли даже осудить [6].

Некоторые финансовые изменения в обеспечении войск произошли после смерти Петра Первого «1725 год», однако принцип распределения остался прежний. В конце XVIII столетия ответственность за полковое хозяйство перешла под личную ответственность командира полка, а сбор подушного налога перешел на воевод в уездах и на губернаторов в губерниях, которые стали отправлять часть денег в полки их губернии или уезда, и часть – в центральный аппарат. Тем самым должность «земский комиссар» убрала за ненадобностью. В 60-е годы XVIII столетия в соединениях создаются отдельные финансово-хозяйственные органы, которые вели учет всех служб обеспечения. Таким образом, заявки на

получение денежных средств командир полка отправлял в соединение, которое в свою очередь получало деньги в губернских кассах. Деньги офицерам выплачивали три раза в год сразу за 4 месяца. В мирное время распределение денег проводилось через комиссарские депо, которые размещались в местах расположения части, раз в четыре месяца. Каждый полк и штаб приписывался к определенному депо. В военное время была иная система. Согласно «Учреждению для управления большой действующей армии» [7] в армии создавалось должностное генерал-интенданта. В его обязанности входили все виды обеспечения, в его распоряжение входило главное казначейство, которое хранило наличные деньги, и полевое комиссариатское управление, которые возглавлял генерал-кригс-комиссар. В каждом корпусе создавалась комиссариатская комиссия, которую возглавлял обер-кригс-комиссар, в ее обязанности входило распределение денежных средств в полк. Войска, находившиеся вне военных действий, продолжали обеспечиваться всеми видами довольствия через соответствующие департаменты Военного министерства. Такая система была успешной в период 1812-1815 гг., в дальнейшем ее и оставили на мирный период. На практике, конечно, способы удовлетворения финансовых потребностей армии были более разнообразными. Один из них — это направление экстраординарных сумм, т. е. средств, выделенных в непосредственное распоряжение какого-либо должностного лица на расходы, не предусмотренные штатом. Реформы, проводимые М. М. Сперанским в 1809-1811 гг., положили конец этой практике в гражданских учреждениях, но в армии она продолжала существовать. Обычно под экстраординарными расходами понимались затраты на содержание Главного штаба, госпиталей, подвижных магазинов, пленных, расходы курьерские и транспортные, на замену убитых лошадей и потерянного имущества, а также «расходы, известные Его Величеству», т.е. произведенные в секретном порядке «обычно разведка» [8].

В течение двух веков развития военной-финансовой службы России видно,

что управление финансовым обеспечением армии и флота становится все более централизованным. В 1826 г. в стране создается специальный золотой денежный фонд в размере 120 миллионов рублей «1/4 часть бюджета страны того времени». Он был предназначен для реформирования армии, повышения денежного довольствия и на другие военные расходы. К концу XIX века размер денежного фонда увеличился до 900 миллионов рублей.

Впервые вопросы организации полевого управления войск были описаны в «Уставе воинском» - военно-правовом документе, закрепившем создание в России регулярной армии и определившим все стороны её жизни и деятельности [9]. Воинский устав имел важнейшее значение для организации финансового обеспечения войск. Основные положения устава были настолько продуманы, что ими руководствовались на протяжении всего периода существования русской императорской армии. С течением времени в зависимости от внутреннего и внешнего международного положения доля военных расходов в государственном бюджете страны менялась. Происходили изменения в стране, однако, показатель экономического обеспечения военного строительства России не опускался ниже единицы на протяжении трех веков, а это минимально допустимый уровень. Значительное место в системе военного права Российской империи занимал Свод военных постановлений как кодифицированный акт военного законодательства. Источником для его составления послужили Полное собрание законов, Собрание законов Российской империи и Собрание узаконений и распоряжений [10]. Первый Свод военных постановлений был издан в царствование императора Николая I, а именно в 1839 г. В дальнейшем дважды составляли Свод военных постановлений - в 1859 и 1869 гг. Сравнивая Свод военных постановлений с базой источников современного военного законодательства, можно провести аналогию с «пакетом» законов РФ: «Об обороне», «О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе», «О материальной ответственности» и др. В перечисленных законах, как и

в Своде военных постановлений, сохраняются правовые нормы, которыми регулируются важнейшие вопросы в области строительства, обеспечения и деятельности вооруженных сил.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что основы военно-экономической политики, заложенные со времен Древней Руси, соблюдались и развивались на протяжении веков. Развитие, вооружение, продовольственное обеспечение войск, требовало все больше и больше финансов. И мы видим, что с древних времен и до нашего периода уровень боеготовности вооруженных сил напрямую зависит от объемов финансирования их деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амельченко В. В. Древнерусские рати. – Москва: Воениздат, 2004.
2. Русская правда Ярослава Мудрого (пространная редакция), перевод. – Москва. 1963.
3. Лебедевская А., Архив Пушкинского приказа, «ВИ», 1946, № 1.
4. Указ Петра I «О приеме на Великую Государеву службу в солдаты из всяких вольных людей». – Москва. 2012.
5. Рыбаков Б. А. Рождение Руси. – М.: АиФ Принт, 2003.
6. Максимов С. Г. Русские воинские традиции. – Москва: Вече, 2010.
7. Столетие Военного министерства. Т. 1. СПб., 1902.
8. Разин Е. А. История военного искусства. – СПб, 1999.
9. Воинский устав Петра Великого // Петр Великий. Сб. ст. М.; Л., 1947.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 5. № 3006.

БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С ТЕРРОРИСТАМИ–ВЗРЫВНИКАМИ

Панасенко Н.А.

PANASENKO N.A.

TRIBUNE OF APPLICANT

STRUGGLE OF THE POLITICAL POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE AGAINST TERRORISTS – EXPLOSIVES

Панасенко Николай Анатолевич, старший преподаватель Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя
E-mail: sershishoff@mail.ru

Panasenko Nikolay Anatolevich, senior lecturer at the Moscow University The interior Ministry of Russia named V. J. Kikot
E-mail: sershishoff@mail.ru

Аннотация: в статье описываются методы политической полиции Российской империи в XIX веке по противодействию использования террористами взрывчатых веществ и взрывных устройств. Предлагается использовать некоторые из них в порядке приемственности сотрудниками правоохранительных органов и военнослужащими Вооруженных Сил РФ в современных условиях. Дается анализ форм воздействия террористов на общество.

Abstract: The article describes the methods of the political police of the Russian empire in the 19th century in countering the use of explosives and explosive devices by terrorists. It is proposed to use some of them in order of succession by law enforcement officers and military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation in modern conditions. An analysis of the forms of influence of terrorists on society is given.

Ключевые слова: взрывные устройства, взрывчатые вещества, политический терроризм, террористический акт, формы воздействия, методы применения, военнослужащий, профилактическая направленность

Keywords: explosive devices, explosives, political terrorism, terrorist act, forms of influence, methods of use, military man, preventive orientation

Терроризм (Terrorism) - вариант тактики политической борьбы, обусловленный применением идеологически мотивированного насилия. Насилие с целью устрашения является сутью терроризма. Объектом террористического насилия с использованием взрывных устройств является власть в лице отдельных государственных служащих или общество в лице отдельных граждан [3, С.93]. Террористическая дея-

тельность с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств может быть направлена на системы инфраструктуры государства, жизнеобеспечения, частное и государственное имущество, посягать на жизнь граждан, сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих Министерства обороны России.

Во всех развивающихся странах мира преступления данного вида име-

ют динамику развития, в результате чего правоохранительным органам постоянно приходится совершенствовать методику противодействия этим угрозам. Опасность применения террористами взрывчатых веществ и взрывных устройств затрагивает не только развивающиеся страны, но и страны с сформированной политической системой. Так в современной России имели место беспрецедентные по жестокости и дерзости взрывы, совершенные в Москве, Буйнакске, Волгодонске, Волгограде. Данные происшествия свидетельствуют о необходимости анализа и более пристального внимания к данной проблематике государства. Террористами новой формации и террористами XXI века взрывчатые вещества и взрывные устройства применялись и применяются с целью: изменения государственной политики, подрыва престижа власти, дестабилизации общества, признания территориальной независимости некоторых территорий, получения политических уступок со стороны власти.

Методы применения взрывчатых веществ и взрывных устройств, которыми пользуются террористы, совершенствуются и видоизменяются. Взрывные устройства, используемые в террористических актах, более профессионально маскируются под бытовые предметы, используются всевозможные отдушки, затрудняющие идентификацию взрывчатых веществ [5, С. 37]. Количество террористических актов в XXI веке с использованием взрывных устройств возросло, возникла необходимость взаимодействия и координация действий всех правоохранительных органов и Министерства обороны, формирования международной системы противодействия терроризму. В результате применения взрывных устройств террористами жертвой теракта может быть каждый, даже не имеющий отношения к государственной службе, правоохранительным органам, Министерству обороны человек.

Президент Российской Федерации, определил перед правоохранительными органами и министерством обороны одну из важнейших задач – это противодействие международному терро-

ризму. От результативности данных действий зависит стабильность страны, национальная безопасность общества, доверие граждан к органам государственной власти в целом.

Правоохранительные органы Российской Федерации осуществляют борьбу с международным терроризмом посредством предупреждения, пресечения и выявления преступлений террористического характера. Аналогичные меры и способы борьбы с политическим терроризмом использовались полицией в Российской Империи.

В Российской Федерации борьба с терроризмом осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Тяжестью и опасностью последствий взрывов, совершаемых террористическими организациями и террористами одиночками, продиктованы адекватные меры по недопущению и пресечению этих преступлений. В статье 3 ФЗ № 35-ФЗ дается определение понятию «террористическая деятельность». Статья 205 Уголовного кодекса Российской Федерации определяет ответственность за данный вид преступления. Возбужденные по этой статье уголовные дела относятся к подсудности военных судов и подследственности следственных органов ФСБ России. Судебные процессы проводятся без участия присяжных заседателей, коллегией профессиональных судей. ФЗ № 35-ФЗ предусмотрен, в частности, комплекс мер, включающих проведение оперативно-боевых, оперативно-розыскных и других мероприятий правоохранительной направленности.

В соответствии с этим Федеральным законом создан, наделен полномочиями и проводит свою активную деятельность Национальный антитеррористический комитет, который действует на межведомственной основе под руководством ФСБ России. В установленном Законом порядке, в связи с возникающими террористическими угрозами на отдельных территориях Российской Федерации проводятся контртеррористические операции. Примером эффективной антитеррористической деятельности может служить многоведомственная Объединенная

группировка войск по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации. Благодаря усилиям данной группировки в этом регионе организованные преступные группы и террористические организации практически полностью уничтожены. Нормы антитеррористического законодательства разработаны на основе теоретических воззрений и практического опыта борьбы с этим опасным явлением, накоплены в нашей стране в течении полутора столетий. Правоохранительные органы Российской Империи впервые столкнулись с политическим-терроризмом в период начала революционной борьбы, в 1 половине 19 века. Убийства высокопоставленных лиц Империи, государственных чиновников при помощи взрывных устройств стали постепенно приобретать массовый характер. Террористами применялась тактика нападения из засад, скрытного проникновения на охраняемые территории и помещения. Наиболее громкие террористические акты, это взрыв в Зимнем дворце 05.02.1880 года, произведенный С.Н. Халтуриным; убийство царя 01.03.1881 году группой террористов на набережной реки Мойки в результате взрыва бомбы, брошенной И.И. Гриневским, а также многие другие подобные акты террора, которые продолжались до 1919 г.

В этих условиях руководство страны потребовало организовать целенаправленную антитеррористическую работу политической полиции (жандармерии) Российской Империи. В уголовном законодательстве появились соответствующие статьи Уголовного уложения об уголовной ответственности за эти преступления (ст. ст. 99-105, 120-133).

В конце XIX века в политической жизни России имел место политический-терроризм, против существовавших форм государственности использовались методы воздействия, такие как применение взрывчатых веществ и взрывных устройств, где основным видом террора были индивидуальные убийства. Российскую империю периодически сотрясали террористические акты с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств, властям

приходилось идти на уступки общественному мнению, в результате чего нарушался порядок обеспечения общественной безопасности. В данном случае террористами становились не только супер-пассионарии, но и бандиты, которые воспользовались террором как формой угроз, шантажа и вымогательства, с целью достижения личной выгоды [4, С.23]. Политический терроризм в конце XIX века в Российской империи представлял угрожающий и массовый характер, парализовал политическую обстановку, нанес государственной службе серьезный ущерб. Данные события повлияли на втягивание страны в пучину анархии и безвластия. В Северо-Кавказком регионе бандиты используют аналогичные методы воздействия.

Террористы в Российской империи говорили: «... от револьверов и кинжалов легко было уберечься, тратя десятки миллионов народных денег на обеспечение охраны. От бомб и мин спасенья нет..., бомбы заменят сотни тысяч людей в борьбе с отжившим политическим строем» [2, С.18].

Терроризм, его последствия и роль, трудно переоценить в истории России, поэтому необходимо особое внимание уделять данному направлению со стороны правоохранительных органов, Министерства обороны и государства. Совершенствуется и видоизменяется тактика применения террористами взрывчатых веществ и взрывных устройств, изменяется состав взрывчатых веществ, террористические акты становятся более жестокими и циничными. Мы уже не наблюдаем индивидуальные убийства госслужащих, а имеет место совершение террористических актов в отношении мирных жителей.

Целесообразно деятельность политической полиции Российской империи проанализировать, выявить преемственность в методах противодействия терроризму. Исторический опыт не утратил в основной части своей актуальности и применим в правоохранительной деятельности в настоящее время. Агентурная работа являлась одним из таких способов противодействия. Сохранение в террористической организации ценного агента, считалось более важным, чем предотвращение

террористических актов, даже на высших чиновников империи. Активно использовалось внедрение агентуры в университеты, воинские части, рабочие коллективы, где прослеживалась политическая активность. Особый надзор осуществлялся за военными саперами, вышедшими в отставку, специалистами в области взрывного дела.

В настоящее время террористы используют две формы воздействия при применении взрывных устройств: насилие к представителям власти, насилие к гражданам. В первом случае достаточно эффективно получается предотвращать данные преступления. Это осуществляется путем получения оперативно-значимой информации, организацией пропускного режима и проведением досмотровых мероприятий в государственных учреждениях.

Во втором случае предотвращение данного рода преступлений затруднено, в связи с большим количеством мест, где возможно применение взрывных устройств.

Так же необходимо учитывать влияние и распространение средств массовой информации, оказываемое ими воздействие на население. Недопустимо превращать каждый теракт в сенсацию, пресса обеспечивает общественный резонанс и публичность террористам, которая им так необходима.

Все чаще террористические организации вербуют, общаются, координируют террористические акты с помощью глобальной сети Интернет [1, С.28]. Государству так же необходимо иметь программу по надзору за этой сферой деятельности, с целью недопущения дестабилизации в обществе. В конце XIX века в Российской империи полиция контролировала всю периодическую печать и типографии, что позволяла координировать политическую обстановку.

Правоохранительные органы должны обратить особое внимание на профилактическую направленность в борьбе с терроризмом, так как данная категория преступлений, отличается большим количеством жертв и особым цинизмом.

Анализируя историко-правовой материал применения практических методов борьбы с терроризмом, учитывая

ошибки по противодействию терроризму совершенные ранее полицией Российской Империи, можно расширить возможности решения подобных проблем на современном этапе. При творческом подходе и разумной коррекции, интерпретируя в соответствии с оперативной обстановкой и современными условиями, возможно использование методов работы политической полиции Российской империи по противодействию терроризму на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова А. В. Участие специалистов в осмотре места происшествия после совершенного террористического акта. В сборнике: Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXI международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации; Ответственный редактор Н.Н. Цуканов. 2018. С. 82-84.
2. Кони А. Ф. Избранное. М., 1989. Лемке М., Николаевские жандармы и литература. 1826-1825 гг., СПб, 1908. С. 23-26.
3. Мулукаев Р.С., История органов внутренних дел дореволюционной России. издание 2. Академия МВД РФ. - М., 2015. С. 43-49.
4. Панасенко Н. А. Терроризм и социалисты революционеры. В сборнике: Роль России в формировании системы международной безопасности: Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции (14 апреля 2015г.). Академия управления МВД России. 2015. С. 204-207.
5. Толоконников В. К. Особенности осмотра места происшествия по делам, связанным с применением взрывных устройств. В сборнике: Проблема правосубъектности: современные интерпретации материалы XIII ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Самарская гуманитарная академия; отв. ред.: Н.В. Грицай, В.И. Толмосов, Т. Б. Замотаева, А.Н. Сквозников. 2017. С. 38-42.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СДЕЛОК С ИМУЩЕСТВОМ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СПОСОБАХ ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ

Полянко А.Н.

POLYANKO A.N.

TRIBUNE OF APPLICANT

ABOUT EFFICIENCY OF TRANSACTIONS WITH PROPERTY OF THE MINISTRY OF DEFENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS OF ITS INCREASE

Полянко Алексей Николаевич, следователь-криминалист ВСО СК России по Волгоградскому гарнизону
E-mail: lexas-07@mail.ru

Polyanko Alexey Nikolaevich, investigator criminologist GUS SK of Russia across the Volgograd garrison
E-mail: lexas-07@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается эффективность сделок с имуществом Министерства обороны Российской Федерации и способы ее повышения. В частности, обращается внимание на: неопределенность правового статуса воинских частей и организаций Вооруженных сил РФ; подведомственных Министерству обороны РФ, степень юридической ответственности; статус имущества воинских частей при совершении гражданско-правовых сделок, направленных на отчуждения имущества. Предложен механизм согласования привлечения инвестиций в объекты имущества Министерства обороны Российской Федерации в целях упорядочения процесса и сокращения возникновения возможных коррупционных рисков.

Abstract: the article discusses the effectiveness of transactions with the property of the Ministry of defense of the Russian Federation and ways to improve it. In particular, attention is drawn to: the uncertainty of the legal status of military units and organizations of the Armed forces of the Russian Federation; subordinated to the Ministry of defense of the Russian Federation, the degree of legal responsibility; the status of property of military units in civil transactions aimed at alienation of property. The mechanism of coordination of attraction of investments in objects of property of the Ministry of defence of the Russian Federation for the purpose of streamlining of process and reduction of emergence of possible corruption risks is offered.

Ключевые слова: Российская Федерация, Правительство РФ, Министерство обороны РФ, законодательство, нормативный правовой акт, федеральный закон РФ, Гражданский кодекс РФ (Часть первая), недвижимость, имущество, сделка, коррупционный риск.

Keywords: The Russian Federation, the Government of the Russian Federation, the Ministry of defence of the Russian Federation legislation, regulatory legal act, the Federal law of the Russian Federation, the Civil code of the Russian Federation (Part one), real estate, property, deal, corruption risk.

Как свидетельствует практика военных следственных органов Следственного комитета, многие коррупционные преступления совершаются должностными лицами органов военного управления в сфере исполнения законодательства о сохранности федеральной собственности Минобороны РФ. Это отчасти обусловлено недостаточным контролем уполномоченных органов при проведении гражданско-правовых сделок. Эффективность сделок с имуществом Минобороны РФ во многом зависит именно от активности контрольных органов.

Исходя из сложившейся экономической обстановки в Российской Федерации, следует обратить особое внимание на необходимость обеспечения рационального и эффективного использования государственного имущества.

Наряду с внутренними проблемами в экономике, продолжающимся внешним санкционным давлением на Россию со стороны Соединенных Штатов Америки и других стран Запада, крайне пагубно допускать ослабление экономической безопасности государства еще и со стороны недобросовестных должностных лиц органов военного управления.

Расходы на военные нужды не должны быть непомерно большими, что возможно осуществить в результате его рационального использования со стороны Министерства обороны РФ, создав эффективный механизм правового регулирования.

По нашему мнению, общие положения Гражданского кодекса РФ (Часть первая от 21 октября 1994 г.[1]; Часть вторая от 22 декабря 1995 г.[2]), регламентирующие права собственности и обязательственные правоотношения, не в полной мере учитывают специфику отношений в сфере распоряжения имуществом Министерства обороны РФ.

К сожалению, разработка проекта Федерального закона РФ № 97802184-2 «О правовом положении и финансово-экономической деятельности военных организаций» не увенчалась принятием самого нормативного правового акта [3].

В связи с последними судебными разбирательствами, связанными с преступлениями в рассматриваемой сфере, по нашему мнению, необходимо разработать особый гражданско-правовой механизм, определяющий правовое положение имущества Министерства обороны РФ (воинских частей и военных организаций).

Наиболее резонансными делами, свидетельствующими о совершении преступлений при распоряжении указанным имуществом, являлись дела с участием ОАО «Оборонсервис».

При этом наряду с расследованием указанных преступлений Главным следственным управлением проводилась работа, направленная на безвозмездное отчуждение переданных в рамках приватизации объектов.

Следствием был установлен факт продажи комплекса зданий в центре Москвы, в котором размещалось ОАО «З1-й Государственный проектный институт специального строительства» [4]. В результате проведения торгов по заниженной цене указанный институт продали на 300 млн. ниже среднерыночной цены. Отметим, что деятельность данного института осуществлялась для целей оборонного заказа страны. Должностные лица Минобороны РФ провели процесс его приватизации, а затем продали комплекс зданий и земельный участок на Смоленском бульваре в центре г. Москвы примерно за 1 миллиард 600 миллионов рублей, значительно снизив их стоимость. Должностными лицами было инициировано проведение совета директоров, на котором заявлено о выплате дивидендов акционерного общества, находящихся на счетах ОАО «Оборонсервис». С новым собственником зданий института ОАО «Оборонсервис» заключило договор аренды, что позволяло собственникам вернуть затраченные на покупку недвижимости средства в течение примерно десяти лет. При этом одновременно с акционированием здания, Министерство обороны РФ автоматически передавало частным лицам государственные контракты, содержащие сведения об обороноспособности государства.

Отметим, что в указанной ситуации частные компании добровольно и безвозмездно вернули государству купленные акции, хотя могли этого не делать, поскольку являлись добросовестными покупателями (последовали распоряжения Следственного комитета РФ).

Такое поведение частных компаний было обусловлено опасностью последующих судебных разбирательств и иных негативных санкций со стороны государства.

Рассмотренная ситуация подтверждает необходимость принятия проекта Федерального закона РФ № 97802184-2, опре-

деляющего статус военных организаций. Федеральным законом РФ должен быть определен порядок взаимодействия организаций с иными субъектами материально-технического обеспечения и органами государственной власти.

Эффективное управление и распоряжение имуществом, принадлежащим Министерству обороны РФ должно осуществляться не только путем его продажи, но и также путем привлечения инвестиций в объекты указанного имущества.

Целью инвестирования объектов имущества, принадлежащих Министерству обороны, является вовлечение их в хозяйственный оборот для привлечения прибыли и снижения затрат на их содержание.

Представляется верным включить в указанный процесс федеральные органы государственной власти ввиду того, что задействование указанных субъектов сократит принятие руководителями воинских частей и военных организаций невыгодных экономических решений в ущерб интересам государства. Данный подход обусловлен еще и тем, что инвестированию подлежат объекты недвижимости.

По нашему мнению, процесс согласования инвестиционных проектов в объекты имущества Министерства обороны РФ необходимо осуществлять поэтапно: а) разработка инвестиционного проекта; б) подготовка мотивированного с финансово-экономической точки зрения, обоснования необходимости заключения указанного инвестиционного контракта в отношении определенных объектов недвижимого имущества Министерства обороны РФ (федеральному органу исполнительной власти, в ведении которого входит военная организация); в) получение поручения Президента РФ о необходимости реализации инвестиционной инициативы; г) принятие постановления Правительства РФ о включении объекта недвижимого имущества Министерства обороны РФ в инвестиционный проект; д) заключение инвестиционного контракта; е) передача земельного участка под реализацию инвестиционного контракта; ж) реализация инвестиционного контракта.

Указанный механизм необходимо закрепить законодательно, путем разработки и утверждением постановлением Правительства РФ административного регламента [5], в котором вышеназванные этапы согласования и привлечения инвестиций в объек-

ты недвижимости Министерства обороны будут являться административными процедурами.

Отметим, что помимо разработки административного регламента, приведенного выше необходимо разработать на федеральном уровне утвержденный постановлением Правительства РФ административный регламент осуществления государственного контроля при заключении каждого инвестиционного контракта в отношении объектов недвижимости Министерства обороны РФ.

Контроль за соблюдением условий инвестиционных контрактов должен носить как внешний, так и внутренний характер. Внешний контроль должен осуществляться за соблюдением финансовых характеристик реализуемого инвестиционного проекта и исключать нецелевое расходование денежных средств.

Таким образом, значительное количество имущества, находящегося в ведении Министерства обороны РФ, требует нормативного регулирования, прежде всего, законодательства, регламентирующего процесс управления и распоряжения государственной собственностью с учетом специфики имущества военных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс РФ (Часть первая от 21 октября 1994 г.) // СЗ РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410.
2. Гражданский кодекс РФ (Часть вторая от 22 декабря 1995 г.) // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
3. О правовом положении и финансово-экономической деятельности военных организаций: проект Федерального закона РФ № 97802184-2 // СПС «Консультант-Плюс».
4. Сморгочкова Л.Н., Еремеев В.Ю. Вовлечение в хозяйственный оборот как способ управления недвижимым имуществом военных организаций // Право в Вооруженных Силах. - 2018. - № 5. - С. 44 - 49.
5. О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг: Постановление Правительства РФ № 372 от 16.05.2011 г. // СЗ РФ. - 2011. - № 22. - Ст. 3169; 2018. - № 46. - Ст. 7050.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ КОРАБЛЕВОЖДЕНИЯ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ИХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ШИШОВ С.С.

SHISHOV S.S.

TRIBUNE OF APPLICANT

CURRENT STATE OF LEGAL NOTIONS OF RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF THE RULES OF NAVIGATION ON THE BASIS OF THEIR HISTORICAL DEVELOPMENT

Шишов Сергей Сергеевич, следователь по особо важным делам военного следственного управления по Северному флоту Следственного комитета Российской Федерации
E-mail: sershishoff@mail.ru

Shishov Serey Sergeevich, investigator for particularly important cases of the military investigation Department of the Northern fleet of the Investigative Committee of the Russian Federation.
E-mail: sershishoff@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется развитие российского военного законодательства об ответственности за нарушение правил кораблевождения, раскрываются связанные с этим основные понятия, обусловленные бланкетной нормой статьи 352 УК РФ. Автор предлагает разработанный им текст новой редакции этой статьи Уголовного кодекса.

Abstract: The article analyzes the development of the Russian military legislation on liability for violation of the rules of navigation, reveals the related basic concepts due to the blanket rule of article 352 of the criminal code. The author offers the text of the new edition of this article of the Criminal code developed by him.

Ключевые слова: Уголовная ответственность за нарушение правил кораблевождения, военно-морские понятия судовождения, кораблевождения, военного корабля, специального корабля, судна обеспечения, нормативная основа порядка кораблевождения, новая редакция статьи Уголовного кодекса.

Keywords: Criminal liability for violation of the rules of navigation, naval concepts of navigation, navigation, warship, special ship, support vessel, the regulatory framework of the order of navigation, the new version of the article of the Criminal code.

На различных этапах истории нашей страны регулирование правоотношений в области судовождения, кораблевождения и ответственности за нарушение их порядка развивалось применительно к темпам технического прогресса в области кораблестроения и выхода русских кораблей и судов в военные и торговые

речные и морские плавания, создания боевых корабельных соединений и объединений (эскадр, флотилий и флотов) для выполнения задач вооруженной борьбы с противником. В связи с этим по аналогии с общепринятыми в Европе морскими правилами возникла необходимость и в России перейти от норм обычного права

в виде неписаных норм (например, имевших высокий уровень развития у поморов) к нормативным писанным источникам, закрепляющим правила кораблевождения, коммуникации с другими кораблями (сигнальных флагов и других знаков, включая пушечные залпы), а также поведения экипажей в плавании (боевом походе) и на рейдовых якорных стоянках.

Системный анализ источников военного права, изданных в Российской Империи, Советском Союзе и Российской Федерации, в отличие от Н. Е. Честнова [10], позволил нам выделить три основных периода развития российского законодательства, предусматривающего ответственность за нарушение правил кораблевождения.

1) начальный период (1670-1720);

2) период кодификации и развития (1720-1917);

3) современный период (с 1917 по настоящее время).

В каждом из них имеются более краткосрочные периоды расцвета и спада нормотворчества, которые были обусловлены происходившими историческими событиями, ведением боевых действий, потребностями бурного развития кораблестроения, увеличения его тоннажа, перехода от парусного флота к механизированному, от гладкоствольного к нарезному пушечному, а затем торпедному и ракетному вооружению.

Современное состояние регулирования института кораблевождения, по нашему мнению, отличается меньшей детализацией, чем раньше. Попытаемся оценить его развитие в России в исторической ретроспективе.

Согласно В. А. Дыгало: «Первый документ, определявший порядок службы на русских кораблях, появился при царе Алексее Михайловиче (Романове), когда капитан корабля «Орел» голландец Д. Бутлер представил в Посольский приказ «Корабельного строя письмо», то есть правила корабельной службы, известные как «Артикульные статьи» (далее по тексту Письмо или Статьи). При Алексее Михайловиче был издан новый документ – «Пять морских регламентов», не дошедший до современников» [1].

Голландский Морской устав являлся основой Письма, которое состояло из 34 статей, в основном посвященных мерам по поддержанию корабля в боевой готов-

ности и обязанностям членов экипажа в бою. Письмо является первым источником русского военного права, содержащим уголовную ответственность за сдачу корабля неприятелю.

Дальнейшее развитие указанного законодательства получило в эпоху Петра Первого, когда стало очевидно, что Письмо не отражает современные представления об организации службы на создаваемом Петром флоте. Вместе с созданием флота были предприняты первые попытки создать документы, регламентирующие все аспекты его жизнедеятельности. Однако все вышедшие тогда документы, например: инструкция «О порядке морской службы» от 1696 г., «Правила службы на судах» от 1698 г. и «Инструкции и артикулы военные Российскому флоту» от 1710 г., – всех аспектов прохождения военной службы на флоте и ответственности за их нарушения не регламентировали.

В частности, инструкция «О порядке морской службы» рассматривала порядок прохождения службы на галерах, а инструкция «О порядке морской службы» фактически является отдельным документом, в котором изложены содержание всех указов и распоряжений Петра по поводу флота, существовавших к тому времени.

На этом основании мы выделяем первый, начальный период, формирования законодательства о порядке прохождения службы в российском флоте и ответственности за нарушение этого порядка, который характеризуем отсутствием систематизации законодательства.

Знаковой датой в разработке положений об ответственности за нарушение правил кораблевождения является 13 апреля 1720 г. – в этот день была издана «Книга устав морской, о всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море» (далее Устав Морской или Устав). Устав Морской состоял из пяти книг, каждая из которых была посвящена определенной теме. Книга пятая Устава называлась: «О штрафах», т.е. о наказаниях. С этого момента берет свое начало формирование кодифицированного законодательства об ответственности за нарушения правил кораблевождения [9].

Устав Петра Великого без особых изменений действовал более 130 лет. В 1797 г. Павлом I утвержден «Устав во-

енного флота». Однако его использование оказалось неэффективным, поэтому вскоре на флоте вернулись к применению Петровского Устава Морского.

В 1853 г. вышел в свет новый Морской устав, который в 1869 г. претерпел значительные уточнения. Анализ этих источников позволяет нам сделать вывод, что, скорее всего, книга пятая «о штрафах» Петровского Устава в части ответственности за нарушение правил кораблевождения применялась и позднее 1853 г., поскольку принятый тогда Морской устав не содержал статей о наказаниях.

18 мая 1885 г. приказом по морскому ведомству № 59 был введен в действие новый «Морской устав», а все ранее действовавшие уставы отменены. Этот устав вошел в «Свод морских постановлений» (далее «Свод» [12]), где выделен в отдельную книгу – № 10. Изданные в 1887 г. книги «Свода» – № 16 «Военно-морской устав о наказаниях»; № 17 «Военно-морской дисциплинарный устав» и № 18 «Военно-морской судебный устав», по существу являются уголовным кодексом, дисциплинарным уставом, уголовно-процессуальным и исполнительным кодексом в области военного мореплавания в мирное время, во время войны и в местностях, объявленных на военном положении. В 1915 г. «Военно-морской устав о наказаниях» претерпел изменения вместе с другими основными книгами Свода, в которых отражался современный ход технической и научной мысли. Свод, являясь прямым преемником петровского Устава Морского и будучи написанным в его логике, действовал до 1917 г.

На этом основании мы выделяем Период кодификации и развития законодательства об ответственности за нарушение правил кораблевождения (далее НПК), который начинается с момента создания Устава Морского и заканчивается 1917 г. Он характеризуется проведенной в Уставе Морском систематизацией законодательства о нарушении правил кораблевождения и его дальнейшее развитие в логике Устава, т.е. кодифицированного документа о военном мореплавании, в котором специальный раздел посвящен ответственности за нарушение правил кораблевождения.

Революция 1917 г. отменила все законы и уложения прежней власти, заменив их своими. Однако такого подробного,

даже детального регламентирования система ответственности за нарушение правил кораблевождения не получила. С 1917 до 1957 гг. не имеется источников права, предусматривающих уголовную ответственность именно за нарушение правил кораблевождения, совершенных военнослужащими. В «Положении о воинских преступлениях» от 27 июля 1927 г. предусмотрена только ответственность капитана за незаконное оставление погибающего корабля и сдачу неприятелю средств войны (военного корабля) [3].

В этот период и последующий, до введения в действие специальной нормы ответственности за нарушение правил кораблевождения, лица, совершившие НПК, привлекались к ответственности за халатность и к другим статьям общей части Уголовного кодекса 1926 г. с учетом их специального правового статуса [4,5,8].

Специальная норма, предусматривающая ответственность за различные посягательства на порядок эксплуатации военной техники, была введена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 г. «О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях». Статьей 14.3 Положения предусматривалась уголовная ответственность за нарушение правил кораблевождения [2]. Эта норма нашла отражение в Законе СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления» и в УК РСФСР 1960 г., где превратилась в ст. 254 УК РСФСР [6].

Указанные правовые положения действовали до вступления в законную силу с 1 января 1997 г. Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 352 которого установлена ответственность за нарушение правил кораблевождения [8]. Однако и на современном этапе указанная норма развития не получила, её диспозиция мало изменилась с 1957 г.

Таким образом, выделяем современный этап развития ответственности за нарушение правил кораблевождения, который характеризуется отсутствием преемственности с предыдущими периодами. Система ответственности за нарушение правил кораблевождения сначала отсутствует, затем регламентируется общеуголовным составом, а потом появляется отсылочная и крайне общая норма, регламентирующая указанные правоот-

ношения. Вопросы ответственности за указанные преступления в военное время не рассматриваются вовсе.

Диспозиция ст. 352 УК РФ является бланкетной, т. е. подразумевает обращение к иным правовым источникам, которые включают все нормативные акты, регламентирующие порядок кораблевождения и эксплуатации кораблей, поэтому общего понятия правил кораблевождения и эксплуатации военных кораблей не существует. Под ними понимается вся совокупность правоустанавливающих норм в этом виде человеческой деятельности, в том числе узкоспециализированные нормы, содержащиеся в различных инструкциях, правилах и наставлениях.

Перечень актов, регулирующих установленный порядок мореплавания кораблей ВМФ, обширен и может занять десяток печатных страниц, основными из которых являются:

1. Женевская «Конвенция об открытом море» 1958 г.

2. Лондонская «Конвенция о Международных правилах предупреждения столкновения судов в море» (COLREG) 1972 г. или МППСС-72.

3. «Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву» (UNCLOS) 1982 г., заключенная в г. Монтего-Бее.

4. Корабельный устав ВМФ 2001 г., утвержденный приказом Главнокомандующего Военно-морским флотом от 01.09.2001 № 350 (в настоящее время обсуждается проект нового корабельного устава).

5. Устав службы на судах ВМФ 2010 г., утвержденный приказом Министра обороны РФ от 22.07.2010 № 999.

6. Инструкция о порядке классификации, расследования происшествий с кораблями, судами, их вооружением, военной и специальной техникой и организации работы по предупреждению аварийности в ВМФ, утверждённая приказом Главнокомандующего ВМФ от 27.11.2015 № 1180 дсп.

7. Руководства по обеспечению живучести надводного корабля (РОЖ-НК-2017) и подводной лодки (РОЖ-ПЛ-2017), утвержденные приказом Главнокомандующего ВМФ в 2017 г. и др.

Кроме того современная ст. 352 УК РФ содержит ряд терминов, которые требуют дополнительного разъяснения.

Необходимо отметить, что первые два периода развития ответственности за НПК указанные положения подробнее регламентировались в современных им документах.

Для правильного понимания состава преступления, предусмотренного ст. 352 УК РФ, необходимо определиться с терминами: «военный корабль», «нарушение правил вождения», «нарушение правил эксплуатации» и совершение указанного преступления субъектом, которые не нашли разъяснения в Уголовном кодексе РФ.

Обобщение имеющейся на Северном флоте следственной и судебной практики, позволяет сделать вывод, что под термином «военный корабль» практические работники понимают только боевые и специальные корабли, что, по нашему мнению, может в ряде случаев породить ошибки при квалификации конкретных деяний. Действующие правовые положения, в том числе Корабельный устав ВМФ 2001 г., толкуют эти понятия шире, относя к «военным кораблям» также суда обеспечения. Поэтому термин военный корабль, указанный, но не определенный в Уголовном кодексе РФ, не тождествен термину боевой и специальный корабль, используемый в Корабельном уставе ВМФ и других нормативных правовых актах.

В настоящее время в соответствии с общепринятой классификацией к «военным кораблям» относятся: боевые корабли, корабли специального назначения, а также морские и рейдовые суда обеспечения ВМФ Вооруженных Сил РФ, береговой охраны Пограничной службы ФСБ России, корабли и военные суда Росгвардии, ФСО России, МЧС России и других федеральных государственных органов, в которых законодательством предусмотрена военная служба.

Эти военные корабли имеют внешние знаки отличия национальной принадлежности Российской Федерации (флаг и герб), находятся под командой военнослужащего, которому подчинен экипаж. Военно-служебная деятельность на военном корабле организована в соответствии с Корабельным уставом (для ВМФ) либо иным нормативным правовым актом, изданным полномочным лицом соответствующего федерального государственного органа.

С учетом личного опыта расследования совершенных на Северном флоте преступлений, предусмотренных ст. 352 УК РФ, полагаю необходимым выделить три значимые категории военных кораблей:

а) боевые корабли (подводные лодки, надводные корабли: катера, корветы, фрегаты, эсминцы, крейсера, противолодочные, авианесущие, десантные, сторожевые корабли и др.);

б) корабли специального назначения (разведывательные, минные заградители, тральщики, батискафы и др.);

в) военно-морские суда обеспечения (госпитальные, пожарные, размагничивания, танкеры, самоходные баржи, плавкраны, плавдоки, рейдовые катера, буксиры и др.).

Для квалификации по ст. 352 УК РФ под термином «судно» необходимо понимать только военно-морские суда обеспечения (морские и рейдовые).

Деяния лиц из состава экипажа такого судна можно квалифицировать по ст. 352 УК РФ только в том случае, если они являются военнослужащими, в установленном порядке допущены к управлению и эксплуатации судна и допустили нарушение соответствующих правил в связи с выполнением служебных обязанностей. В противном случае их действия могут быть квалифицированы только как общеуголовное преступление.

Сказанное позволяет сделать следующий вывод: субъектом нарушения правил кораблевождения может быть только военнослужащий, наделенный в установленном законом порядке специальными полномочиями по вождению или эксплуатации военного корабля (военно-морского судна обеспечения).

Под вождением военных кораблей следует понимать непосредственное управление кораблем в плавании, специально допущенным к этому членом его экипажа, от начала движения при помощи движителя (в том числе мускульной силы для лодок) до полной остановки, с принятием мер по предупреждению столкновения судов в море, обеспечению живучести корабля при получении им повреждений, а в случае возникновения угрозы гибели корабля – мер для предотвращения такой угрозы или оставления корабля, при невозможности её предотвращения.

Эксплуатация военного корабля представляет собой проводимую на его территории (на борту) в соответствии с установленными правилами подготовку к использованию, а также использование его узлов, механизмов, шкиперского имущества, ракетных пусковых установок, торпедных аппаратов, палуб, внутренних помещений согласно предназначению и эксплуатационным документам, а также соблюдение нормативно установленного порядка проведения артиллерийских, торпедных, ракетных стрельб, постановки и снятия мин, заправки горюче-смазочными материалами, пресной водой, организации транспортировки, взлета и посадки летательных аппаратов, швартовых, регламентных, шлюпочных, такелажных, погрузочно-разгрузочных работ, учебных и других обеспечительных мероприятий.

Таким образом, вопросы разграничения ответственности за нарушение правил военного кораблевождения в Российской Империи регламентировались более детально, чем в настоящее время. Действующая редакция ст. 352 УК РФ представляется сформулированной недостаточно полно. Ее конструкция не позволяет обеспечить дифференцированный подход к применению уголовной ответственности за совершение предусмотренных этой статьей деяний, повлекших последствия различной степени тяжести и общественной опасности, в связи с этим требуется устранить возникшие пробелы законодательного регулирования.

Мы предлагаем следующие изменения.

1. Не повторяя норм ст. 331 УК РФ, устранить неопределенность в характеристике конкретного круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 352 УК РФ, т.к. нарушить специальный порядок службы могут только лица, на которых в соответствии с обязанностями военной службы возлагается соблюдение такого порядка.

2. В уголовно-правовой норме определить понятие «военного корабля».

3. Конкретизировать и разграничить в различных частях ст. 352 УК РФ деяния, предусмотренные этой статьей, повлекшие последствия различной степени тяжести: крупный материальный ущерб, причинение тяжкого вреда здоровью человека, смерть одного человека, а также

двух и более лиц. Установить за совершение этих деяний различные по срокам наказания, санкции.

4. В целях повышения эффективности взаимодействия разграничить между собой полномочия ведомственных комиссий, создаваемых для проведения расследования, причин аварий и катастроф, вызванных нарушениями правил кораблевождения, с одной стороны, и полномочия военных следственных органов – с другой.

Для реализации этих предложений требуется внести изменения в ст. 352 УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

Ст. 352. Нарушение правил кораблевождения.

1. Нарушение правил вождения и (или) эксплуатации военных кораблей, совершенное членом экипажа в связи с исполнением обязанностей военной службы и повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью человека и (или) крупного ущерба, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом в размере до пятисот тысяч рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. То же деяние, повлекшее смерть человека, наказывается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц, наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет.

Примечание. 1. Корабль – военно-морской боевой корабль, корабль специального назначения, морское и рейдовое судно обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, иных федеральных государственных органов, в которых законодательством предусмотрена военная служба.

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, признается повлекшим крупный ущерб, если его сумма превышает пять миллионов рублей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дыгало В.А. Откуда и что на флоте пошло. – М., 2000. – С. 52, 53.

2. Об уголовной ответственности за воинские преступления: закон СССР от 25.12.1958 г. (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс.

3. Положение о воинских преступлениях: утверждено постановлением ЦИК/СНК СССР от 27.07.1927 г. (СЗ СССР. – 1927. – № 50. – Ст. 505, в ред. от 15.02.1957) (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс.

4. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 1.06.1922г. (вместе Уголовным кодексом РСФСР). // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

5. О порядке привлечения к ответственности работников Наркомморфлота, Наркомречфлота Союза ССР и Главного Управления Северного морского пути при Совнаркоме Союза ССР за преступления по службе в связи с указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 9 мая 1943 г: приказ Наркомюста СССР, Прокуратуры СССР от 10.05.1943г. № 38-28м // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943.

6. Уголовный кодекс РСФСР: утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 г. (в ред. от 30.07.1996) (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс.

7. Уголовный кодекс РФ: закон РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // СПС КонсультантПлюс.

8. О введении военного положения на морском и речном транспорте: Указ Президиума ВС СССР от 9.05.1943 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1943. – № 18.

9. Устав морской, о всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. Книга пятая. – СПб., 1763. – С.128 – 130.

10. Честнов Н.Е. Правовые основания уголовной ответственности военнослужащих за нарушение правил кораблевождения // Режим доступа: cyberleninka.ru/articlen/pravovye-osnovaniya-ugolovnoy-otvetstvennosti-voennosluzhaschih-zanarushenie-pravil-korablevozhdeniya

11. Свод морских постановлений, состоит из 16 книг, содержащих нормативные акты по различным вопросам жизнедеятельности флота (книги 11 и 12 не издавались).

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА СЕКРЕТНОСТИ В КОЛЛЕКТИВНЫХ СИЛАХ ОПЕРАТИВНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ОДКБ

ШОЕВ Ш.Р.

SHOEV S.R.

TRIBUNE OF APPLICANT

LEGAL ISSUES OF ENSURING THE REGIME OF SECRECY IN COLLECTIVE RAPID
RESPONSE FORCES CSTO

Шоев Шодмон Рустамович, соискатель, ФГКВУО ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: shodmon@list.ru

Shoev Shodmon Rustamovich, Applicant of The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: shodmon@list.ru

Аннотация. в статье рассматриваются, вопросы обеспечения сохранности секретной информации в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, а также нормативно-правовая основа данной сферы деятельности; основные способы отправки секретной информации.

Abstract. This article examines the issues of ensuring the safety of secret information within the framework of the Collective Security Treaty Organization (hereinafter - the CSTO), as well as the legal and regulatory framework of this field of activity. The main ways of sending secret information are considered.

Ключевые слова: секрет, тайна, государственный секрет, государственная тайна, ОДКБ, СНГ, Республика Таджикистан, Российская Федерация, модельный закон, Соглашения о взаимном обеспечении сохранности секретной информации.

Keywords: Secret, secret, state secret, state secret, CSTO, CIS, Republic of Tajikistan, Russian Federation, model law, Agreement on mutual security of secret information.

Преследуя цель усилить и углубить информационную безопасность государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее по тексту ОДКБ), нельзя не сфокусироваться на важнейшем краеугольном камне этого – сохранности секретных данных, которыми члены данного внешнеполитического союза обмениваются в результате своего тесного многопрофильного сотрудничества.

Усиление международной напряженности на фоне противостояния связки Россия – НАТО выражается в явном усилении атак на информационное поле стран. Именно информационные или «гибридные» войны предстают сейчас в виде апофеоза столкновения двух парадигм или внешнеполитических позиций, олицетворением которых выступают США во главе НАТО и Россия, стоящая на передовой ОДКБ [1].

Атаки ведутся не только на Россию, но и на каждого стратегически важного ее партнера по соглашению. Меры, которыми необходимо отражать данные атаки, не могут быть исключительно внутриполитическим делом страны, но обязаны стать мерами объединенного и согласованного ответа стран ОДКБ на серьезнейшие вызовы современности. Потому как секретная информация, особенно военного характера, должна являться исключительно собственностью государства и того стратегического союза, к которому оно примкнуло. Любой взлом и кража данных должны быть пресечены в самой возможности своего осуществления.

Именно поддержание строжайших стандартов, на которых базируется секретность информации, является основой устойчивости данного внешнеполитического союза и средством усиления суверенности каждого отдельно взятого государства, выбравшего для себя систему коллективной безопасности. Сохранность секретной информации необходима еще и для устойчивого развития военных отраслей экономик государств-членов, новейшие разработки которых будут ограждены от опасности стать достоянием государств, являющихся стратегическими соперниками ОДКБ, а также вооруженных трансконтинентальных бандформирований.

В настоящее время существует ряд нюансов, являющихся факторами потенциальной угрозы для единого информационного поля ОДКБ. Их необходимо точно обозначить и рассмотреть варианты нейтрализации.

Первым фактором является отсутствие единообразной терминологической базы и ее понимания у стран ОДКБ.

Если пристально взглянуть на нормотворческую базу союза ОДКБ, то там не найдется категории в ее устойчивом и единообразном понимании всеми членами союза, обозначающей секретную информацию, доступную для государств-членов, и запретную для разглашения государствам, не вошедшим в соглашение. Ввиду наличия такого существенного пробела используется традиционное понятие государственной тайны и прочих смежных опре-

делений (например, государственный секрет) в их расширенном понимании. Таким образом, ввиду наличие пробела в нормотворческой базе союза ОДКБ, страны прибегают к своим национальным законодательным актам, предоставляющим им привычное правовое регулирование. Но это не может быть решением проблемы. Самый главный термин, под которым понимаются конфиденциальные сведения различного источника происхождения, разглашение которых подрывает обороноспособность, престиж и геополитическое положение всего союза, так и не назван единообразно и недвусмысленно. В законодательстве стран-участниц ОДКБ явно прослеживаются национальные особенности, усложняющие выработку единой концепции формулировки и понимания государственных секретных сведений.

Вполне осознавая существующий пробел в нормотворческой базе Содружества Независимых государств (далее по тексту СНГ), в 2003 году руководителями стран-участниц был совместно разработан Модельный закон, касающийся государственных секретов, утрата сведений которых прямо бьет по национальной защищенности стран. Платформой для данного акта послужил Закон от 1999 года Республики Казахстан «О государственных секретах». Создатели данного акта остановились на категории «государственный секрет» и в преамбуле указали, что акт призван регулировать «...общественные отношения, возникающие в связи с отношением сведений к государственным секретам, их засекречиванием, распоряжением ими, защитой и рассекречиванием».

Предписания, касающиеся особого статуса секретной информации государственного значения, в российском законодательстве максимально конкретизированы в Законе от двадцать первого июля 1993 года «О Государственной тайне», в статье второй которой данная информация определена как «защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности,

распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации». Таким образом, государственная тайна представляет собой совокупность сведений, ненадлежащее распространение которых может нанести значительный вред внешнеполитическому положению страны-носительницы прав на целостность и конфиденциальность данных сведений.

Касательно таджикского законодательства, попытки осмыслить область государственной секретной информации были предприняты в Законе «О государственной тайне» от 14 декабря 1996 г., который в силу ряда объективных причин утратил свою юридическую привлекательность и практичность, а потому был лишен обязательной юридической силы [2].

Тем не менее он представляет особый интерес для анализа. Представляется разумным обратить особое внимание на пункт первый статьи второй вышеназванного Закона, который характеризовал государственную тайну как совокупность информации, непосредственно касающейся сфер обороны, экономики, внешней политики, государственной безопасности и внутреннего правопорядка страны, несанкционированное раскрытие которой может снизить уровень защищенности Республики Таджикистан. Законодатель не стал углублять представленную характеристику и детально прорабатывать категориально-понятийный аппарат, и развитие данной темы остановилось. И только с обретением Закона РТ «О государственных секретах» от 26 июля 2014 г. данный термин наконец прочно вошел в систему законодательства Таджикистана.

Республика Армения в 1996 году также приняла профильный Закон на данную тематику, вложив в термин «государственная тайна» схожее смысловое наполнение. Данное государство было одним из первых членов СНГ, которые осознали необходимость законодательного закрепления сведений особо важного характера на высшем юридическом уровне.

Категория государственной тайны включает в себя два самостоятельных смысловых наполнения, напрямую

зависящих от двух факторов: объема информации, которая «таится», и круга лиц, имеющих/не имеющих доступ к этим данным [4]. Объективная тайна – это такая информация, которая не исследована, не понята и не объяснена, например, данные об авиакатастрофе. Режим государственной тайны может засекретить сведения об авиакатастрофе, причины которой не поняты и не объяснены, таким образом наложив табу на данную тему для СМИ и общественности. Субъективная тайна – такие сведения, которые достоверны, исследованы и признаны правдивыми, но их подлинность и нюансы известны только строго обозначенному кругу лиц. По сравнению с объективной тайной, когда объем информации в принципе не может быть обозначен в силу непознанности, при субъективной тайне лица, которым доверен к ней доступ, четко осознают весь объем хранимых данных [5]. Таким образом, конкретизируя смысл, вкладываемый в понятие государственной тайны, мы можем наблюдать дуализм данной категории, который проявляется в понятиях абсолютной и относительной государственной тайны [6].

В Таджикистане с введением новых законодательных актов, в том числе Закона Республики Таджикистан «О государственных секретах» от 26 июля 2014 [7], таджикский законодатель отказался от термина «тайна», используя вместо этого термин «секрет». Вот его официальное определение, декларируемое в статье первой вышеназванного Закона: «защищаемые государством сведения, распространение которых ограничено государством с целью осуществления эффективной военной, экономической, научно-технической, внешнеэкономической, внешнеполитической, разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной и иной деятельности, разглашение или утрата которых наносит или может нанести ущерб национальной безопасности и обороноспособности Республики Таджикистан». Понятие государственного секрета представляется нам очевидно шире по смысловой наполненности, нежели понятие государственной тайны, и это явно положительная тен-

денция.

Во-первых, устанавливается положение о соответствии информации, охраняемой в интересах государства, общепризнанным принципам и нормам международного права, иначе такие сведения не могут составлять части от всего объема государственных секретов. Такой шаг таджикского законодателя еще раз свидетельствует об открытости отношения Республики Таджикистан к нормам международного права.

Во-вторых, наряду со словом «распространение» было добавлено слово «утрата». Действительно, утрата информации, являющейся государственным секретом, может повлечь за собой последствия, при которых государственным интересам наносится прямой ущерб. Данное изменение сблизило формулировку данного Закона с Модельным законом СНГ о государственных секретах.

Категория «государственный секрет» не является термином исключительно правовой системы Республики Таджикистан. Данное понятие также было имплементировано в правовые системы Белоруссии, Киргизстана и Казахстана.

Представляется, что термин «государственный секрет» по своей семантике практически полностью соответствует слову «тайна», только имеет западноевропейское происхождение, подтвержденное учеными-латинистами [8].

Комплекс мер по охране государственных секретных сведений в странах, объединенных общим советским прошлым, характеризуется однородностью и общими правовыми и технологическими истоками. Во всех правовых системах данных государств объемы и типы сведений, подлежащих засекречиванию, определены детально и четко, что является прямым подтверждением действенности принципа законности и верховенства права при урегулировании этих сложнейших вопросов. Именно законодательная фиксация закрытого перечня государственных секретов является платформой для выстраивания всей системы государственной защиты данных сведений. Сведения, отбираемые для режима секретности,

должны иметь действительную, объективную нужду в засекречивании. В отборе информации должен строго соблюдаться принцип обоснованности и разумности, который применяется при непосредственной оценке содержания того или иного блока сведений. Несмотря на наличие секретных данных субъекты информационных отношений не могут быть лишены права на свободный поиск, получение, исполнение и распространение информации. Формы защиты секретных сведений должны быть исключительно правовыми. Гарантии информационной безопасности должны быть действенными и максимально конкретизированными [10].

Поступательный прогресс в деятельности Содружества становится невозможным, если страны не выработают общего взгляда на самые острые вопросы, сопровождающие идею коллективной безопасности, когда каждое из государств становится своеобразным носителем гарантий отражения военного нападения от стран-агрессоров, а в совокупности военная мощь политического союза возрастает в геометрической прогрессии. Представляется важным определить те области военного, дипломатического и экономического сотрудничества стран-партнеров и информацию, наполняющую их, секретность которых должна быть обеспечена всеми возможными способами во имя эффективности и целесообразности существования самого Союза.

Государства – члены ОДКБ, преследуя общие цели в деле обеспечения собственной и взаимной информационной безопасности, не могли не пойти на самые решительные формы сотрудничества, которые выразились в создании сетки межгосударственных соглашений, непосредственно касающихся данной сферы регулирования. В течение 2002-2003 годов Российская Федерация заключила подобные соглашения с Беларусью, Арменией, Таджикистаном, Киргизией и Казахстаном. Данные соглашения были заключены на уровне правительств и являлись своего рода «дорожной картой» по определению комплекса необходимых мероприятий, способствующих поддержанию секретности важнейших государственных

ных сведений.

Республика Таджикистан заключила такого вида соглашения со всеми государствами-членами ОДКБ.

После попытки принятия общего Модельного Закона, следующим важнейшим документом, на настоящее время являющимся правовой основой сотрудничества государств-членов ОДКБ в области охраны секретных данных, стало Соглашение о взаимном обеспечении сохранности секретной информации в рамках Организации Договора о коллективной безопасности от 18 июня 2004 г. [11] (далее - Соглашение 2004 г.). Республика Таджикистан ратифицировала данный нормативный документ 13 апреля 2005 г.

В указанном выше Соглашении сведения, защищаемые законами государств-членов ОДКБ, определяются как «государственная тайна» либо «государственный секрет». И снова в этом вопросе мы видим двойственность терминологии.

Особое внимание следует обратить на статью первую документа, которая носит ярко выраженный декларативный характер. Так, согласно ее содержанию, секретная информация как специфические сведения, может быть выражена в любой форме (письменной, устной, электронной и прочей) и должна защищаться как внутренним законодательством стран-участниц Соглашения, так и самим содержанием Соглашения. Данные секретные сведения могут происходить из прямого межгосударственного взаимодействия стран-участниц во внешнеполитической, военной, военно-технической, экономической, научно-технической, разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной и иной деятельности. Разглашение и несанкционированное распространение данных сведений создает прямую угрозу странам-участницам, что и обуславливает необходимость в их особом режиме защиты.

Надо помнить о том, что сам текст Соглашения не обозначает, какая именно информация носит режим секретности, но отсылает своих читателей к внутреннему законодательству стран-участниц ОДКБ как источнику максимально конкретизированных сведений по данной

теме. Касательно Республики Таджикистан, в тексте Закона «О государственных секретах» перечислены 129 видов сведений, относимых к государственным секретам, которые подразделяются на следующие типы:

- Данные, касающиеся военных операций, тактик и разработок, а также прочих нюансов, относимых к обороноспособности как отдельной страны, так и всего Содружества в целом;

- Информация о различных чрезвычайных происшествиях, их статистики и прочих показателей, а также данные, касающиеся гражданской обороны;

- Материалы о состоянии мобилизационной подготовки военнообязанного населения страны;

- Сведения в области экономического развития страны, состояния ее финансовых институтов, объектов промышленного значения, науки и техники;

- Некоторая информация, касающаяся внешнеполитической и внешнеэкономической области;

- Сведения в области разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной и иной деятельности.

Безусловно, не все вышеперечисленные блоки информации в полном объеме являются и обязаны быть засекреченными. Сегменты, подлежащие особому режиму охраны, конкретизируются в правоприменительных актах страны.

Все государства, вошедшие в сферу сотрудничества по рассматриваемому вопросу, принимают на себя строгие обязательства по созданию надежной и отлаженной системы защиты секретной информации, которая появляется как результат внешнеполитического, экономического, научно-технического, военного, военно-технического, разведывательного, контрразведывательного, оперативно-розыскного и иного сотрудничества государств между собой. Стороны обязуются в своей охранительной деятельности руководствоваться правилами Соглашения о взаимном обеспечении сохранности секретной информации в рамках ОДКБ.

Соглашение допускает использование национальных механизмов обеспечения режима сохранности секретной

информации. В Республике Таджикистан Закон о государственных секретах устанавливает полномочия Президента Республики Таджикистан, государственных органов в данной области, а также права и обязанности организаций в области защиты государственных секретов (Глава 2, ст. 6-12).

Рассмотрим подробнее роль Главы Республики в этом деле. Президент устанавливает общие стандарты и направления, по которым и в соответствии с которыми будет развиваться вся кампания по защите государственных секретных данных. Президент определяет, какие международные соглашения должны стать составной частью правовой системы государства, а какие не могут быть юридически полезны для Таджикистана. И именно Глава Республики рассматривает отдельно и скрупулезно каждый случай необходимости предоставления доступа к секретным сведениям третьим лицам – представителям иных государств, представителям международных корпораций и прочим заинтересованным лицам.

Высший представительный орган Республики формирует законодательную базу под охрану секретных данных; определяет величину финансовых ресурсов, направляемых из бюджета на создание необходимой системы по охране государственных секретов; производит ратификацию международных соглашений, равно как и их денонсацию, когда смысл международных соглашений в области охраны секретных данных перестает соответствовать государственным целям и интересам Таджикистана.

Правительство разрабатывает государственные программы, служащие целям охраны конфиденциальной информации государственного значения и создает материально-техническую базу под них; определяет типы сведений государственного значения, которые не должны попасть в открытый доступ ни через одно средство информации; разрабатывает методики определения степени ущерба, возникающего при разглашении того или иного сегмента государственных секретов; выстраивает межгосударственные связи на уровне исполнительных органов власти,

способствующие обмену и накоплению опыта по успешной защите государственных тайн.

Порядок обеспечения режима секретности при осуществлении внешнеполитического, экономического, научно-технического, военного, военно-технического, разведывательного, контрразведывательного, оперативно-розыскного и иного сотрудничества между государствами-участниками Соглашения о взаимном обеспечении сохранности секретной информации в рамках ОДКБ (далее Порядок), являющийся неотъемлемой частью Соглашения 2004 г., устанавливает международный механизм защиты секретных данных. В данном документе определяется порядок привлечения лица к работе, сопрягающейся с государственной тайной, обязанности лиц, работающих с секретной информацией, а также регламентируется сотрудничество Сторон по обеспечению режима секретности конфиденциальных данных.

Второй фактор, усложняющий плодотворную работу союза ОДКБ, напрямую связан с Республикой Таджикистан. В законодательстве страны имеет место серьезнейший правовой пробел, а именно: отсутствие норм, регулирующих порядок и процедуру засекречивания информации и определения уровня ее засекреченности.

Соглашение 2004 г. и внутренние законы каждого государства-члена ОДКБ декларируют, что градация секретности и соответствующие им грифы выстраиваются следующим образом:

1. Особой важности;
2. Совершенно секретно;
3. Секретно.

Представляется очевидным, что градация степеней, характеризующих тот или иной уровень секретности государственных сведений, должна быть прямо пропорциональна величине урона в масштабах всего государства, если произойдет утечка данных [12].

Используемый раньше гриф «для служебного пользования», ограничивавший доступность специфических сведений в рамках трудовых правоотношений, не означал отнесение сведений к государственной тайне, но в на-

стоящее время признан неактуальным и поэтому – не использующимся.

Вполне резонно можно задуматься, по каким же параметрам та или иная информация наделяется присваиваемой ей степенью секретности?

Действующий Закон Республики Таджикистан «О государственных секретах» не устанавливает правила отнесения секретной информации к той или иной степени. В отличие от данного Закона статья 3 утратившего силу Закона Республики Таджикистан «О перечне сведений, составляющих государственную тайну» от 10 мая 2002 г. определяла правила отнесения сведений к государственной тайне следующим образом: «1) К сведениям особой важности относятся сведения в сфере обороны, экономики, внешних отношений, государственной безопасности и охраны правопорядка, распространение которых может нанести ущерб безопасности Республики Таджикистан в одной или нескольких из перечисленных сфер; 2) К совершенно секретным сведениям относятся сведения в сфере обороны, экономики, внешних отношений, государственной безопасности и охраны правопорядка, распространение которых может нанести ущерб интересам министерств (ведомств) или отрасли экономики Республики Таджикистан в одной или нескольких из перечисленных сфер; 3) К секретным сведениям относятся все иные сведения из числа сведений, составляющих государственную тайну, распространение которых может нанести ущерб интересам предприятий и организаций в сфере обороны, экономики, внешних отношений, государственной безопасности и охраны правопорядка. Любые другие сведения, не предусмотренные в Перечне сведений, составляющих государственную тайну, если они раскрывают данные, содержащиеся в Перечне, должны иметь ту же степень секретности».

Действующий Закон Российской Федерации «О государственной тайне» к этому вопросу относится иначе. Согласно статье 8 Закона разработка и создание правил отнесения сведений к той или иной степени секретности относятся к прямой компетенции Прави-

тельства Российской Федерации.

В связи с этим считается целесообразным конкретизировать порядок отнесения сведений к той или иной степени секретности в ныне действующем Законе Республики Таджикистан о государственных секретах. Это можно сделать двумя способами: либо путем восстановления положения статьи 3 утратившего силу Закона Республики Таджикистан «О перечне сведений, составляющих государственную тайну» от 10 мая 2002 г., либо путем четкого установления полномочий государственного органа, который будет наделять информацию той или иной степенью секретности.

Из содержания Соглашения о взаимном обеспечении сохранности секретной информации в рамках ОДКБ можно выделить следующие основные пункты:

- приравнивание важности и значения секретной информации, полученной путем сотрудничества государств - членов союза между собой, к внутригосударственным конфиденциальным данным, т.е. государства-члены ОДКБ должны относиться к секретной информации, полученной при осуществлении сотрудничества, таким образом, как относятся к своим внутригосударственным секретным данным;

- добросовестное употребление страной секретных данных, полученных от другого государства – члена ОДКБ легальным путем через дипломатического представителя или иным способом, исключительно в обозначенных и декларируемых целях;

- передача исключительных данных только с дозволения страны-собственника данной информации, выраженного письменно.

Одним из важнейших вопросов обеспечения сохранности секретной информации в деятельности Воинского Контингента Республики Таджикистан по решению задач в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ является выбор способа передачи той или иной секретной информации.

В Соглашении 2004 г. определяются следующие способы передачи данных между Сторонами:

- 1) по дипломатическим каналам.
- Передача секретных информации

по дипломатическим каналам осуществляется органами и ведомствами дипломатической разведки. Дипломатическая разведка как особый вид легальной стратегической деятельности осуществляется дипломатическими работниками исключительно на благо государства, которое они представляют при внешнеполитических сношениях. Все сведения передаются на родину дипломата по легализованным дипломатическим каналам и представляют собой наиболее ценную информацию из экономической, социальной и военной сфер страны, где дипломат осуществляет свою профессиональную деятельность.

Поступление собранной дипломатом информации должно носить систематический характер и быть представленным в виде детализированных и содержащих объективно достоверные данные отчетов.

Роль легального поставщика особо ценных сведений для построения грамотной внешней политики в Российской Федерации возлагается на Министерство иностранных дел. По военно-политической линии для этих целей служит структурное подразделение – Атташат, а в некоторых случаях добычей данных занимается непосредственно Генеральный штаб Вооруженных Сил [13].

2) посредством фельдъегерской службы.

Фельдъегерская связь как одна из форм почты специализируется на доставке различной документации особой важности (в том числе носящих грифы секретности) посредством привлечения сотрудников военной курьерской службы. Республика Таджикистан имеет в своем государственном аппарате специализированный орган, отвечающий за фельдъегерское сопровождение писем. Именно охрана государственного интереса посредством контроля за важнейшими почтовыми отправлениями и надежное доставление их до адресата является почетной обязанностью фельдъегерской службы в Республике Таджикистан. Основными задачами фельдъегерской связи являются доставка особо важных, совершенно секретных, секретных и иных служебных отправлений. Таким обра-

зом, воинский контингент Республики Таджикистан по решению задач в составе КСОР ОДКБ широко использует услуги фельдъегерской службы.

3) иными уполномоченными службами, в соответствии с межправительственными актами Сторон.

В этом плане согласно положению Соглашения 2004 г. передача секретной информации одной Стороной другой не ограничивается только дипломатическими каналами и фельдъегерской службой. По соглашению Сторон данные могут передаваться любым легальным путем.

Относительно двусторонних и многосторонних договоров по обеспечению сохранности секретной информации, заключенных между государствами – членами ОДКБ до принятия Соглашения 2004 г., в этом документе отмечается, что они будут действовать в той части, которая не противоречит Соглашению.

Третьим фактором, несущим потенциальную угрозу единому информационному пространству стран ОДКБ, является отсутствие единообразной практики в вопросе допуска третьих лиц к государственным конфиденциальным сведениям.

Здесь представляется разумным упомянуть о принципиальных различиях, имеющих место в таджикской и российской правовой практике, касающихся вопроса допуска субъектов к особо охраняемым государством сведениям.

В правовом поле Российской Федерации действует система лицензирования. Статус доверия, подтверждаемый выдаваемой компании лицензией, равносителен определению благонадежности и юридической чистоплотности компании, руководители которой прошли специализированную аттестацию. Оформление лицензии осуществляется исключительно за счет субъекта, имеющего прямую заинтересованность в оформлении допуска к гостайне.

Внутренняя политика Республики Таджикистан в отношении сохранности государственных секретов строится вокруг разрешительной системы, находящей свое выражение в избирательном подходе госорганов к субъектам, которым может быть предоставлен

допуск к государственной секретной информации. Избирательный подход выражается в тщательно осуществляемой проверке специализированными службами юридического лица и предварительном прохождении его руководящим составом аттестационных испытаний на предмет обращения со сведениями особой важности. По удовлетворительным результатам юридическое лицо получает разрешение и допуск к важнейшим государственным сведениям. Все проводимые процедуры осуществляются в рамках государственного финансирования.

Представляется очевидным необходимость выработки более единообразного подхода к данному вопросу допуска субъектов к государственно важной и секретной информации. Для этого странам необходимо как обмениваться положительными результатами и достигнутыми успехами, так и изучать опыт иных зарубежных коллег, которые нашли более оптимальные методы совершенствования данной сферы правового регулирования.

Представляется очевидным, что страны ОДКБ должны прийти к единообразию понимания всех нюансов, касающихся информационной безопасности и защиты государственно важных сведений. Это невозможно без принятия и выработки единого категориально-понятийного аппарата, в совокупности терминов которого каждое слово имеет четко определенное значение и смысл. Необходимо четко выявить нормативно уязвимые места в действующем законодательстве как каждого государства в отдельности, так и в межправительственных актах, принятых на рассматриваемую тему. Только корректное обозначение существующих правовых пробелов может служить первым шагом для совершенствования нормативной базы. В настоящее время специалисты высшего уровня уже трудятся над созданием единого словаря терминов, призванных сделать сотрудничество стран-участниц ОДКБ более гармоничным и плодотворным.

Подводя немаловажные итоги всего написанного выше, попробуем тезисно обозначить ключевые моменты, смысл

которых мы пытались изложить в этом труде:

1. Внешнеполитический союз ОДКБ нуждается в единой правовой платформе, едином понимании принципиальных моментов, касающихся защиты конфиденциальных сведений как государственного, так и международного значения.

2. В отличие от законов других государств-членов ОДКБ о секретах и утратившего силу Закона Республики Таджикистан «О перечне сведений, составляющих государственную тайну», в действующем Законе Республики Таджикистан «О государственных секретах» существует серьезнейший правовой пробел, а именно: законодателем не выработана процедура присвоения сведениям той или иной степени секретности. То есть фактически на деле градацию степени секретности той или иной информации невозможно определить. В связи с этим, предлагается либо восстановить положения статьи 3 утратившего силу Закона Республики Таджикистан «О перечне сведений, составляющих государственную тайну» от 10 мая 2002 г., либо, учитывая законодательную практику Российской Федерации, четко установить в действующем Законе полномочия государственного органа, который будет наделять информацию той или иной степенью секретности.

3. Страны – члены ОДКБ должны проработать единые механизмы допуска третьих лиц к засекреченным сведениям. Также членам союза следует выработать единый подход к теме источников финансирования для организации допуска и единые требования к лицам, желающим получить данный допуск к секретным сведениям.

4. Сближение таджикского и российского законодательства происходит намеренно и с далеко идущими стратегическими целями, обозначаемыми в рамках сотрудничества ОДКБ. Частично для такого гармоничного развития двух правовых систем задействуется платформа прежнего советского законодательства, частично процесс интеграции стимулируется путем совершенствования внутреннего правового

базиса ОДКБ.

ЛИТЕРАТУРА

1. П. 11 Военной доктрины Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-976).

2. Закон Республики Таджикистан «О государственной тайне» от 14 декабря 1996 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1996 г., № 23, ст. 364.

3. Закон Республики Таджикистан «О государственной тайне» от 22 апреля 2003 г. // Ахбори Маджлиси Оли РТ 2003г., №4, ст.134.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. С. 11.

5. Камалова Г.Г. Правовой режим информации ограниченного доступа: вопросы формирования понятийного аппарата // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2016. Т. 26, вып. 4. Ижевск, 2016. С. 119.

6. Юрченко И.А. Информация конфиденциального характера как предмет уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 30.

7. Закон Республики Таджикистан «О государственных секретах» от 26 июля 2014 // Ахбори Маджлиси Оли ЧТ от №7 (часть 1) 2014г. №392.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. С. 593.

9. Камалова Г.Г. Указ. соч. С. 119.

10. Макаров О.С. Сравнительно-правовой анализ закона Республики Беларусь «О государственных секретах» и закона Российской Федерации «О государственной тайне» // Условия реализации прав граждан и организаций на основе информационных технологий. – М.: ИГП РАН, 2010. С. 180-189.

11. Соглашения между Республикой Таджикистан и Республикой Беларусь о совместном использовании и защите секретной информации // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2005г., № 4, Ст. 282.

12. Полякова Т.Л. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://studme.org/78390/>

[pravo/organizatsionnoe_i_pravovoe_obespechenie_informatsionnoy_bezopasnosti](https://studme.org/78390/) (Дата обращения: 13.04.2019).

13. Дипломатическая разведка. Материалы из Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Дипломатическая_разведка (Дата обращения: 19.04.2019).

14. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. Рекомендательный законодательный акт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/crim.pdf> (дата обращения: 3.05.2018); Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участниц СНГ [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901914840> (дата обращения: 3.05.2018).

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ВОЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВО ВТОРОМ КВАРТАЛЕ 2019 ГОДА

БОЧАРОВ А.В.

BOCHAROV A.V.

CHANGES IN MILITARY LAW

REVIEW OF CHANGES IN THE RUSSIAN MILITARY LEGISLATION IN THE SECOND QUARTER OF 2019

Бочаров Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail:vu-bocharov@yandex.ru

Bocharov Alexandr Vladimirovich, Candidate of Law, associate professor, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail:vu-bocharov@yandex.ru

Аннотация: в обзоре акцентируется внимание на основных изменениях в российском военном праве во втором квартале 2019 года. Анализируются изменения Федеральных законов «О статусе военнослужащих», «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», «О воинской обязанности и военной службе» и их сравнение с предыдущими редакциями.

Abstract: The review targets on the most important changes in the Russian military law in the second quarter of 2019. Changes in the federal laws “On the status of military personnel”, “On the monetary allowance of military personnel and the provision of separate payments to them”, “On military duty and military service” and their comparison with previous editions are analyzed.

Ключевые слова: обзор изменений законодательства, военное право

Keywords: review of changes in legislation, military law.

Изменения в федеральном законе от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»

Федеральный закон от 06.03.2019 № 19-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [3] изменил формулировку запрета на разглашение тайны. Если в предыдущей редакции ч. 1 ст. 7, указанного закона, военнослужащие были «не вправе разглашать государственную и военную тайну», то

новая редакция, заменив словосочетание «и военную тайну» на «или иную охраняемую законом тайну», существенно расширила список информации, не подлежащей разглашению. Вместе с тем такой подход наконец разрешает правовую коллизию, когда понятие «государственная тайна» в силу ч.1. ст. 5 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» [6] поглощает понятие «военная тайна», которое не имеет самостоятельного законодательного регулирования. Таким обра-

зом, в настоящий момент единственное упоминание «военная тайна» остается только в ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Отдельно стоит отметить, что в рамках военной службы лицо могло получить доступ к информации которая не относится к категории «государственной тайны», но при этом входит в категорию «иная охраняемая законом тайна», как например, персональные данные, банковская тайна, тайна связи, тайна завещания, а также к отдельным сведениям при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и т.д.

Кроме этого, Федеральный закон от 06.03.2019 № 19-ФЗ, вносит дополнения (п. 1 - 4) в ч.1 ст. 7, которые устанавливают запрет военнослужащим и гражданам, призванным на военные сборы, на предоставление средствам массовой информации, либо с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» распространение или предоставление информации:

- позволяющую определить принадлежность или предназначение военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, к Вооруженным Силам Российской Федерации, другим войскам, воинским формированиям и органам;
- о других военнослужащих и гражданах, призванных на военные сборы, гражданах, уволенных с военной службы, членах их семей или их родителях, в том числе информацию, позволяющую определить место нахождения указанных лиц в определенный период другим лицам;
- о своей деятельности или деятельности других военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и граждан, уволенных с военной службы, связанной с исполнением обязанностей военной службы;
- о деятельности органов военного управления или органов управления другими войсками, воинскими формированиями и органами, о деятельности

объединений, соединений, воинских частей и иных организаций, входящих в состав Вооруженных Сил Российской Федерации или других войск, воинских формирований и органов, о деятельности подразделений указанных органов военного управления или органов управления, воинских частей и организаций, в том числе информацию о дислокации или передислокации органов военного управления или органов управления, объединений, соединений, воинских частей, организаций и подразделений, не отнесенную к перечню сведений, составляющих государственную тайну.

Исключения (п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих») составляют случаи, когда:

- распространение или предоставление информации, осуществляется военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы, в соответствии с другими федеральными законами;
- если предоставление информации, осуществляется в информационных системах персональных данных;
- если распространение или предоставление информации входит в обязанности военнослужащих и осуществляется в порядке, установленном нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти или федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Данное положение в отсутствии легального определения «военная тайна», позволяет определить круг сведений, которые на подлежат разглашению, но которые не входят в круг «государственной и иной охраняемой законом тайны». Такое регулирование в рамках специального закона (Федеральный закон «О статусе военнослужащих»), распространяющего свое действие на специальные субъекты права (военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы), в отношении специ-

альной (военной) информации выглядит наиболее логичным и последовательным, поскольку не затрагивает права и законные интересы других лиц.

Кроме этого, п. 3 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих» устанавливает, что «военнослужащим и гражданам, призванным на военные сборы, запрещается иметь при себе электронные изделия (приборы, технические средства) бытового назначения, в которых могут храниться или которые позволяют с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» распространять или предоставлять аудио-, фото-, видеоматериалы и данные геолокации». Исключение (п. 4 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих») составляют случаи, когда электронные изделия используются военнослужащими для выполнения своих обязанностей в порядке, установленном нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти или федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Отдельно следует отметить, что данное положение распространяется только на технические средства бытового назначения, и не затрагивает использование специальных средств.

Одновременно с этим, вносится дополнение в п. 2 ст. 28.5 Федерального закона «Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», которое позволяет квалифицировать нарушение запретов, установленных в п. 1.1 и 1.3 ст. 7 как грубый дисциплинарный проступок.

Федеральный закон от 29.05.2019 № 118-ФЗ «О внесении изменения в статью 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [5] вносит изменения в должностные обязанности командира, если раньше командир отвечал за «морально-психологическое состояние подчиненного личного состава», то новая редакция устанавливает ответ-

ственность за «морально-политическое и психологическое состояние подчиненного личного состава».

При этом в пояснительной записке Комитета Государственной Думы по обороне [10] при внесении законопроекта указывалось, что «под морально-политическим и психологическим состоянием понимается совокупность личностных идейно-политических установок, морально-нравственных ценностей, поведенческих мотивов и настроений, сложившихся под воздействием системы социально-политических и психологических факторов, влияющих на моральную готовность и психологическую способность личного состава выполнять поставленные задачи». Такое расширение обязанностей связано с усиливающимся воздействием политической составляющей общественной жизни, в связи с чем Указом Президента РФ от 30.07.2018 № 454 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» и в Положение, утвержденное этим Указом» [4] к полномочиям Минобороны вновь отнесена организация военно-политической работы в Вооруженных Силах РФ.

Изменения в федеральном законе от 07.11.2011 № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»

Постановлением Конституционного суда РФ от 22.03.2019 № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 2 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в связи с жалобой гражданина А.Е. Годунова» [8] п. 1 ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» признан не соответствующим Конституции

Российской Федерации, ее ст. 19 (ч. 1 и 2), 55 (ч. 3) и 59 (ч. 1 и 2), в той мере, в какой он служит основанием для отказа в предоставлении подъемного пособия при переезде на новое место (к месту) службы в другой населенный пункт тем военнослужащим, которые в установленном порядке без приостановления им военной службы назначены на должности преподавателей, не являющиеся воинскими, в учебные военные центры при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования.

В обосновании своего решения Конституционный суд указал, что согласно пункту 1 части 2 статьи 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в том числе поступившим на военную службу по контракту из запаса, при переезде на новое место (к месту) военной службы в другой населенный пункт, в том числе на территорию или с территории иностранного государства, в связи с назначением на воинскую должность, поступлением на военную службу по контракту, зачислением в военную профессиональную образовательную организацию или военную образовательную организацию высшего образования, срок обучения в которой превышает один год, или в связи с передислокацией воинской части производится выплата подъемного пособия в размере одного оклада денежного содержания на военнослужащего и одной четвертой оклада денежного содержания на каждого члена семьи, переехавшего на новое место (к месту) военной службы военнослужащего или в близлежащий от указанного места населенный пункт либо в другие населенные пункты (из-за отсутствия жилого помещения).

Между тем исходя из буквального смысла пункта 1 части 2 статьи 3 Федерального закона «О денежном доволь-

ствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» выплата подъемного пособия при переезде военнослужащих и членов их семей на новое место (к месту) военной службы в другой населенный пункт связывается только с назначением военнослужащих на воинскую должность, в результате чего военнослужащие, направленные в установленном порядке в учебные военные центры при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования и назначенные на должности преподавателей, не являющиеся воинскими, без приостановления им военной службы, оказались - в части, касающейся уровня гарантий их материального обеспечения, - в худшем положении по сравнению не только с военнослужащими, направленными в иной населенный пункт для дальнейшего прохождения военной службы на воинской должности, но и с имеющими право на выплату подъемного пособия лицами, работающими по трудовому договору, государственными гражданскими служащими, а также сотрудниками органов внутренних дел и другими категориями граждан.

Таким образом, в связи с тем что все военнослужащие, переезжающие в другой населенный пункт в целях дальнейшего прохождения военной службы, сохраняют статус военнослужащего и относятся к одной категории, нет оснований для установления различий в их правовом положении применительно к выплате подъемного пособия в зависимости от того, на какой должности - воинской или не являющейся воинской - им предстоит исполнять свои обязанности. Соответственно, установленное оспариваемой нормой правовое регулирование вступает в противоречие со статьями 19 (части 1 и 2), 55 (часть 3) и 59 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

Данное Постановление уравнивает права военнослужащих, которые были направлены в учебные военные центры

при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования и назначенные на должности преподавателей, не являющиеся воинскими, без приостановления им военной службы, и военнослужащих направленных в другой населенный пункт на новое место службы с назначением на воинскую должность в части, исключительно, предоставлении подъемного пособия при переезде на новое место (к месту) службы в другой населенный пункт и не затрагивает иные выплаты, которые могут быть предоставлены военнослужащим при назначении на воинскую должность. Например, суточные на военнослужащего и каждого члена его семьи, переезжающих в связи с переводом военнослужащего на новое место военной службы, за каждый день нахождения в пути.

Постановление Конституционного Суда РФ от 29.03.2019 № 16-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму» и части 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в связи с жалобой гражданина Е.А. Понкратова» [9] признало часть 6 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму» [7] и часть 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 39 (части 1 и 2), 55 (часть 3) и 59 (части 1 и 2), в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, они рассматриваются как исключаяющие возможность предоставления одному и тому же лицу из числа военнослужащих, получившему военную травму при участии в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом, являющемуся инвалидом и признанно-

му не годным к прохождению военной службы, единовременных пособий как в соответствии с частью 3 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму», так и на основании пункта 1 части 12 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат».

В обосновании своего решения Конституционный суд указал, что согласно части 6 статьи 21 Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» при одновременном возникновении в соответствии с законодательством Российской Федерации нескольких оснований для указанных в данной статье единовременных выплат (единовременных пособий, предусмотренных в случае гибели или причинения вреда здоровью лица, принимавшего участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом) выплата осуществляется по одному основанию по выбору получателя.

Часть 15 статьи 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» устанавливает, что единовременные пособия и ежемесячная денежная компенсация, предусмотренные частями 8 - 10, 12 и 13 данной статьи (выплаты, назначаемые военнослужащим и членам их семей в целях компенсации вреда, причиненного жизни и здоровью лиц, проходивших военную службу), не производятся лицам, получившим такие пособия или компенсации по тем же основаниям в соответствии с иными федеральными законами и нормативными правовыми актами Российской Федерации.

При проведении в 2011 году реформирования правового регулирования материального обеспечения военнослужащих одновременно с принятием Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» и

включением в него предусмотренных ранее пунктом 3 статьи 18 Федерального закона «О статусе военнослужащих» норм, закрепляющих выплату единовременного пособия при увольнении военнослужащих с военной службы в связи с признанием их не годными к военной службе вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, полученных ими при исполнении обязанностей военной службы, законодатель не изменил правил предоставления данного пособия.

Не подверглись изменениям и правила выплаты единовременного пособия, установленного частью 3 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму» для лиц, принимавших участие в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом и получивших увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности.

Таким образом, единовременное пособие, предусмотренное пунктом 1 части 12 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» при увольнении военнослужащего с военной службы в связи с признанием его не годным к военной службе вследствие военной травмы, и единовременное пособие, установленное частью 3 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму», выплачиваемое, если лицо, принимавшее участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, получило увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, различаются по своему месту и значению в правовом механизме возмещения вреда, причиненного здоровью военнослужащих, и не могут рассматриваться как однородные.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, принимавшие участие в контртеррористической операции, подлежат социальной защите как в соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму», так и

на основании законодательства о статусе военнослужащих. Вследствие этого в случае военной травмы они, как и другие лица, проходящие военную службу, вправе получить единовременное пособие, предусмотренное пунктом 1 части 12 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат». Одновременно такие военнослужащие, как лица, участвовавшие в мероприятиях по противодействию терроризму, приобретают право на получение дополнительных мер социальной защиты, закрепленных Федеральным законом «О противодействии терроризму», в том числе единовременного пособия, установленного частью 3 его статьи 21.

Предусматривая выплаты, в случае обеспечения которыми гражданину не могут быть назначены какие-либо иные пособия, оспариваемые нормы вместе с тем не содержат указания на выплаты, признаваемые однородными по отношению к единовременным пособиям, установленным частью 3 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму» и пунктом 1 части 12 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат». В результате в правоприменительной практике допускается отказ в предоставлении при увольнении с военной службы единовременного пособия, закрепленного пунктом 1 части 12 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», тем получившим военную травму при участии в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом и признанным не годными к прохождению военной службы гражданам из числа военнослужащих, являющимся инвалидами, которые ранее получили единовременное пособие, установленное частью 3 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму».

**Изменения в федеральном законе
от 28.03.1998 №53-ФЗ «О воинской
обязанности и военной службе»**

Федеральный закон от 01.05.2019 № 98-ФЗ «О внесении изменений в статьи 22 и 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [1], который вступит в законную силу 01.09.2019 г., добавляет ранее не существовавший пункт 2.1, согласно которому граждане, имеющие право на освобождение от призыва на военную службу (ч. 2 ст. 23 данного закона) и граждане, имеющие право на отсрочку от призыва на военную службу (ч. 2 ст. 23 данного закона), и отказавшиеся от реализации своего права на освобождение от призыва на военную службу или права на отсрочку от призыва на военную службу, призываются на военную службу.

Отказ от реализации соответствующего права осуществляется посредством подачи гражданином заявления о таком отказе в призывную комиссию. Указанное заявление приобщается к протоколу заседания комиссии.

Данное положение устраняет пробел в праве, которые не регламентировал не только сам механизм отказа от своего права для гражданина, желающего быть призванным на военную службу, но и не детерминировал такое право у гражданина. Одновременно с этим данная редакция не устанавливает обязанность призыва такого гражданина, позволяя призывной комиссии самостоятельно в каждом индивидуальном случае решать вопрос о призыве на военную службу.

Новая редакция ч. 4 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» предусматривает, что военнослужащий, проходящий военную службу по призыву, имеет право на досрочное увольнение с военной службы при возникновении у него в период прохождения военной службы по призыву обстоятельств, предусмо-

тренных подпунктом «б» пункта 2 статьи 23 (военнослужащих, проходивших военную службу по призыву, погибших (умерших) в связи с исполнением ими обязанностей военной службы, и граждан, проходивших военные сборы, погибших (умерших) в связи с исполнением ими обязанностей военной службы в период прохождения военных сборов; граждан, умерших вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, полученных в связи с исполнением ими обязанностей военной службы в период прохождения военной службы по призыву, после увольнения с военной службы либо после отчисления с военных сборов или окончания военных сборов) и подпунктами «б» (занятым постоянным уходом за отцом, матерью, женой, родным братом, родной сестрой, дедушкой, бабушкой или усыновителем, если отсутствуют другие лица, обязанные по закону содержать указанных граждан, а также при условии, что последние не находятся на полном государственном обеспечении и нуждаются по состоянию здоровья в соответствии с заключением федерального учреждения медико-социальной экспертизы по месту жительства граждан, призываемых на военную службу, в постоянном постороннем уходе (помощи, надзоре)), «б.1» (являющимся опекуном или попечителем несовершеннолетнего родного брата или несовершеннолетней родной сестры при отсутствии других лиц, обязанных по закону содержать указанных граждан), «в» (имеющим ребенка и воспитывающим его без матери ребенка), «г» (имеющим двух и более детей) и «д» (имеющим ребенка-инвалида в возрасте до трех лет) пункта 1 статьи 24 настоящего Федерального закона.

В отличие от действующей редакции указывается, что обстоятельства, дающие право на досрочное увольнение, должны возникнуть в период прохождения военной службы по призыву, что позволило более точно определить категорию военнослужащих, имеющих

такое право. Одновременно с этим, было скорректирована гипотеза данной нормы относительно которой исключила дефиницию «не имеющий воинского звания офицера», поскольку последние не могут проходить военную службу по призыву.

Федеральный закон от 29.05.2019 № 117-ФЗ «О внесении изменений в статьи 34 и 40 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [2] внес изменения в правила призыва на военную службу иностранных граждан, Положение ч.1 ст. 34 о том, что «контракт о прохождении военной службы также вправе заключать иностранные граждане, законно находящиеся на территории Российской Федерации» было дополнено - «Указанные иностранные граждане могут воспользоваться своим правом на заключение контракта о прохождении военной службы только один раз»

Кроме того, уточняются категории военнослужащих и граждан, которые приводятся к военной присяге. В частности, в ч. 1 ст. 40 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» понятие «поступивший на военную службу» заменено понятием «поступивший на военную службу по контракту или проходящий военную службу по призыву», поскольку понятие «поступивший на военную службу» применимо только к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

ИСТОЧНИКИ

1. О внесении изменений в статьи 22 и 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»: Федер. закон от 01.05.2019 № 98-ФЗ // СЗ РФ, 06.05.2019, № 18, ст. 2222

2. О внесении изменений в статьи 34 и 40 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»: Федер. закон от 29.05.2019 № 117-ФЗ // СЗ РФ, 03.06.2019, № 22, ст. 2673

3. О внесении изменений в статьи 7

и 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих»: Федер. закон от 06.03.2019 № 19-ФЗ // СЗ РФ, 11.03.2019, № 10, ст. 889

4. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» и в Положение, утвержденное этим Указом: Указ Президента РФ от 30.07.2018 № 454 // СЗ РФ, 06.08.2018, № 32, ст. 5313

5. О внесении изменения в статью 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих»: Федер. закон от 29.05.2019 № 118-ФЗ // СЗ РФ, 03.06.2019, № 22, ст. 2674

6. О государственной тайне: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 // СЗ РФ, 13.10.1997, № 41, стр. 8220-8235

7. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СЗ РФ, 13.03.2006, № 11, ст. 1146.

8. По делу о проверке конституционности пункта 1 части 2 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в связи с жалобой гражданина А.Е. Годунова: Пост. Конституционного Суда РФ от 22.03.2019 № 15-П // СЗ РФ, 01.04.2019, № 13, ст. 1454

9. По делу о проверке конституционности части 6 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму» и части 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в связи с жалобой гражданина Е.А. Понкратова: Пост. Конституционного Суда РФ от 29.03.2019 № 16-П // СЗ РФ, 08.04.2019, № 14, ст. 1649

10. Пояснительная записка к законопроекту № 658662-7 (Комитет Государственной Думы по обороне) [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/658662-7> (дата обращения 20.06.2019 г.)

**ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ
НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА»****ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ**

1. Основным содержанием рецензируемого научного издания – журнала «Вестник военного права» (далее – Журнал) являются научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы, соответствующие научным специальностям, по которым Журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

2. Направляемые в Редакцию для публикации научные статьи должны содержать основные научные результаты, самостоятельно полученные авторами в ходе проведения научных исследований, обладать актуальностью, практической значимостью, научной новизной и представлять интерес для специалистов.

3. Научные статьи, подготовленные по научным специальностям, которые входят в группы 12.00.09 «Уголовный процесс» и 20.00.00 «Военные науки», должны тематикой и содержанием соответствовать указанным специальностям и обеспечивать раскрытие военно-правовых вопросов.

4. Представление в Редакцию статей, ранее опубликованных, размещённых в сети «Интернет» или направленных на публикацию в другие издания, не допускается.

5. При использовании результатов чужих исследований или чужих научных идей обязательна ссылка на источник публикации и авторов этих сведений. Все материалы, направляемые в редакцию Журнала, проходят обязательную проверку на плагиат в системе «Антиплагиат.ВУЗ». Допускаемый порог оценки оригинальности составляет 60% и более объема текста статьи.

6. В одном номере Журнала может быть опубликовано не более двух материалов одного автора, даже если он выступает соавтором.

7. К статьям прилагаются сведения об авторе (авторская справка).

8. Представляемые к изданию статьи, в которых содержатся сведения, находящиеся в компетенции Военного университета, проходят обязательную экспертизу в соответствии с требованиями Инструкции о порядке подготовки в Вооружённых Силах Российской Федерации материалов к открытому опубликованию. Заключение экспертизы направляются в Редакцию вместе со статьёй.

9. Авторы, в статьях которых содержатся сведения, не находящиеся в компетенции Военного университета, вместе с рукописью представляют экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати, заверенное подписью руководителя и скреплённое печатью организации.

10. Рукописи адъюнктов, аспирантов, слушателей принимаются к рассмотрению только при наличии заключения соответствующей кафедры с рекомендацией к опубликованию статьи.

11. Принятые к рассмотрению рукописи в обязательном порядке подвергаются рецензированию и в случае положительного результата его прохождения – научному, литературному редактированию и корректуре.

12. Электронные версии полнотекстовых типографских номеров Журнала (полнотекстовые варианты статей) в обязательном порядке размещаются в сети «Интернет» на сайте Журнала и в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) в открытом доступе.

13. Переписка с авторами осуществляется только по электронной почте.

14. Все материалы публикуются в Журнале на безвозмездной основе: плата с авторов не взимается, гонорар им не выплачивается.

15. Перепечатка, воспроизведение и иное использование материалов, опубликованных в Журнале, возможны только по согласованию с Редакцией с обязательным указанием названия, номера и года издания Журнала.

16. При цитировании материалов ссылки на Журнал и авторов публикаций обязательны.

Представляя научную статью в Редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен с полной версией Правил направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник военного права», размещённой на сайте Журнала.

RULES OF SENDING, REVIEWING AND PUBLISHING SCIENTIFIC ARTICLES IN THE “VESTNIK VOENNOGO PRAVA” JOURNAL (THE JOURNAL OF MILITARY LAW) GENERAL REQUIREMENTS

1. The main content of the peer-reviewed scientific journal “Vestnik Voennogo Prava” (The Journal of Military Law) (hereinafter – “the Journal”) is the scientific articles, scientific surveys, scientific reviews, testimonies that correspond to groups of scientific specialties, according to which the Journal is included in the list of peer-reviewed scientific editions for publishing main scientific results of dissertations for the academic degree of Candidate of Sciences and the academic degree of Doctor of Sciences.

2. The scientific articles sent to the Editorial Office for publication should contain the main scientific results obtained independently by the authors in the course of scientific research, have relevance, practical significance, scientific novelty and be of interest to specialists.

3. Scientific articles prepared on the scientific specialty, which is part of the 12.00.00 “Jurisprudence” and 20.00.00 “Military Sciences” groups, should, in accordance with the name and subject matter of the Journal, disclose military-legal issues on the topic of the article.

4. Submission to the Editorial Office of materials previously published, posted on the Internet or sent for publication to other publishing house is not allowed.

5. In case of using the results of someone else’s researches or scientific ideas, a reference to the source of the publication and the authors of this information is mandatory. All materials sent to the Editorial Office of the Journal undergo mandatory test for plagiarism in the “Antiplagiat.VUZ” system. The originality of the article should be 60% or more.

6. No more than two materials of one author can be published in one issue of the Journal, even if he is a co-author.

7. The information about the author (author’s background) is attached to the articles.

8. The articles submitted for publication that contain information within the competence of the Military University are subject to compulsory examination in accordance with the requirements of the Instruction on the Procedure for Preparing Materials for Open Publication in the Armed Forces of the Russian Federation.

9. The authors whose articles contain information not falling within the competence of the Military University together with the manuscript should present an expert opinion on the possibility of publishing an article in the open press certified by the signature of the head officer and sealed with the organization seal.

10. The manuscripts of adjuncts, post-graduate students, attendees, cadets and students are accepted for consideration only if there is a review of the scientific supervisor or lecturer with a recommendation to publish the article.

11. The manuscripts accepted for consideration are necessarily subjected to peer review and in case of a positive result of the review, they are subjected to scientific & literary editing and proofreading.

12. The online versions of the full-text typographic issues of the Journal (the full-text versions of the articles) are compulsorily placed in the Internet on the Journal’s website (www.vestnik-vp.ru) and in the Russian Science Citation Index (RSCI) on the platform of the Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru) in the public domain.

13. Communication with authors is carried out only by e-mail.

14. All materials are published in the Journal free of charge: no fee is charged to the authors, no fee is paid to the authors.

15. Reprinting, reproduction and other use of materials published in the Journal are possible only with the approval of the Editorial Office, with obligatory indication of the title, number and year of the Journal issue.

16. It is obligatory to refer to the Journal and authors of the publications when quoting.

Presenting a scientific article to the Editorial Office, the author confirms that he/she is acquainted with the full version of the Rules of sending, reviewing and publishing scientific articles in the “Vestnik Voennogo Prava” journal (The Journal of Military Law), posted on the Journal’s website.